

AT01500

ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

9102

0.62

0-616.

В. И. Оппокова.

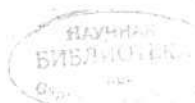
ПРОШЛОЕ
САРАТОВСКОГО КРАЯ.

86

пр-95

САРАТОВ 1920 г.

Саратов, Гублит. № 1025.

256527

B. Duvoncha

Валентина Ипполитовна Оппокова.

Валентина Ипполитовна родилась 7-го февраля 1892 года в г. Саратове. Выросла и воспитывалась она в семье отца, управляющего Саратовским Отделением Государственного Банка Н. З. Оппокова.

8 лет она поступила в 4-ю Саратовскую Женскую Гимназию Министерства Народного Просвещения; в 1908 г. окончила 7 классов и, не оставаясь в 8-м, поехала в Москву на курсы Герье. Поступив на Историческое Отделение Историко-Филологического Факультета курсов, она окончила их в 1911 году, а в 1912 году сдала государственный экзамен при Московском Университете. Одновременно с курсами Валентина Ипполитовна проходила Московский Археологический Институт по Архивно-Археологическому отделению (1911 г.) и, кроме того, ею были прослушаны Московские Педагогические Курсы для лиц с высшим образованием, экзамен по которым был ею сдан в 1912 году.

В 1911 году, по окончании курсов и сдаче государственных экзаменов, Валентина Ипполитовна, не устроившись на педагогической службе в родном Саратове, приняла первое предложение места в уютном и старом Дмитрове Московской губернии. Но уже в октябре 1911 года она вернулась в Саратов и стала преподавать сначала в 4-й Реальной училище, а потом в той самой гимназии, где сама недавно училась.

В годы своего в ней преподавания Валентина Ипполитовна деятельным членом вошла в семью саратовских учителей средней школы, преимущественно историков.

В этой своей старой гимназии Валентина Ипполитовна быстро выделялась как прекрасный педагог и деловой, спокойный член Совета. В 1917—18 г. она была фактическим руководителем

лем в переустройстве гимназии, внешним выражением чего явилось ее избрание председателем Совета. Роль, которую в эти месяцы сыграла в гимназии, была огромна. По работе, ею сделанной, предполагалось, что в ближайшее время она заменит в гимназии начальницу, при которой несколько лет назад она сама была школьницей и которая именно ей, высоко ценя ее дарования педагога и администратора, хотела передать управление школой. Но весной 1918 года она ушла от преподавания в средней школе, сохранив за собою лишь вечерние курсы для взрослых, частные уроки, да при ее же деятельнейшем участии созданный «Дом Юношества», — товарищеское объединение учащихся саратовских средних учебных заведений.

В следующем году летом она поступила на службу в Губарлине на должность архивариуса. Об ее работе там есть заметка в журнале Центрархива «Архивное Дело», 1925 г. № 1 стр. 158. С того же времени она близко становится к работе Саратовской Губернской Ученой Архивной Комиссии, вскоре, при ее личном содействии, преобразованной в Саратовское Общество Истории, Археологии и Этнографии. Здесь сначала она работает в Архиве Комиссии, позже, 29 января 1920 года, принимает должность секретаря Общества. В этой должности она быстро стала товарищеским и моральным центром учреждения. Работа в Губарлине и Обществе вернула ее к научным занятиям.

С весны 1920 года она начала готовиться к магистерским экзаменам по русской истории. Но уже летом 1920 года она чувствовала сильнейшее переутомление работой в двух больших учреждениях и частными уроками, не давать которых она не могла по причинам материального свойства. Тогда же летом Саратовский Институт Народного Образования причислил ее к своему педагогическому составу преподавателем методики истории. И Валентина Пинозитовна решила оставить Губарлина и секретарства в Обществе и вновь огладиться любимым педагогическим трудом, на этот раз в школе высшей, да научной работе по подготовке к экзаменам и над изучением прошлого края.

Действительно, тем же летом она ушла из Губарлина, но спустя за ее официальным отходом в Саратов приехал Инспектор

Губаргива Н. Ф. Бельчиков—и было некому, кроме Валентины Иннозитовны, ввести его в курс всех дел Губаргива и показать ему всю работу Губаргива и все его хранилища. Те несколько дней, которые ушедшая со службы Валентина Иннозитовна отдала Губаргиву, ее окончательно изжили. Заболев брюшным тифом, она не выдержала его и его осложнений и умерла—7 октября 1920 г.

Память Валентины Иннозитовны свято чтится в Губаргиве и Обществе Истории, Археологии и Этнографии, ее милую «Архивку», которой она отдала с таким простым бескорыстием и такою несравнимою скромностью так много чистого и свежего труда.

Ей было посвящено заседание Общества в сороковую день ее поистине безвременной кончины.

Этот томик вышел из тех чтений, которые Валентина Иннозитовна вела в вечерних школах для взрослых и своем любимом детище «Доме Юношества». Часть их она с большим успехом проводила на краткосрочных курсах, которые весной 1920 года устраивало Общество для своих научных сотрудников и вольнослушателей из студенческой среды по истории, археологии и этнографии нашего богатого утраченными и живыми культурами края.

Печатаются эти чтения так, как они сохранились после Валентины Иннозитовны в ее бумагах, не вполне для печати отделанными и недоведенными целиком всего прошлого края. Думается, что они будут полезны всем, кто работает над изучением прошлых судеб края или их изучает другим.

I. ПРИРОДА САРАТОВСКОГО КРАЯ И ЕГО ДРЕВНЕЙШИЕ ОБИТАТЕЛИ.

Саратовский край расположен недалеко от границ Азии, откуда во все времена являлись в Европу толпы диких кочевников-скотоводов в поисках новых пастбищ. Этот край лежит на границе лесной и степной полос России и резко делится по своей природе на две части—северную лесную и южную степную. Разница между ними заметна и в настоящее время: раньше, когда рука человека не стирала искусственно различия между лесной и степной полосой, вырубая леса в одном месте и насаждая их в другом, эта разница чувствовалась еще сильнее. Где-нибудь на севере в Петровском, Кузнецком, Хвалынском уездах и теперь много лесов, больших и старых: в них до сих пор сохранилось много всякого зверья, а в прежние времена его было значительно больше. Зато на юге лесов почти нет—там мы теперь видим летом безорешные поля пшеницы, изредка подсолнухов, а сто лет тому назад и раньше здесь тянулась безлесная степь, зеленая, цветущая весной и сухая, выгоревшая летом, иногда сплошь покрытая волнующимся седым ковылем; лишь изредка степь прерывалась небольшими лесными балками, несколько нарушавшими ее однообразие. В этой степи водилось немало зверей и птиц, но их было гораздо меньше, чем на лесном севере. Только сайгаки, дудаки (дрофы), куропатки, тиготели и пашим степям, вились над ними коршуны, да степные орлы, высматривая добычу—сусликов, мышей и всякую мелкую птицу, парили высоко под облаками. Порой жаворонок заливался своей песней, скрываясь в глубокой синеве безоблачного неба. Но по душе была в прежние времена эта степь для мирного пахаря—слишком унылой, выгоревшей была она летом; зато для диких на-

стуха-кочевника в этой просторной и, может быть, на наш взгляд скучно-однообразной жилой стене, было привольно; на севере ему мешали хмурые леса, там тесно было стадам. Встарину лесов было больше, и захоронили они, может быть, несколько дальше на юг. Около Саратова теперь лесов редкость, а раньше и не очень давно, перелесков тут было гораздо больше; во многих местах, где раскинулись теперь поля и селения, встарину были лесочки, особенно по оврагам и по берегам рек. На месте нынешнего Саратова по оврагам тянулся лес, может быть, негустой; вдоль берега Волги зеленели деревья. В лесу скотоводу тесно, зато там привольно охотнику-зверолову, да и рыбаку жилось недурно где-нибудь на берегу Волги или ее многочисленных притоков; встарину воды в них было больше, и рыбы водилось видимо-невидимо.

Не так давно в северных уездах нашей губернии нередко попадались медведи; лоси, волки, лисы и теперь еще можно встретить иногда под самым горстом, а встарину зверей было здесь гораздо больше, чем теперь. Человек еще не придумал всех хитрых способов истребления животных, да и людей было не так уже много, чтобы мешать жизни зверей. Множество птиц жуужало в здешних лесах, и пчеловод мог собирать обильную жатву. Водились тут в большом количестве козы, лоси, волки, заходили и медведь в поисках добычи, было множество бобров, столь привлекательных для охотников. В глубокой старине, о которой у человека не сохранилось воспоминаний, а знаем мы только по случайным находкам, водились здесь мамонты, огромные косматые животные с большими клыками; их кости подчас находят в земле в нашем крае.

Но если зверей здесь было в те отдаленные времена значительно больше, чем теперь, то людей было гораздо меньше. До сих пор в Саратовском крае не найдено следов древнейшего человека, охотника мамонта (1), тогда как в других местах Европы мы вместе с костями мамонта находим орудия и оружие человека, грубо сделанные из камня. В Саратовском крае мы встречаем следы человека уже довольно культурного, хорошо вооруженного шифом самым каменным топором, луком и стрелами с каменными наконечниками, а подчас даже медным оружием. Об этих древнейших насельниках нашего края мы не имеем никаких рассказов ни уст-

ных, ни письменных, самая память о них давно на земле исчезла. Но они оставили нам свои могилы-бурганы, насыпанные часто 2—3 тысячи лет тому назад, и мы находим остатки их поселений—городища.

Разрывая и изучая эти остатки сооружений древнего человека, мы узнаем кое-что о жизни наших отдаленных предков.

Из того, что нам кажется простым и понятным, им очень многое было незнакомо, представлялось чудесным. Они не умели строить себе хороших домов и ютились кое-как в шалашах и пещерах. У них не было тех сложных паровых и электрических машин, которые теперь так помогают человеку, они не умели приготовить даже хорошего стального или железного ножа, да и самого железа они не умели ни обрабатывать, ни добывать. Их главным оружием были каменные, хорошо отточенные, топоры и молотки, часто очень изящной формы. Чтобы сделать такой молот, человеку, при его неумелости и плохих орудиях, приходилось тратить очень много времени, зато, в конце-концов, он имел в руках тяжелый молот или лук, чтобы защищаться от диких зверей или самому на них нападать.

Человек сумел уже приручить к себе животных, в его могилах часто встречаются кости быков, баранов, умел сеять хлеб. Он одевался в меховые одежды, а подчас носил шерстяное платье (2). Рослые, сильные жители нашего края тех времен любили украшать себя ожерельями из просверленных красивых камешков, или волчьих и лисьих зубов, шнелками, разными бронзовыми и медными венчиками. Есть некоторое основание думать, что они любили украшать свое тело татуировкой, и подчас покрывали себе лицо густым слоем красной или малиновой краски, кусочки которой до сих пор сохранились в некоторых могилах.

Человек умел уже изготовлять себе недурную глиняную посуду, украшая ее разными рисунками: мы находим довольно много глиняных горшков в могилах людей того времени; они ставились туда, вероятно, с разными продуктами. К своим покойникам люди того времени относились очень заботливо. Они снабжали их в последнюю дорогу пищей—злаками, рыбой, просом, быками, бара-

нами, оружием, украшениями, полагая, что все это понадобится покойному в загробной жизни. Умерших часто укладывали в могилы головой на восток в странном скорченном положении, с подогнутыми руками и ногами, над могилой насыпали невысокий курган; землю на нем плотно утрамбовывали, а стенки самой могилы покрывали иногда белой краской (2). Подалось в Саратовской губернии несколько очень странных могил, прикрытых большими каменными плитами, в них лежали скелеты, засыпанные просом (3). Этот хлеб не требовал особенного ухода, а потому пользовался большим распространением у первоначальных жителей нашего края. Очень часто такие курганы встречаются целыми группами: такая местность служила, вероятно, кладбищем для наших предшественников.

Вот то немногое, что рассказывает нам могилы древних обитателей нашего края, но они не говорят нам—кто были эти люди.

Один из греческих историков V века до Р. X. Геродот называет жителей нашей южной России киммерийцами и говорит, что в VII веке до Р. X. их отчасти истребили, отчасти вытеснили кочевники скифы (4). Об этом же, повидимому, парде киммерийцев говорят и клинообразные надписи ассиро-вавилонян: они сообщают о набегах на Ассирию парда Ги-мир-ри (5), и случалось, цари Ассирии со страхом обращались к богам с вопросом—явятся ли жители Ги-мир-ри к бою, будут ли грабить, резать и убивать в его земле? Можно думать, что киммерийцы были древними жителями южной России. Но точно ли у нас были киммерийцы на юге нашего Саратовского края, или мы встречаем следы иного народа—с полной уверенностью мы сказать не можем.

Много находок этой эпохи сделано в Аткаревском, Камышинском, Царицынском уездах, но еще больше лежит их в земле, ожидая, чтобы кто-нибудь нашел и исследовал их.

II. СКИФО-САРМАТСКАЯ ЭПОХА, БУДИНЫ И ГЕЛОНЫ.

В VII веке до Р. Х., говорит греческий историк Геродот, посетивший в V веке нашу южную Россию, киммерийцы были вытеснены, а отчасти завоеваны скифами, новым народом иранского племени, близкого современным осетинам. Об этих скифских народах Геродот оставил нам много интересных сведений. Он говорит, что все пространство от устьев Истра (Дуная) до Танаиса (Дона), занимали скифы. На север от Понта (Черное море) их владения простирались на 20 дней пути, т. е., считая в день версты по 33, на 660—700 верст. За ними на север и северо-восток обитали другие народы: невры (в них некоторые видят предков наших славян), андрофаги—дикие людоеды, меланхлены—черные кафтаны. Из них про невров говорили, что они были знакомы с чародейством и на некоторое время ежегодно превращались в волков, но сам Геродот считал такие слухи баснями: может быть зимняя меховая одежда невров заставила заподозрить этот народ в колдовстве. За владениями этих племен страна была покрыта болотами и необитаема: там, говорили, ничего не видно из-за множества перьев или пуха, они застилали воздух и покрывали землю; сам Геродот догадывался, что под пухом и перьями следует подразумевать снег и наши пушистые метели.

За Танаисом в степи, лишенной диких и садовых деревьев, жили другие народы: от местийских болот (Азовское море) пространство на 15 дней пути на север занято было савроматами или сарматами (6)—полудиким кочевым народом, тоже иранского племени. Позже эти сарматы вытеснили скифов и, кажется, они дали названия всем крупным рекам южной России—Дон, Донец, Днепр, Днестр (7); Дон—по ирански вода, река. Эти кочевники жили во

времена Геродота в южной степной части нашего края и нередко выступали вместе со скифами против общих врагов. Но, как кочевники, они не заходили на лесистый север нашего края.

Сарматы занимались главным образом скотоводством—их главное богатство составляли табуны и стада, бродившие по обширным задонским степям. Занимались они и земледелием, но сравнительно мало. Они кочевали по степи в своих скрипучих телегах, запряженных волами. Постоянных городов у них было очень мало; но нам известны даже названия некоторых сарматских городков, напр. Кондак Усне; он лежал на возвышенном месте, окруженный стенами и рвами; стены были сделаны из плетней с насыпанной между ними землей. Но жизнь в городе не привлекала сармата; он любил скакать по просторным степям на коне, с ним сармат составлял неразрывное целое, и часто после смерти воина не расставался с конем—его хоронили верхом на лошади. Такие погребения встречаются довольно часто в степях нашего юга. В могилах этих кочевников постоянно встречаются железные и медные удила, стремена, разные украшения конской сбруи.

Скифы были народом воинственным, а сарматы и того больше. Даже женщины, у них носили мужской костюм (7а) и принимали участие в войне. По словам Геродота, ни одна сарматская девушка не выходила замуж прежде, чем не убьет врага; и некоторые женщины доживали у них до старости и умирали девушками, потому что не в состоянии были выполнить такого требования (8). Излюбленным оружием сармата был лук со стрелами, которыми он мог издалека, приблизившись на своем быстром коне, поразить врага и снова умчаться на степной простор. Употребляли сарматы также длинные пиклы, мечи.

Их одежда не мешала движениям: широкие рубахи и шаровары, сверху кафтан (9), или плащ, открытый спереди, державшийся на плечах посредством застёжки (10). В бой они надевали кожаные шлемы и панцири, последние иногда делались из тонких пластинок, вырезанных из конских копыт, в руках у воинов для защиты от ударов был плетеный щит. Сарматы часто красили волосы в красноватый цвет, что считалось очень красивым.

Полудикие, воинственные сарматы были храбрыми, неудержимыми воинами и наводили страх на всех своих врагов: их боялись и персы, когда встретились с ними, как союзниками скифов, во время похода против жителей южно-русских степей; они же много веков спустя наводили ужас на римлян, живших на берегах Черного моря. Римлянину Овидию сарматы представлялись хищными волками свиреной паружности, рука которых была всегда готова наносить удары и раны.

От этой эпохи в Саратовском крае осталось множество маленьких медных наконечников стрел, плоских, трехгранных (11), которые в свое время напечивались змеиным ядом (12), чтобы вернее поразить врага, медные котелки с изображением диких лошадей, удила, бронзовые зеркала—в них в свое время любовались, не чуждые кокетству, воинственные сарматские красавицы, а иной раз попадаются золотые браслеты (13).

Предприимчивые греки охотно забирались в сарматскую глушь, чтобы овладеть дорогими редкими товарами и продать их с большим барышом у себя на родине. Они забирались и дальше в землю будинов, которая занимала второй участок земли за Доном выше области сарматов, и, как более северная страна, вся была покрыта густым разнородным лесом (14).

Будины—народ крупный, с светло-голубыми глазами и рыжими волосами. Они вели кочевой образ жизни, занимались охотой на выдр, бобров и еще каких-то животных с четырехугольной мордой. Будины употребляли в пищу еловые шишки (15), или вишен, (соответствующее греческое слово Геродота имеет двойное значение), но в каком виде потребляли они это лакомство—греческий историк не пояснил. Через страну будинов проходил торговый путь греков из Черноморских колоний на восток к Уральским горам и даже далее к Алтаю; известно, что предприимчивые греки забирались за Уральские горы и получали оттуда меха и золото (16), которые во множестве вывозились в Афины. Геродот говорит, что в земле будинов есть город Гелон; в нем жили гелоны, не похожие на будинов ни сложением, ни цветом кожи. Это оседлый народ, который занимался земледелием и садоводством. Город их отличался красотой, хотя весь был построен из дерева. Там было много хра-

мов в честь греческих богов, особенно же гелоны чтили бога Диониса. Стены города были сделаны из дерева и отличались своей обширностью. Гелоны по своему происхождению были эллины, так думает Геродот, это были греки из торговых греческих городов. Неподдерживаемая жажда к наживе влекла их в поисках новых торговых путей в далекую богатую Азию, все дальше вглубь варварских земель, и Гелон был их передовым торговым постом в этих чужих местах недалеко от границ Азии. Где был этот город—до сих пор неизвестно, но, как думают многие ученые, его надо искать где-нибудь на берегах Волги или близ нее, где-нибудь южнее Саратова, потому что через этот город шла дорога из Черноморских колоний к Рифейским (Уральским) горам, а оттуда в Сибирь, откуда гелоны и греки вывозили ценные для афинян товары.

Многие ученые трудились, отыскивая место Гелона, некоторые думали отыскать его на месте нынешнего Увека (17), но все попытки в этом отношении до сих пор не увенчались успехом.

Геродот, объясняя, кто были гелоны, молчит о том, кто были будины. Многие из русских ученых думают, что это были финны. Самая наружность современных финнов соответствует наружности геродотовских будинов—рыжеватые волосы, голубые глаза—характерный признак финна-мордвина, и до сих пор обитающего в северной части Саратовской губернии. Дошло до нас и название одного из городов будинов—*Kariscos*, и до сих пор укрепленное место на финском языке обозначается словом «*Kar*» (18), что также заставляло некоторых склоняться к мысли о родстве будинов и финнов.

Многие до сих пор сомневаются, точно ли будины жили на Волжском берегу Саратовского края, некоторые ищут их родину даже в Пинских болотах (19), но за последнее время в науке все больше склоняются к мысли, что будинов надо искать в Саратовской и смежных губерниях.

Конечно, помещая будинов и гелонов в пределах Саратовской губернии, мы наталкиваемся на одну странность—Геродот как будто бы не упоминает о Волге, близ которой мы поместили эти народы. Но, повидимому, Геродот в этих местах сам не бывал и писал со слов других людей, а они дали ему не совсем точные све-

дения. Однако, он упоминает, что за сарматами и будинами находилась страна фиссагетов, откуда берут начало четыре реки, изливающиеся в озеро Меотийское (Азовское), Лик, Оар, Танаис и Сиргис. В имени Оар некоторые современные ученые (20) видят испорченное Ра,—этим именем финские племена называли Волгу. Если считать это правильным, то отец истории Геродот сделал одну большую ошибку: его Оар—Ра—Волга впадала в Азовское, а не Каспийское море. Такую ошибку допустить можно, если принять во внимание, что благодаря отдаленности Поволжья у черноморских греков много было неясного и неточного в их сведениях о далекой восточной стране и ее реках, а Геродот свои страницы о восточных частях нашей России строил, повидимому, на показаниях этих колонистов.

III. ХАЗАРО-БУРТАССКАЯ ЭПОХА. ПЕЧЕНЕГИ И ПОЛОВЦЫ.

Благодаря Геродоту и другим писателям древности мы можем хоть немногими чертами нарисовать картину жизни Саратовского края с V века до Р. Х. по II ст. после Р. Х.; после них надолго замолкают наши известия о нем.

От древних писателей мы знаем, что сарматы все сильнее и сильнее теснили скифов, и во II веке до Р. Х. (21) сарматские племена уже успели поглотить скифов и стали господами положенны на всем Черноморском побережьи. С тех пор началась смутная эпоха в жизни юга нашего края. Сначала сменялось господство родственных друг другу сарматских племен: аланы, очень близкие сарматам, начали теснить, а затем и покорили их. В то же время в Азии становилось все беспокойнее, там тесно было многочисленным кочевникам, для их стад нужны были просторные степи, и в поисках за ними двинулись на запад одно за другим кочевые племена, враждуя между собой, вытесняя друг друга.

Эти воинственные племена стремились на запад отчасти и благодаря заманчивым слухам о несметных богатствах европейских стран; легендарные рассказы о богатствах Рима и Византии возбуждали их алчность и заставляли пускаться в далекий путь, полный лишений, опасностей, войн. Сарматы-иранцы были разгромлены, разбиты нападением германцев с запада и гуннов-тюрков с востока. Они исчезли, растворившись в массе индо-иранского населения запада, и лишь на юге нашей России до сих пор уцелели жалкие остатки огромного сарматского народа в лице осетин (22).

Гунны шли, сметая все на своем пути, за ними двинулись авары, венгры—все эти племена следовали быстро одно за другим, не оставляя никаких следов на культуре Поволжья. Результатом

их владычества на нижней Волге было лишь то, что в этих местах долго не могло образоваться никакого сколько-нибудь значительного, культурного государства, так как кочевники-степняки грабили и громили все, что едва, может быть, начинало зарождаться.

Источники молчат об этой смутной поре в жизни юга нашего края. Мы можем догадываться, что в лесах кочевники не жили, если и забирались туда, то исключительно с целью грабежа ненадолго, но там шла какая-то своя незаметная жизнь.

Только с VIII века после Р. Х. (12 веков после Геродота) снова мы получаем возможность делать некоторые наблюдения над жизнью прежних жителей нашего края по сочинениям многочисленных арабских ученых и путешественников, посетивших нижнее Поволжье.

В это время образовался могущественный и торговый арабский халифат к югу от Каспийского моря. Предприимчивый дух, жажда наживы, а в некоторых, может быть, случаях и любознательность, влекли араба на север в богатые мехами, медом и пчеловодниками страны. И путешественник-купец, образованный и любознательный араб, не прочь был поделиться с современниками своими сведениями о далеких странах, где он побывал. Начинают лавать нам известия об этих народах и византийские историки. Значит в южно-русских поволжских и черноморских степях наступило относительное затишье: оно дало возможность арабскому купцу и греческому дипломату пробраться на берега далекой Волги.

И точно, от иностранцев мы узнаем, что в VI—VIII вв. на нашем юго-востоке раскинулось огромное Хазарское царство от низовий Волги до Закавказья на юг, до Крыма на запад. К северу от Хазарского царства располагался зависимый от хазар народ буртасы: еще выше по Волге находилось богатое и торговое царство волжских болгар со столицей близ устьев Камы. Эти два богатейших царства болгар и хазар с лежащей между ними буртасской землей задержали на время движение азиатских орд в Европу, дали возможность славянскому племени расселиться и утвердиться в южной России. Для нас особенно интересно могу-

нественное Хазарское царство, которое в обще-русской истории сыграло большую роль.

Многие славянские племена—радимичи, вятичи и даже поляне платили хазарам дань. Хазары, повидимому, явились в Европу вместе с гуннами (23), были им подчинены, но с течением времени не только освободились от чужеземного ига, но сами подчинили себе ряд соседних народов и создали на берегах Волги и Каспия огромное и сильное царство, которое сдерживало напор Азии на Европу в течение нескольких столетий и дало возможность обитателям Поволжья хоть некоторое время сравнительно мирно пользоваться его естественными богатствами. Хазарское царство не было единым по составу своего населения: сами хазары были, повидимому, народом тюрского племени, но в их державе встречалось много людей других племен—арабы, евреи, финны и проч. Сам каган хазарский не поведывал иудейство, хотя с IX в. среди хазар распространилось магометанство. Для каждой религии были свои судьи в главном городе хазар: двое для мусульман, двое для хазар, которые судили по закону Пятикнижия (еврейскому), двое для тамошних христиан, которые судили по закону Евангелия, один для славян, руссов и других язычников, он судил по закону язычества.

Сами хазары, по словам арабов, зимой жили в городах, а летом большей частью кочевали по обширным степям со своими стадами (24).

Около городов их раскинуты были роскошные виноградники (25); расселившись по Волге, хазары не могли не заниматься рыболовством, и любимой их пищей была рыба и рис (26). Но главным занятием хазар была торговля. Они получали меха, мед, воск от славян, руссов, буртасов, болгар, и везли их к персам и арабам.

До сих пор множество арабских дирхемов (монета, величиной в полтинник) найденных в разных местах русской земли, свидетельствуют об обширной арабско-хазарской торговле.

Городов у хазар было не так уже много, самый большой—Итиль раскинулся недалеко от Астрахани в низовьях Волги. Он разделялся на две части—Белый город—Сарашен, и Желтый город—Хаб-Неза. До сих пор на западном берегу Волги близ Астра

хани на Шареном бугре сохранились остатки когда-то могучего и большого города, который некоторыми признается за развалины бывшей хазарской столицы. Итиль был крупнейшим торговым центром, кого только тут не было: арабы, хазары, русы, славяне, буртасы, евреи, византийцы—все съезжалось сюда в гостеприимный богатый Итиль. У хазар всем были рады, какой-бы религии и национальности пришелец ни был: язычник, мусульманин, еврей, христианин—всякий кунец был желанным гостем в стране могущественного кагана, так звали царя Хазарской державы. Каган—почти божество, только высшие сановники могли его видеть, все падали ниц при его встрече, недостойные видеть царя, и не смели подняться, пока каган не скрывался из вида. Воля кагана священна: любому из хазар, даже высших сановников, он мог приказать лишить себя жизни, и тот беспрекословно исполнял волю царя. Если каган был на войне, то он шел в бой на колеснице, закрытый покрывалом; понятно, полагали, что начальствовать войском он не мог, а шел лишь для того, чтобы принести войску счастье, как теперь на бой берут с собой священные изображения. Могилу кагана скрывали от глаз посторонних, хоронили его на дне реки, а погребавшим отсекали головы. При таком почтении странным кажется обычай избрания на царство нового кагана: на избранника набрасывали веревку и душили его до тех пор, пока он не начинал задыхаться. Тогда его спрашивали, сколько лет он будет царствовать? Но больше 40 лет царствовать не полагалось: думали, что рассудок царя ослабевал и расстраивался. Каган считался посредником между народом и небом; все бедствия объяснялись влиянием его личности. Бывало, что в случае продолжительных несчастий народ обращался к наместнику государства и требовал смерти кагана, говоря, что он принес народу несчастье. В настоящее управление каган не вступался—он был слишком высок для этого—он был полубог. За него управлял его наместник—иша или бек (27).

Этот народ—хазары и поселился в пределах нынешней Астраханской губернии по низшему течению Волги—Итиля.

Арабы упоминают и об одном из притоков Волги—Буртасе, впадавшем в Волгу выше Итиля, по которой из рек носила это название—до сих пор точно не установлено.

На запад от Волги, ближе к Дону и за Доном, расположилась орда печенегов, воинственного кочевого народа тюркского племени, выросшего, как и сарматы, на коне. Прекрасные стрелки и лука, печенеги постоянно нападали на торговые караваны хазар. грабили их и мешали мирной торговле. Хазары вечно с ними воевали, строили против них крепости, обращаясь даже к помощи византийских инженеров (28), но с печенегами трудно было воевать. Они незаметно подкрадывались на своих быстрых конях, налетали как вихрь на врага; отобьют скот, товары, возьмут пленных, или сожгут город, деревню, предварительно ограбив их, и снова умчатся, скроются в степи, преследовать их там почти невозможно, они неуловимы. Все их богатство—скот, оружие, золотая и серебряная утварь, всегда при них, их дома—крытые повозки на двух колесах, легко скроются от врага в широких степях. Но вот, после целого ряда бесплодных скитаний, хазарские отряды настигли печенегов, окружили их. И сразу, как по мановению руки, вырастает у печенегов крепость: свои двухколесные жилища-кибитки ставят они кольцом, связывая их между собою, внутри кольца устраивают проходы, куда уходили отдыхать во время боя (29). В такой крепости печенеги сражались до последней капли крови, защищая все, что было им дорого.

Воюя постоянно с печенегами, хазары искали себе союзников, и тут им хорошую службу служил народ, живший по р. Буртасу, одному из притоков Волги и отчасти по самой Волге. По словам араба Эль-Балхи земля буртасов лежала от Итиля на расстоянии 20 дней пути (30); другой арабский писатель Ибн-Руста прибавляет, что в ширину и в длину простиралась она на 17 дней, и была расположена между Хазарской землей и Болгарской (31). Такое определение страдает, разумеется, большой неточностью, и немудрено, что вопрос о том, где жили буртасы, возбуждал и возбуждает до сих пор много споров. Одни ученые помещают буртасов на левой стороне Волги (32) между хазарами и болгарями, другие—на правой (33). Но арабские писатели сообщают, что бур-

тасы занимались охотой и пчеловодством, и их главным богатством были меха и мед, поэтому нужно думать, что они, вероятнее всего, жили на правой, более лесной, стороне Волги, по ее притокам (Сура), по притокам Оки (Мокша и Цна), где до сих пор находят следы арабской культуры, где много местечек с именем «Буртас», «Бурасы», а не в малолесистых заволжских степях. На юге владения буртас граничили с печенежскими и хазарскими степями, там, вероятно, и видел у них верблюдов арабский писатель Ибн-Руста. Следы местопребывания этого народа сохранились в многочисленных географических названиях Бурасы, Буртасы в Пензенской, Казанской и Саратовской губерниях (34).

Не умеем мы окончательно решить, где жили буртасы, не можем мы точно сказать, какого племени они были.

Они не славяне, об этом говорит русская летопись, это не хазары и не болгары—об этом говорят арабы. Много спорили о том—кто были буртасы: одни говорили, что это чувашки (35), другие—что это мещеры (36), третьи и, пожалуй, большинство, что они просто-напросто были мордвой, а прозвище свое «буртасы» получили от восточных писателей (37), может быть, этим именем арабы звали не одно, а целый ряд финских родственных племен. Решить этот вопрос, при настоящем положении науки, очень затруднительно и приходится остаться при одних догадках. Во всяком случае, нужно отметить, что буртасы занимали как раз тот район, где впоследствии русские источники помещали морду и мещеру.

Но если вопрос о местожительстве буртасов и их происхождении не получает ясного ответа в трудах арабских путешественников, то быт их рисуется довольно ярко. Они были стройны, красивы и дородны. Военственные и многолюдные буртасы постоянно нападали на печенегов и тем оказывали большую помощь хазарам. Они были хорошие воины, отличаясь силой и храбростью. Хазары подчинили их своей власти, и 10.000 буртасских всадников являлись по первому требованию кагана в ряды его войска.

Эти лесные жители нашего края отличались от хазар своими обычаями, занятиями и языком. Буртасы были очень богаты: у них имелось много скота, особенно рогатого, встречались и вер-

блюды, вероятно, в более южных частях их владений; занимались они и земледелием, и некоторые путешественники говорят о их обширных пашнях (38); но главное их богатство составляли мед, меха куны, лисьи и всякие другие. Эти буртасские меха славились по всему арабскому государству, и купцы с далекого востока спешили за ними на Волгу. Значит, буртас прежде всего был охотником-звероловом и пчеловодом: север нашего края создавал для таких занятий своих жителей очень благоприятную почву; отчасти же буртас рисуетя и пахарем-земледельцем с большим количеством скота. Буртасы много торговали с хазарами, арабами и своими северными соседями болгарами, но мало чему у них учились, оставаясь по-прежнему каким-то полудикийм народом. У них не было ничего похожего на государство и государя, которому бы все подчинялись. Жили они маленькими селениями в деревянных домах, рассеянно по р. Итиль; во главе каждого поселка стояли один или двое старшин, к которым буртасы обращались в своих распрях. Но эти старшины имели мало силы: если буртас обидел другого, поранил или оскорбил, то соглашения и примирения между ними быть не могло—обиженный будет мстить своему обидчику. Девушки буртасские пользовались большой свободой: когда они подрастали, то переставали слушаться родителей, но замуж они выходили только с согласия отцов.

Религию буртасы исповедывали языческую; покойников своих иногда сжигали, иногда хоронили в земле (39).

Вот почти все, что мы можем узнать от писателей VIII—XI века о жителях нашего края.

Археологические находки в этой буртасо-мордовской стране очень бедны, что особенно удивительно при сопоставлении их с указанием на богатство жителей у арабов. Но такая бедность станет понятной, если мы вспомним, что мордва и мещера еще в очень недавнее время поражали бедностью предметов своего домашнего обихода, большую часть деревянных и дубовых, даже кольца для украшения пальцев делались из конского волоса.

Из этих скудных известий видно, что во времена хазарского владычества Волга была оживленной торговой рекой, по ней то и дело плыли торговые караваны с ценными грузами. Этим обстоя-

тельством пользовались русы и частенько на своих судах громили торговые караваны, а подчас нападали на самый Итиль, или пробирались для грабежа в Хазарское (Каспийское) море. Доставалось от русов подчас и буртасам, но и те, в свою очередь, не давали им пощады. Бывало и болгары нападали на буртасов, грабили их, уводили в плен (40). Тяжело жилось тогда в нашем, мирном теперь, Саратовском крае. Во всяком селении, будь то город или деревня, приходилось быть на-чеку каждый час, каждую минуту. Враг — рус и печенеги — умел подкрадываться незаметно. Налетит, запылает селение, всюду крики и стоны, жители часто не успеют приготовиться к отпору; все разграблено; уничтожено, и утром свободный богатый буртас к вечеру уже пленный раб, которого гонят победители по степи на невольничий рынок; там могут встретиться люди всех племен, сословий, состояний; рабство сравнивает их. Много нужно было отваги и ловкости, чтобы водить торговые караваны в то бурное время. Купец должен был быть вместе с тем воином; каждую минуту он рисковал потерять все, зато при удаче он брал огромный барыш; жажда наживы и предприимчивый дух заставляли человека ежеминутно рисковать, ставить на карту состояние и жизнь. Ведь и дома человек не был в безопасности, — стоило ли бояться далекого пути по Итилю за буртасскими мехами?

Так жили здесь больше в войне, чем в мире, наши предшественники буртасы и хазары. Но и такая военная, веино настороже жизнь не могла защитить их от напора многочисленных, сильных руссов, а позже новых полудиких азиатских орд.

✓ Мы уже говорили, что главным врагом хазар и их соседей буртасов были печенеги и русо-славяне. С течением времени хазары все богатели, и с богатством они начали терять воинственный дух. На службе у них стали преобладать наемные войска из азиатских народностей хваризмийцев и хвалисов-магометан (41). Помогали хазарам и буртасы, но все напрасно: привлекаемые слухами о богатствах Хазарии, нападали на нее все сильные славянские князья. Жители Итиля вынуждены были искать убежища на островах, где в великом страхе ютились в хижинах, плетеных из хвороста и обмазанных сверху илом и глиной. У самих хазар начались междоусобия; этим воспользовались печенеги, прорвались в Хазарию, по-

грабили и разорили ее. Но печенеги были лишь предшественником более сильного и дикого народа — половцев. Последние родственны были печенегам, тоже были народом тюркского племени, но отличались большей воинственностью и многочисленностью. Половцы заняли все пространство южных степей между Волгой и Днепром. Царство Хазарское после всех этих погромов так и не оправилось. Правда, у него оставались еще значительные владения по берегам Черного и Азовского морей, но в 1016 году русский князь Мстислав Владимирович Тмутараканский в союзе с греками разбил Хазарского кагана и взял его в плен. Хазария перестала существовать, но память о ней жила до XV века в названии части Крыма «Газария», а лезгинны до сих пор зовут евреев именем «хазар» (42).

Новые господа южно-русских степей половцы производили одинаково неприятное впечатление и на русского летописца и на византийского историка. Для нашего летописца половцы народ в высшей степени нечистый, который держит закоз «отец своих» «кровь проливати, хвалящеся о сих, и ядуше мертвецину и всю нечистоту, хоменн и сусолы». И для византийских писателей половцы — летучие люди, которых нельзя поймать. Волчьи обычаи воспитали таких людей: дерзкий и прожорливый волк легко обращается в бегство, когда появится что-нибудь страшное. Действительно, половцы были одним из самых диких народов, нападавших на славян. Неприятные физиономии, бритые головы, вечные набеги заставляли видеть в них какой-то бич божий. Даже животные и те казались византийцам более кроткими, чем половцы, даже плотоядные коршуны были мягче. Вооруженные луком и стрелами половцы не признавали городов и сел — это типичные кочевники, которые любили и знали степь. Упоминаются и города у половцев, но их было мало, да и размеры их были невелики, может быть, эти города служили им зимовьями. Как настоящие скотоводы — кочевники половцы мало потребляли хлеба: их излюбленной пищей, к ужасу просвещенного византийца, было сырое мясо, а напиток — кумыс. Много потребляли они, как скотоводы, молочных продуктов, ели пшено, вареное на молоке (43).

Половцы делились на 11 колен, каждое управлялось своим князем, власть которого была ограничена народным собранием: оно решало вопросы войны и мира.

Своих покойников, особенно знатных, половцы заботливо хоронили: они насыпали над могилой «большой холм и воздвигают», как говорит один иностранец путешественник Рубруквис: «ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пушком чашу». При погребении, как видел Рубруквис, они убивали иногда животных—так при нем «они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по 4 с каждой стороны света; и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо» (44). Каменные статуи, очень грубой работы, и теперь еще попадаются в нашем крае, и несколько очень характерных экземпляров их можно видеть в богатом музее Саратовского Общества Истории, Археологии и Этнографии. Народ зовет эти статуи каменными бабами и питает к ним суеверный страх. Например, в Ключевке в недавнее время каменная баба играла роль предвестника великих бед: «баба стоит прямо—будет хорошо, баба повихнулась—будет плохо», говорили местные малороссы (45).

Таких каменных баб не мало и в нашем краю, и остались они от тех времен, когда азиатские кочевники-половцы бродили по нашим степям.

Страшны были половцы жителям нашего Поволжья, страшны они были русскому народу, часто нападали на эти земли, грабили их, угоняли жителей в рабство. Под их напором русские люди уходили из родной Киевской земли в малопригодные лесистые местности северо-восточного края. Теснили половцы и буртасов. Но эти половцы, приходя с течением времени в близкое соприкосновение с русскими, поддавали отчасти их культурному влиянию, роднились с ними, принимали иногда христианство, выступали торговыми посредниками между Русью и Византией. Все это помогло русским привыкнуть к половцам и даже вступать с ними иногда в союз.

Однако, и сами половцы оказались «бескляными» перед новым страшным врагом—ордой монголо-татар или просто татар, как их чаще называют. Татары не представляли определенной

племенной группы, и происхождение самого имени «татары» до сих пор не выяснено. Возможно, что оно происходит от китайского слова «та-та», иногда произносимого «тар-тар», которым в V веке обозначалось монгольское племя, обитавшее в северо-восточной части Монголии и отчасти в Манчжурии. Позже китайцы распространили его на все варварские племена Приамурья.

В XII веке Чингис-Хан объединил разрозненные монгольские племена и составил огромное царство, в состав которого вошло много народностей. Эти народности, образовав монголо-татарскую державу, неожиданно обрушились на Среднюю Азию, Кавказ, на половцев, волжских болгар и русских. Эта орда монголо-татар разгромила их земли, пожгла села и города, погубила много народа, не щадя ни стариков, ни детей, захватила богатый полон и расположилась в наших широких южных степях на долгую жизнь. В состав этой монголо-татарской орды вошло много живших здесь тюркских племен—печенеги, половцы и др. Название татар было перенесено с покорителей монголов на тюркские народности вновь образовавшихся в завоеванных местах царств и ханств, почему в дальнейшем изложении приходится различать—монголо-татар и тюрко-татар.

IV. МОНГОЛО-ТАТАРСКАЯ ЭПОХА.

Монголо-татары пришли к нам полудиким кочевым народом, для которого война была и трудом, и отдыхом, и забавой. Монголтатарин самым достойным делом мужичины почитать войну, работа казалась ему презренным уделом женщины и рабов. Татарская женщина в момент появления татар в южно-русских степях исполняла всю грубую, черную работу: выючила верблюдов, правила повозкой и чинила ее, шила платье, сапоги, полушубки (46); сам татарин целые дни проводил, если не на войне, то на охоте, и только слегка приглядывал за стадами, которые составляли его главное богатство. Мальчики с малых лет учились владеть конем и стрелой (47), поэтому из них выходили прекрасные воины-наездники. Каждый татарин-воин был вооружен луком и стрелами, имел коня; у богатых были, кроме того, кривые сабли, шлемы и брони. Каждые 10 воинов составляли десяток под начальством десятника, десять десятков—сотню и т. д., десять тысяч составляли «тému» (48), откуда татарское слово темник—начальник войска. Десяток на войне действовал, как один человек: если один из десятка попал в плен, а товарищи его не освободили, то всех их умерщляли. Если часть войска бежала с поля битвы, то всех беглецов убивали.

По отношению друг к другу монголо—татары были очень честны, но обманывать людей туземного племени они считали достойным делом. На войне все средства были хороши, лишь бы победить врага: фланговые удары, тыловой обход, притворное бегство, измена—всем пользовались татары.

Города у монголо—татар при начале их жизни в нашей Поволжье не было. Они разрушили прежние города в покоренных

землях и на первое время умертвляли городскую жизнь (49). Как настоящие кочевники, татары жили в легко разбираемых «ставках», круглых, сделанных из жердей или из хвороста. Прутья, из которых такой дом был сложен, сходились наверху в виде круга. Наверху имелось круглое отверстие, откуда в ставку попадал свет, туда же выходил дым, когда разводился в доме огонь. Стены и крыши татарского жилища были покрыты войлоком, двери заменял цветной, пестрый войлок. Такой домик легко было или разобрать или поставить целиком на телегу и перевозить от одной остановки к другой. Нередко эти подвижные жилища, особенно у богатых людей, бывали довольно велики, приходилось запрягать до 22 быков для перевозки их (50).

Эти жилища были непривлекательны тем более, что татары были народ очень грязный: во время пищи, а она состояла главным образом из мяса и вареного проса, они пачкались жиром, так как ели все руками, подобно нынешним калмыкам, и после не мыли их, а вытирали о сапоги или о траву; лишь у благородных бывали суколки для вытирания рук. Даже в более позднее время татары поражали своих иноплемennых гостей неопрятностью при еде: один из арабских путешественников рассказывает, что на парадном обеде у хана он вздумал угостить Узбека, одного из просвещеннейших ханов Золотой Орды, сладким кушаньем арабского приготовления. Узбек, вместо того, чтобы взять кушанье ложкой, обмакнул в него палец и облизал его (51).

Посуды татары не мыли, а если и мыли, то мясной же похлебкой, выливавшейся снова в котел, из которого ели. Платья свои они не мыли и не давали мыть, особенно в летнее время, пока можно было ждать грома, боясь прогневить бога: они утверждали, что будет гром, если повесить сушить одежду; случалось, даже били тех, кого заставляли за мытьем одежды (52). Отсюда видно, что татары, явившись в наше Поволжье, были людьми нечистоплотными, и их непривлекательные домики кишели паразитами. К ним татары относились без особенной галливости, даже ели их на глазах проезжего иностранца и в ответ на его изумление пояснили: «неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?» (53).

Нечистоплотны были одинаково как мужчины, так и женщины.

На женщины монголо-татары смотрели, как на работниц, поэтому каждый татарин старался иметь побольше жен и держал их столько, сколько ему позволяли средства. Замуж девушек брали очень просто: жених покупал себе невесту у ее родителей, и не одну, а на сколько хватало средств. Жена—работница, необходимая при подвижном кочевом образе жизни татар. Она сама, как мужчина, умела ездить верхом и носила шаровары (54), что было необходимо и для постоянных кочевек в степи и во время вечных войн и грабежей.

Таковыми наездниками-кочевниками явились к нам монголо-татары, но скоро обстоятельства жизни в наших краях изменили их привычный образ жизни. При нашем суровом климате кочевать зимой было трудно и татарам пришлось подумать о зимовках. Сами они были плохие ремесленники, зато с покоренных народов всегда старались брать дань каменщиками, плотниками и т. п., почему не мало русских мастеров-рабов, пленников из разных областей Кавказа, Персии и из-за Каспия встречалось в татарской орде. Эти пленные несли были беседными людьми, понятно, что и на берегах Волги они начали основывать поселки, превратившиеся позже в города. То же наблюдалось в Крыму, на Кубани и по Азовскому морю. В это же время монголо-татары вступили в близкие сношения с арабами-магометанами, некоторые даже принимали ислам. Прекрасные строители арабы и русские мастера начали строить города и для своих повелителей. Первоначально строился обычно лишь замок для хана, для его жен, несколько домов для вельмож, чиновников. Позже, с принятием ханами магометанства, несколько мечетей—и вот основная постоянная часть города готова.

Самое название столицы Золотой Орды—«Сарай» значит по-персидски, а потом и в турецких языках «дворец» и, может быть, город получил свое имя оттого, что основой ему послужил дворец хана (55).

Но и с основанием города хан попрежнему со всей своей ордой, главную массу которой так и раньше составляли монголы, де-

том кочевал, а зимой являлся в свою резиденцию Сарай и на некоторое время обосновывался в своем роскошном каменном замке, построенном из очень хорошего квадратного и тонкого золотоордынского кирпича. Более близкие и вельможные люди тоже переселялись в каменные дома, а все остальное население раскидывало свои переносные ставки правильными улицами, ставило свои передвижные кухни, другие ремесленные заведения, и огромный город с несколькими сотнями тысяч жителей выросал точно по мановению руки. Приходила весна, татарина снова тянуло в степь к привычной кочевой привольной жизни: поднимался хан, а за ним вся эта шумная, подвижная орда. Снова ставили татары свои жилища на повозки, запрягали быков и верблюдов—снова терла огромный город большую часть своих домов и огромную часть жителей до следующей зимы.

Татары по-прежнему кочевали вдоль всей нижней Волги и Дона, забирались летом в места близ нынешних Саратова и Аткарска по правому и почти до Булгара по левому берегу Волги; осенью возвращались на юг. Татарский хан был теперь могучий властелин: в своем государстве он владыка, воля которого не могла встретить возражений, от его воли зависели война и мир с соседями, жизнь и смерть любого подданного. Никто не мог назвать имущество своим—оно собственность хана. После смерти хана преемника ему выбирает курилтай (собрание знати) из лиц владетельного дома. Хану совет высших сановников—диван—помогал в решении всех вопросов управления и суда. Могучий государь у себя дома, хан начал пользоваться уважением соседей: его дружбы искали западные государи, отправляли к нему послов, ехали на поклон с дарами и данью его подданные, русские князья. На нижней Волге установился теперь относительный мир, которым пользовались купцы всех наций: генуэзцы, греки, евреи, арабы, русские, армяне везли в орду свои товары, снабжая татар предметами роскоши—мехами, парчей, коврами, драгоценными камнями, кораллами (56). Страх перед трудным путешествием, перед опасностью, не мог остановить купца, раз он издал хорошей прибыли. Он спешил к хану в Сарай, часто следовал за ним в его кочеваниях, распропавая свои товары, а почтае подвергался грубому на-

сияним со стороны татар (57) и русских разбойников, которых не мало бродило по южным стенам. Сами ханы были заинтересованы в сношениях с иными народами, в развитии торговли, и поэтому находили полезным позаботиться о путниках, облегчая им переправу через южно-русские реки, в том числе через широкую и глубоководную Волгу. С этой, повидимому, целью и было построено на правом берегу Волги несколько небольших поселков, в том числе и маленький городок Укек или Укак. К этому городку из русских, украинских, мордовских земель тянулись «сакмы» — дороги; по ним везли хлеб, меха, мед, воск в Орду по сухопутью. На Укеке товары или грузились на суда для дальнейшего следования, или переправлялись на левый берег и снова отправлялись гужем. В этом городе нужно было поселить оседлых людей, которые не откочевывали бы летом, когда собственно и нужно было перевозить на другую сторону реки путешественников. Судя по свидетельству иностранцев (Рубрук, который говорит, не называя по имени, вероятно, об Укеке), он был населен русскими и сарацинами (58), которые занялись тут не только перевозкой, но и ремеслом, рыбной ловлей, земледелием и садоводством.

Чем дальше, тем все больше монголы, под влиянием оставшихся половцев и других более образованных народов, становятся оседлыми; чиновник должен был сидеть на месте, купца привлекали городские базары. Тянет татарина в степь старая привычка быть вольной птицей, но новые условия более культурной жизни влекут его в город. Чем дальше, тем больше городов является у наших татар, тем больше и их самих живет в этих городах. Постепенно монголо-татары становились все культурнее, забывали старую неприхотливость кочевой жизни. Приняв исламство, татары должны были расстаться с прежней своей любовью к воде и совершать ежедневные омовения; стала проглядывать у них и любовь к удобствам в жизни, к комфорту, — словом, монголо-татары хоть немного, хоть в верхних слоях начали менять свой образ жизни. Масса населения попрежнему оставалась воинами-кочевниками, но на этой массе стал новый городской слой населения, для которого летние кочевания были только своего рода дачей.

По руинам татарских городов мы можем составить себе хотя

бы неясное представление о жизни этих насельников наших поволжских городов в конце XIII и в XIV веках.

Не мало развалин татарских городов в нижнем Поволжье; из них одни нам очень близки—развалины маленького Увека, который теперь известен под именем Увека. Это был город «средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей», по словам посетившего его в XIV веке путешественника (59).

Б. Саратовская Ученая Архивная Комиссия не мало труда положила на исследование развалин Увека, и мы, благодаря, главным образом, трудам А. А. Кроткова, можем составить себе довольно ясную картину жизни Увека, а на основании ее и остальных татарских городов эпохи расцвета Золотой Орды.

В центре города сохранились многочисленные остатки каменных зданий, несмотря на то, что и местные жители и приезжие не так давно усиленно расхищали камень этих построек для устройства погребов, бута под мостовые и т. д. Остатки эти указывают, что здания в Уеке были порядочной величины; в них, вероятно, жили важные татарские чиновники и местные богатей.

Пол в богатых домах был мозаичным из разноцветных камней, красивого рисунка, печи часто обкладывались кафелем в восточном, даже китайском вкусе; стены внутри, быть может, были выложены синим и голубым кирпичем, а на них в виде украшений развешены были плоские кувшины, очень тонко и красиво изукрашенные. В особых местах комнат в пол вкладывались каменные плиты с углубленным отверстием посередине, под этими плитами в подпольи стояли кувшины для стока туда воды,—повидимому, правоверные мусульмане совершали тут свои омовения.

В этих богатых домах было много хорошей узорчатой майоликовой посуды, остатки которой встречаются на Уеке во множестве. Много было у них и монет серебряных и медных, и не мало их находят до сих пор на Увековском городище. Жительницы этих домов любили принарядиться и полюбоваться на себя в зеркало (60). Тонкий шелковый халатик до колен, разрезанный спереди сверху до низу, на пуговичках, сверху другой халатик из тяжелой шелковой материи без воротника и без пуговиц, с разрезом

спереди, (повидимому, такой верхний халатик только запахи-ся на груди).—составляли платье татарки. На ногах были у та-ких татарских женщин шелковые, мягкие сапожки, на руках изящные тонкие браслеты. Волосы на голове закрывались в мел-ные косички и собиравлись на макушке в стезюнк. Они прикрыты бы-ли мягкой шапочкой, затканной в узор золотыми нитями, но бо-кам над ушами находились придатки в виде крылышек. Сзади от шапочки спускалась узкая косынка до лопаток. Над шапочкой воз-вышался длинный стержень с горизонтальной поперечной павер-ху, весь облепленный шелком, разукрашенный серебряными блин-ками, жемчугом и т. д. (61). Такая улу—хатунь или боярыня име-ла и приедугу—рабынь без числа, ей не падо было самой выучить верблюдов и править быками, как татарке более ранней эпохи. Малейшее движение—и девушки—служанки бросались испол-нять ее волю. Иная хатунь в минуту досуга готова была и почи-тать, лежа на тюфяке, «достолавную книгу» (коран) (62).

Суда по убранству домов этой части Увеса, ясно, что это буржуазная, лучшая часть Увеса. Севернее была расположен посе-лок бедноты. Там в почве много остатков дерева, видимо, дома бы-ли деревянные; черепки посуды тут попадаются изящные, гру-бые—из глины. Зато тут множество медных брестиггов и обра-зов из камня, которых у мусульман—татар быть не могло. Эти брестигги и образы могли принадлежать только русским, которых много—татары уводили в плен. Можно думать, что это были главным образом, ремесленники до которых татары всегда были большие охотники, они то и работали на своих госнод, снабжая увесовцев всевозможными изделиями.

По другую сторону центральной части Увеса расположено было кладбище со множеством богатых и бедных погребений. Не-которые похоронены в склепах, мавзолеях и так роскошно, что за-ставляют подозревать погребения близких к хану лиц. Раскрыто еще очень немного могил, а если повести большие систематиче-ские раскопки, сколько хорошего и интересного в научном отноше-нии можно было бы тут отыскать! Немногоку найдены остатки водопровода, снабжающего увесовцев водой. Недалеко от кладбища, ближе к Восток, открыты некие горны для обжига посуды. Удалось

археологам обследовать только один горн, остальные погибли при проведении железнодорожной линии. Этот горн был полон еще не совсем обожженной посуды—видно, что он брошен во время работы. В этом же конце сохранились следы кузниц. Увек был довольно промышленным городом, и остатки посуды, производившийся в его мастерских, находят на мордовских городищах в северной и восточной частях Саратовской губернии.

На Увеке бывали и ханы. Один из них, Токтогу-хан, даже чеканил здесь монету (63).

Но все-таки, говоря об Увеке, приходится помнить, что главную массу его жителей составляли не монголы, а оседлые их пленники—тюрки, которым победители монголы передали свое имя «татары» и русские которые занялись здесь торговлей и промышленностью.

Но таких городов, как Увек, у татар было много. Волга была слишком хорошим торговым путем, чтобы не вызвать оживленного движения. Даже в пределах Саратовской губернии мы знаем и еще города той эпохи, например, большое поселение, остатки которого находятся верстах в трех выше Дубовки, Мечетное городище, в 17 верстах выше Царицына; много их, вероятно, скрыто в земле, но мы не можем найти их под новыми поселками, пашнями, садами. Такие городки встречались не только по Волге, кое-где по «сакмам» тоже находились татарские поселки. Иногда это маленькие селения из 4-х дворов, как в Верхнем Курдюме, иногда целое городище, как в Аткарске, где раньше был татарский городок. Следы татарских городков есть и в Неклюдовке на севере Саратовской губернии, и в Елань Сердобской, и под Хвалынском, и во многих других местах нашего края. Они расположены по татарским дорогам и отчасти, быть может, служили станциями.

Таковы наши сведения о татарском образе жизни.

Мало можем мы рассказать о прошлом нашего края во времена татарщины. Что мы знаем о нем, мы знаем или от иностранцев, которые лишь поверхностно были знакомы с бытом и нравами местных жителей, или по данным археологических раскопок, но они дают материал далеко не полный. Хотелось бы найти какие-нибудь татарские архивы, но, к сожалению, до сих пор не най-

дено остатков этих архивов. Однажды нашли глиняный боченок, тщательно заделанный, и в нем какие-то татарские бумаги, которые тут же и были разорваны нашедшими их рабочими; они думали пайти в боченке золото и, обманувшись в том, развеяли по степи ни на что ненужные бумажки. Этот пустой боченок и теперь можно видеть в местном Археологическом музее.

Татары держались больше в степной части Саратовского края, правый, лесистый берег Волги с давних времен был населен народами финского племени. Буртасы и мордва, названия быть может, одного и того же народа, с очень давних времен укрепились здесь. Главные гнезда мордвы были по рекам мокше, цне и суре. На севере Саратовской губернии были также мордовские поселения, особенно в пределах Авалынского, Кузнецкого и Петровского уездов, но главным образом, мордва имела здесь свои угодья—бортные ухажан, ловы и перевесища.

По Суре у мордвы было много больших селений, обнесенных земляными валами. Кое-где такие городища встречаются в пределах нашей Саратовской губернии. Такие селения были окружены хлебными полями и выгонами для скота. Но в них обычно мордва жила лишь зимою, а летом жители уходили поближе к своим полям и ухажаям (64), где и ютились в легких постройках-шалашах.

По мере того, как монго-татары становились оседлыми, они начинали захватывать мордовские земли и подчас поселялись там прочно (65). Мордва сопротивления почти не оказывала. Между их землями было мало связи. У них было множество мелких князьков, независимых друг от друга. Некоторые из них теперь вступали в подчиненные отношения к татарским мурзам, зато становились наследственными владетелями своих земель. Мордва охотно тянула к татарам, подчинялась им, вступала в торговые сношения с татарскими городами, например Увеком, продавала хлеб, меха, мед, воск и покупала посуду, украшения, бусы, металлические поделки.

Торговля татар развивалась; казалось, и могущество их возрастало. Однако, цветущее состояние Золотой Орды продолжалось недолго. В орде, благодаря борьбе аристократических семейств, потомков Чингис-Хана, великого создателя монголо-татарской державы, стремившихся выставить своих кандидатов на престол, бла-

годаря отсутствию правильного престолонаследия, интригам многочисленных ханских жен и беспощадному истреблению разных кандидатами друг друга, шли беспорядки: ханы свергались один за другим, влиятельные татары стремились овладеть престолом и властью. Среди этих смут русские делают, наконец, первую попытку освободиться от власти кочевников. В 1380 году татары были на голову разбиты московскими войсками, но власти их русские свергнуть не могли. Один из самых выдающихся ханов Золотой Орды, Тохтамыш, снова заставил русских платить себе дань. В это время, в конце XIV века, между золото-ордынскими ханами и владыками азиатских татар шли нелады, дело кончилось тем, что азиатский хан Тимур разбил Тохтамыша в 1395 году, разграбил его города и разорил все Поволжье. От цветущих поволжских городов—Сарая, Бельджамена, Увека и других селений в пределах нашего края остались одни развалины. Жители отчасти были уведены в плен, отчасти перебиты.

Этот удар для Золотой Орды был очень серьезным, от него она так и не оправилась. И вместо одного сильного царства стало три слабых—Казанское, Астраханское и Крымское, вечно между собой враждовавшие. Из них самым богатым и сильным было Казанское; Крым скоро отдался под покровительство турецкого султана.

Опустела в XV веке Волга, неисчерпаемый источник богатства, зовущая к торговле, к деятельности всякого предприимчивого человека. Казалось, сама она тосковала в своей вынужденной бездеятельности. Чувствовалось, что на берегах Волги такое затишье могло быть только недолгим.

Тем временем все усиливалась власть русских князей, все с большим вождением поглядывали они на плодородные поволжские земли, на самую Волгу—великий торговый путь в богатые азиатские страны. Давно была она знакома русскому купцу, теперь познакомились с ней за время татарщины русские люди всех сословий, побывшими пленниками на Волжских берегах. Всех без различия состояния русских людей влекло на богатые, только что кипевшие шумной жизнью берега, где теперь все замерло и наступило затишье. Только изредка хищный кочевник-татарин

скитавшийся по степям со своими стадами, нарушал молчание природы, да полудикий мордвин бродил по лесам в погоне за дичью, осматривая свои перевесища и борти. Путешественник-иностранец со страхом вспоминает свой путь из Астрахани в Москву по нашим степям в конце XV века. Он ехал с большим купеческим караваном по пустынной степи, где почти не было видно следов дороги; на ночь они устраивали из повозок крепости и ставили караульных, ожидая каждую минуту нападения. Через Волгу пришлось переправляться на плотах, наскоро сработанных в ближайшем лесу (66). Исчезли татарские переправы через Волгу и их дорожные станции. Все было мертво.

У. САРАТОВСКИЙ КРАЙ ПОД ВЛАСТЬЮ РУССКИХ.

XVI в и начало XVII века.

Русские с давних времен тревожили Саратовский край своими нападениями. Еще во времена Киевской Руси в X веке русские князья, привлекаемые слухами о богатствах Приволжского края, нападали на Хазарское царство. Их дружины перебирались в легких судах с Дона на Волгу, спускались по ней, разрушали хазарские города, брали большой полон, добычу и возвращались в свою землю. Даже во времена суровой татарщины русские удалцы из Новгородской области добирались до татарской столицы Сарая и грабили ее. Новгородским ушкуйникам хотелось добычи, на пути к ней их ничто не могло остановить. На своих легких ушкуях ограбили они в 1375 году Сарай (67) и скрылись на широком Волжском просторе. Почти сто лет спустя (1472 г.) вятчане, новгородские же колонисты, приплыли на судах к Сарая и, слыша, что хан кочует в 50 верстах, напали на город, взяли его, захватили добычу и отправились во-своеи (68). Наконец, само Московское правительство почувствовало себя достаточно сильным, чтобы сбросить последнюю тень зависимости от золото-ордынского хана, и в 1480 году войска великого князя Московского Ивана III взяли и разграбили когда-то грозный юрт Батыеи.

Теперь, с разгромом Орды, для предприимчивости русского человека открывалось широкое поле.

С давних времен Московскому государству приходилось выдерживать упорную борьбу со степью, откуда нападали плетнеи, грабили и разоряли русские украинные земли: с другой сто

256527

роны у нас чувствовался хронический недостаток в плодородных землях, почему более энергичная часть населения нередко захватывала на свой страх и риск земли к югу от Рязанской области. Этих людей влекла вольная, полная тревог и опасностей жизнь. Они работали, пахали землю, сеяли хлеб, охотились, ожидая каждую минуту нападения со стороны враждебной татарской стены. Во мгновение ока превращался мирный земледелец в воина и вступал в бой с опасным врагом. Правда, ослабленные победой Москвы, татарские орды не думали о завоевании Руси, но почти ежегодно они предпринимали набеги на южные окраины государства, чтобы поживиться добычей, захватить пленных и тем мешали русским занимать плодородные южные земли.

В это время многим в Московском государстве хотелось уйти подальше от глаз правительства; постоянные войны, налоги, злоупотребления «кормленщиков» делали жизнь русского человека очень тяжелой; иные бежали от помещиков, кредиторов, и всем этим беглецам приют давало дикое поле нашей юго-восточной Украины.

Из среды самых этих южных поселенцев наиболее бесшабашные, удалые головы спускались все южнее; все дальше шли те из них, которые готовы были добывать себе «зипуны» грабежом и разбоем и в погоне за ними сложить свои буйные головы.

С юга, с татарской стороны, тоже выделялись ватаги таких добычников; они подчас сталкивались с русскими удалцами, а иногда соединялись с ними вместе для набегов и грабежей. Этих русских и татарских удалцев звали казаками. Слово это татарское: так назывался иппиний разряд татарского войска, а в XV—XVI веке это имя перешло и вечно воюющим беспокойным жителям нашей южной степи.

В XVI веке эти казаки уже прочно сидели на Дону и усиленно грабили по Волге ордынских купцов, отчего у русского правительства шли вечные столкновения с татарами. Москва открепивалась от казаков, говорила ордынцам, что казаки, «как вам тати, так и нам тати и разбойники», и ограничивалась советом татарскому хану, чтобы гости его «дорогой береглись бы сами, потому что сам знает хорошо, на поле всягда всяких людей много из разных

государств. И этих людей кому можно знать? Кто ограбит, тот имени своего не скажет» (69).

Рассуждение убедительное, но от него не легче было ограбленным татарам, да и русским купцам. Но Московское правительство, отрешиваясь, когда это ему было выгодно, от казаков, пользовалось ими для защиты своих южных и восточных колонистов от набегов степняков. Этой защитой казаки сослужили огромную службу русскому государству. Но не одни казаки забирались так далеко на юг. Московские промышленники не могли оставить в покое Воляжских богатств, и сотнями, тысячами тянулись летом на Волгу московские рыболовы; добирались они до гор Девичьих, до Змиева Камня (70), даже до Увека. Жили они в этих местах только летом, а к осени возвращались с рыбою на Русь. Нелегкое это было предприятие, но много энергии и силы было у этих русских промышленников, сильно было желание использовать богатства Волги.

Наконец, к половине XVI века Московское правительство почувствовало себя настолько окрепшим, что могло решиться на очень отважный шаг—завоевание всей Волги с расположенными на ней ханствами Казанским и Астраханским. Сначала была взята Казань (в 1552 г.), и событие это произвело на русских сильное впечатление: пало сильное царство татарское—Казань, наследница Золотой Орды, недавней владычицы русских земель. Русские стали смелее и готовы были присоединить другое Поволжское татарское царство—Астрахань и овладеть таким образом низовьями Волги со всеми ее богатейшими рыбными долями и заманчивой торговлей с Персией. В самой Астрахани шла борьба между различными претендентами на престол: одни из них готовы были признать главенство Москвы и просили ее помощи против своих соперников, другие искали защиты у единоверного турецкого султана против русских.

По просьбе одного из Астраханских князьков—Измаила было отправлено 30 тысяч русского войска к Астрахани; скоро туда же отправлены были и вятские служилые люди. Астрахань была взята очень легко, так как вражеские ратные люди бежали, едва увидели русские полки. На престол Астраханский был возведен

сторонники Москвы, который обязался давать русскому государю дань деньгами и рыбой, а рыболовам русским разрешили промысливать по Волге от Казани до Астрахани безданно и безявочно. Но и новый Астраханский царь изменил русским. Снова весной 1556 года двинулись под Астрахань стрелы со своими головами Черемисиновым и Тетериным, казани с атаманом Колупасевым и вятчане с головою Цисемским.

Астрахань была взята без боя; татарское войско оставило ее. Затем пошты были, несмотря на помощь крымцев, и астраханские люди. С тех пор московская власть укрепилась на берегах Волги, что очень не нравилось турецкому султану и сильно тревожило его: странно было быстрое возвышение Москвы и ее легкие победы над татарами-магометанами, главою которых считался турецкий владыка. Султан Селим решил вернуть мусульманам Астрахань. С этой целью 17 тысяч турецкого войска и 50 тысяч крымских татар двинулись к переволочке между Доном и Волгою; здесь они должны были прорыть канал, чтобы соединить эти две реки. Но такое грандиозное предприятие оказалось не под силу туркам XVI века. В войске послышался ропот, начались волнения, и работы были оставлены. Турки двинулись к Астрахани, но, услышав о приближении царских воевод Петра Серебряного и Замятни Сабурова, бежали в Крым.

После этого никто уже не оспаривал права на владение Волгой у русского государства.

Вместе с завоеванием Волжского пути началось на нем оживленное торговое движение. Московские, Нижегородские и других городов гости усиленно торговали с Персией, вывозили оттуда дорогие восточные товары, очень ценные на Руси. Ежегодно проходило с верховьев Волги к Астрахани до 500 судов за солью и рыбой (71). В Астрахани шла обширная торговля с восточными купцами: они привозили сюда шелковые ткани, сарацинское пшено (рис), пряные коренья, краски, мускус и т. д., татары продавали чудесные белые материи, валяные из шерсти, и пригоняли на базар массу лошадей, русские привозили меха, кожаные изделия. Иностранцы, с которыми во второй половине XVI века завязались у москвичей оживленные сношения, поначалу важное торговое зна-

чение Волжского пути и мечтали пробраться через Астрахань, Каспийское море и Персию в сказочно богатую прекрасную Индию. Опасной слыла эта дорога, чужими и неизвестными были те страны, по которым она проходила, но она сулила заманчивые барышни, случалось, англичане и другие иностранцы, смело пускались в путь за товарами по Волге в Каспийское море (72).

Вместе с купцами шли сюда все в большем числе и рыболовы, но поппежнему только на лето, зимовать в приволжских пустынных местах мало кто оставался из мирных промышленников, так как здесь постоянно нападали ордынцы, казаки грабили суда, собирали приказчиков и нередко, ограбив, пускали на дно насильно (73) торговых людей. Плавание по Волге было очень небезопасным, приходилось снаряжать целые военные экспедиции, которые вступали в настоящий бой со встречающимися на пути казаками и ордынцами. Бывало, что казаки грабили на Волге царские суда, разбивали персидских и бухарских послов (74), что влекло за собой большие неприятности для русских властей, делало, как тогда выражались, «поруху посольскому делу». Правительство посылало сюда войска с приказом ловить и казнить казаков. Те от царских войск разбегались, но скоро опять собирались и принимались за старое. Из числа таких волжских казаков вышел и Ермак, завоеватель Сибири, который с шайкой в 500 человек казаков спасался от преследований царских войск, ушел на легких стругах вверх по Волге, затем на Каму к Строгановым; на их средства он и предпринял завоевание Сибири.

Москва для защиты от набегов ордынцев, отчасти и казаков, уже при Иоанне Грозном построила на южной своей окраине целую цепь укрепленных линий. А с 1571 года и на Волге были приняты меры для защиты русской торговли от боевой казанкой удальи. Там теперь ежегодно на лето ставился ряд сильных разъездов: из них самым большим была Караманская станица под Караманским лесом, тянувшимся между двумя речками Большим и малым Караманами (75). Но эти временные станицы не совсем достигали своей цели и в конце концов правительство московское приняло к мысли построить на Волге ряд крепостей-городков с постоянным гарнизоном для защиты русской торговли от набегов и разбоев.

В числе других были построены Царицын и Саратов. В исторических актах Саратов упоминается в 1590 году, как «новый», видимо, только что построенный, город. Судя по рассказам путешественников-иностранцев, Саратов был построен яко бы на месте татарского поселения-городка, который во времени основания русского города уже опустел и разрушился (76), по мнению это неосновательно.

Мы знаем точно год основания Саратова, но не можем бесспорно указать место его построения. Сведения о том, где был расположен Саратов в первые годы своего существования так неясны, что вызвали разногласия между исследователями этого вопроса. Одни полагают, что Саратов был построен на левом берегу Волги при впадении в нее речки Саратовки, версты на 2 выше Покровска (77), другие,—что Саратов был сначала основан на правом берегу и лишь после смутного времени перенесен на левый луговой, где и теперь еще сохранились следы его городища (78). Есть даже одно указание, что Саратов был расположен на острове, но оно единственное и, может быть, объясняется тем, что город, если он был расположен на луговой стороне, весной окружался почти со всех сторон водой, отчего и казался раскинувшимся на острове.

Много спорили и о том, что значит слово «Саратов», и этот вопрос также до настоящего времени не может считаться разрешенным. Первая половина слова «Сари» — сомнений почти не возбуждает: большинство признает ее монголо-татарским словом, означающим в переводе на русский язык «желтый», у монголов «желтый» соответствует нашему «красный» в смысле хороший (79). Но в понимании второй половины слова ученые расходятся: большинство полагает, что она соответствует татарскому слову «тау» — гора, следовательно, Саратов в переводе на русский язык значит «желтая гора»; думают, что это название дано от желтой горы, расположенной на правом берегу Волги. Однако это мнение многими оспаривается (80) и не может, поэтому, считаться твердо установленным.

Но как бы то ни было, наш «желтый» Саратов с 1590 года уже существовал и вел жизнь полную тревог и волнений, хотя

место его расположения становится точно известным лишь после смутного времени.

Нелегка была жизнь первых поселенцев в нашем крае. Русских людей в те времена тут было мало, повсюду бродили «лихие» люди-казаки, ногаи—степные кочевники, от которых жить приходилось «с великим бережением.» Несмотря на крепости и военные гарнизоны, эти «лихие» люди «воруют суда, грабят всяких людей», а слишком упорно защищающихся готовы в воду посажать» (81), как деликатно выражались наши официальные документы. Саратовцам каждую минуту приходилось быть готовым к борьбе, ждать «всякого дурна» и со стороны степи и со стороны Волги. Понятно, поэтому, что главную массу населения в городе составляли стрельцы с их начальниками, то есть, самый необходимый гарнизон. Богатством Саратов наш не отличался, и всякие экстраординарные расходы ложились на жителей тяжелым бременем. Это, например, резко сказалось в 7109 (1600-1601) году, когда под Саратовом против Курдюма-острова осенью были разбиты суда с русским посольством, ехавшим в Персию с подарками-кречетами и соболем от царя Бориса Феодоровича персидскому шаху, и с кизилбашским послем Перкулы-беком. Вследствие кораблекрушения послы зазимовали в Саратове, и на долю его жителей выпала нелегкая обязанность прокормить два посольства, десяток кречетов и соболя.

Разместили кизилбашцев в лучших дворах Саратовского острога (крепости), беда была в том, что кормить послов по царской росписи сполна в нашем молодом городе было невозможно. Одному кизилбашскому посольству надо было давать по 6 баранов, по 3 курицы и по 20 яиц в день, да кречетам по 10 кур ежедневно; много и другого припаса требовалось послам, а в Саратове ни баранов, ни яиц не было. Хотел было воевода взамен баранов давать персам рыбы, сего Саратов был богат, но знатный иностранец требовал мяса. Тогда воевода переписал у городских жителей всех кур,—их на весь город оказалось 300,—коров, быков, коз,—и их по мере надобности забирали у жителей по дорогой цене. В Саратове цены на продукты против московских, или «русских», как тогда выражались в нашем далеком крае, были значительно выше.

что сильно огорчало воеводу, и он с грустью писал царю, что в Саратове лучшая корова стоит 3 рубля, козы от 5 алтын до 2-х гривен, а куры по 6 денег (82). В Нижнем-Новгороде цены были много ниже: лет 30 спустя курицу, а также десяток яиц, там можно было купить за 1 копейку (83). Однако, решительные меры воеводы плохо достигали цели, корм послам был неважный, денег на свечи не хватало, так как воск тут был дорог, а более дешевых салных свечей не было совсем (84). Поэтому кизилбашцы постоянно жаловались на начального человека г. Саратова Елизарова, что он кормит плохо. В свою очередь Елизаров, да и все саратовцы, с великим нетерпением ждали весны, когда знатных, по требовательных иностранцев можно было бы с приличным коновоем из стрельцов и с великим бережением от донских казаков и ордынцев отправить дальше к Астрахани.

Среди жителей нашего города в это время, как уже было указано, преобладали стрельцы и на их плечи ложилась тяжелая служба: они не только защищали город, но наряджались также постоянно для сопровождения судов вниз до Царицына, чтобы защитить их от разбоев. Правда, кроме стрельцов, в начале XVII века среди саратовцев мы видим и каких-то немцев, вероятно, тоже причастных к военной защите города, и всяких жилацких людей, но все-таки стрельцы, несомненно, преобладали численно над всеми остальными группами населения, и наш Саратов всякому постороннему наблюдателю казался чисто военным городом. Скоро после своего возникновения, уже во второе десятилетие своего существования, ему пришлось пережить бурные, тяжелые минуты.

В это время (первые годы XVII века) начались на Руси смуты: они захватили и наш саратовский край. Да иначе и быть не могло на нашей далекой окраине, где казачья вольница, сыгравшая такую крупную роль в смуте, имела очень большую силу.

Тяжело жилось тогда русскому народу: постоянные войны, большие подати, стеснения свободы всего народа, да к тому же несколько неурожайных лет подряд заставляли русских людей все в большем количестве уходить на окраины к казакам, а затем и охотно броситься воем за самозванцем: от него надеялись полу-

чить свободу, облегчение податей и множество других благ. В Саратовском крае было не мало людей, недовольных русскими порядками, не поладивших с правительством: одним хотелось изменения порядков в государстве, другим просто смут, во время которых можно безнаказанно грабить и разбоиничать во имя мнимых царевичей. Такими готовыми к смуте людьми были по Волге и Дону казаки. Им, в виду отдаленности волжских окраин, невыгодно было бороться за Лжедмитрия I, хотя за немением лучшего они готовы были признать и его, но они предпочитали своего «царевича», хотя бы и очень сомнительного. Такой царевич скоро у них пашелся—«вор» Илейка; он объявил себя сыном царя Федора Ивановича, следовательно, племянником Лжедмитрия I. Говорили, будто у царицы Федосии (супруги Федора Ивановича) родился этот царевич Петр, но Годунов подменил его девочкой, которая вскоре и умерла. Чудесно спасенный царевич со своими казаками пытался, но неудачно, взять Астрахань, затем двинулся вверх по Волге, хотел было овладеть Саратовом, но горожане сохранили верность Московскому правительству и упорно отбивались от Илейкиных шаек. Скоро этот «царевич» со своими казаками отправился в Москву на свидание с дядей Лжедмитрием I, но тот был убит, не дождавшись племянника, а казацкий самозванец был казнен Шуйским.

Донским казакам «воровать» понравилось: они отыскивали себе сразу трех самозванцов—Августа, яко-бы сына Грозного, Осиновика и Лавра в качестве его внуков. Эти три царевича пытались взять Саратов, но безуспешно. Под начальством воеводы Замятни Сабурова саратовцы отразили врагов. Казаки отступили и с огорчения умертвили Осиновика на берегу Волги, а Лавр и Август были повешены позже на большой Московской дороге (85).

Не раз еще страдал Саратов во время смуты от нападений, осад и пожаров, а в конце смуты мы застаем его сгоревшим до тла. Когда уже на Руси воцарился Михаил Федорович Романов, в Нижнем Поволжье продолжали хозяйничать казаки во главе с Мариной Мнишек, женой первого самозванца, и ее сыном «воренком», по официальному выражению, который тоже стремился занять московский престол. И много прошло времени прежде, чем успе-

коился наш малолюдный, но шумный край. Саратов пришлось после смуты отстраивать заново и, может быть, даже на новом месте. В начале царствования Михаила Федоровича мы застаем Саратов, уже вне всякого сомнения, на левом берегу Волги, на том самом месте, где и теперь еще сохранилось его городище, версты на две выше Покровска.

VI. САРАТОВ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ВОЛГИ.

Саратов первой половины XVII века—очень небольшой город, обнесенный деревянной стеной с башнями. По стенам его день и ночь расхаживали сторожевые стрельцы, наблюдавшие за Волгой, откуда каждую минуту можно было ждать казаков, и за степью, откуда неожиданно могли нагрянуть поган-татары или новый народ—калмыки, появившийся в 30-х годах XVII столетия в приволжских степях.

Показалось в степи облачко пыли или на Волге мелькнул подозрительный парус—сторожевые бьют тревогу; саратовцы бегут на стены, тревожные звуки набата сзывают наскоро тех, кто работал за городом на покосе или пашне; спешат укрыться за стенами пастух со своим стадом, рыболовы; в степь скачут опытные дозорщики посмотреть, кто идет, враг или друг? Может быть, то степняки гонят гурты на продажу, а может быть они хотят отбить немногочисленный скот саратовских жителей и угнать его к себе? Жуткое ожидание; все смотрят на это подозрительное облачко. Ворота уже на запоре, все на своих местах; может быть, то напрасная тревога, через какой-нибудь час все разойдется по своим мирным занятиям, посмеиваясь над только что пережитыми страхами, а, может быть, вернутся дозорщики не все,—кто-нибудь попадется в руки степняков, подойдут враги, и горожанам придется защищаться без надежды на помощь. Саратов—небольшой русский островок среди враждебной степи, близко нет других городов, а Волга и степь каждую минуту могут выслать помощь его врагам нежданно-негаданно. Город степняки, пожалуй, не решатся осаждать, но пожгут посад, угонят скот, если его не успели укрыть, захватят в плен, продадут в рабство всех, кто попа-

дется вне деревянных саратовских стен с надолбами и другими военными приспособлениями для защиты.

Такие тревоги не редкость у нас в XVII веке: народ боялся их, и мало кому была охота жить в этом беспокойном городе. Богатых людей здесь не было совсем, да и бедных было немного.

Во всем городе виднелись одна или две церкви, тоже маленьких деревянных, как и весь город. Дома были небольшие, видно, что обитатели их народ небогатый. Да оно и немудрено: в Саратове жили люди большей частью по обязанности, благодаря службе население его почти исключительно было военное. Иностранец Олеарий, проезжая в 1636 году мимо Саратова, заметил, что в этом городе «живут лишь одни стрельцы, находящиеся под управлением воеводы и полковника и обязанные защищать страну от татар, которые именуются у них калмыками» (86).

Поверхностному наблюдателю показалось, что тут отсутствовали невоенные люди, так силен был отпечаток военной на всем городе. Но Олеарий ошибался: из других источников мы знаем, что саратовское население не было таким уже однообразным: всего в Саратове было в 30-х годах XVII века 511 взрослых мужчин (87), из них 1 был стрельчим головой, 3 — сотниками, т. е. офицерами, 424 стрельцами и детьми боярскими; 83 человека были посадскими невоенными людьми. Большая часть их была соседями и подсоседниками, т. е. квартирантами, а отчасти, может быть, и рабочими более состоятельных домохозяев. Посадские все занимались каким-нибудь промыслом или торговлей. Особенно был распространен рыбный промысел: Волга рыбакам давала хороший улов. У самого богатого рыбопромышленника, по официальным данным, вероятно, сильно преуменьшенным, так как по ним считалась подать, „живота“, т. е. имущества, было на целых 25 рублей, у самого бедного на $\frac{1}{2}$ рубля, как видно, рыбники наши особенным богатством не отличались. Хотя первого из них бедняком назвать нельзя: нужно помнить, что цены на предметы первой необходимости были на наш взгляд до смелного малы: изба с баней, клетью и погребицей стоила иногда только 3 рубля (88), да и корова ценилась не дороже.

Много народа занималось торговлей, «лавочным» промыслом, это были местные богатеи, у некоторых из них капитал доходил до 60 рублей.

Были в Саратове и калачники, и плотники, которые обслуживали все население маленького Саратова. Был тут и сапожник Фролка Максимов с капиталом в полтора рубля; он обшивал обувь и чинил сапоги всех саратовцев. Был в числе жителей и поп соборный, да еще священник Самсон—вот и все саратовское мужское население 30-х годов XVII века. Ясно, что город наш многолюдством не отличался—511 взрослых мужчин, цифра небольшая, но, принимая во внимание малые размеры и бедность русских городов XVII века, мы не должны считать Саратов того времени захудалым городишкой, он был типичным провинциальным городом-крепостью нашего юга.

Военным жителям города приходилось тяжело от утомительной и беспокойной службы, посадским жилось плохо от больших налогов. Не оправившаяся после смуты государственная власть при Михаиле Федоровиче постоянно требовала с населения чрезвычайные налоги, то пятую, то десятую «деньгу», и приходилось нашим саратовцам, какому-нибудь Фролке Максиму из своего полутора-рублевого капитала платить государеву подать в десять алтын, а местному богатею, Иваншке Филиппову со своих 60 рублей—целых 12 рублей в одном 1634 году (89). Такие налоги были очень тяжелы для горожан, они мешали развитию городской жизни, промыслов, торговли.

Лучше чувствовали себя монастырские люди. С давних пор монастыри высылали своих крестьян для ловли рыбы на берегах Волги. Небольшой такой поселок Московского Новоспасского монастыря раскинулся на правом берегу Волги в районе нынешней Казанской церкви в Саратове: жители его снабжали «богомольцев государевых»—монахов рыбой. Тут же обосновались и вольные рыболовы.—получился порядочный поселок на правом горном берегу против левобережной крепости Саратова. Да и в других местах по Волге встречались рыбацкие станы, поставлявшие рыбу в царскому и патриаршему двору и просто частным лицам. Все лето тянулись вверх по Волге груженные рыбой и икрой насады, боль-

шие суда, на которых подчас бывало несколько сотен человек рабчих. Шли также вверх суда с персидскими товарами и обратно русскими в Персию. Но такие путешествия в 30-х годах XVII столетия были далеко небезопасны: казаков на берегах Волги в это время не убавлялось, число их скорей увеличивалось, несмотря на построение городков по берегам Волги. Они постоянно караулили проходившие суда и часто с большой дерзостью нападали на них (90). Иной раз отряд казаков в 10 человек напал на большой струг и обирал его. Суда, проходившие здесь, каждую минуту должны были быть на чеку, прислушиваться к мадейшему шороху и плеску, вглядываться в каждый подозрительный костер, в каждую лодку, ожидая встречи казаков. Вот снизу идет торговый караван с дорогим персидским товаром. Днем и ночью внимательно караулят на судах поверенные хозяйские люди. Но Волга подозрительно спокойна, нигде никаких намеков на грабителей не заметно. Встречные рыбаки казаков не видали. Вот уже подходит караван к страшной переволоке, где всегда сторожили шайки разбойников почти прошли страшное место; еще несколько минут, и можно будет вздохнуть спокойно. А в самом конце опасного места за мысом, скрывающим дальше Волгу, давно уже ждут казаки богатый караван, о котором они много слышали и знают от своих разведчиков. Едва поровнялись суда с казацким убежищем, тотчас опустились на воду весла легких казацких стругов. Не успели торговые люди опомниться—уже загремел грозный клич «сарынь на кичку» (сарынь—чернь, толпа). Ирыжки—люди наемные, им нет особенной охоты защищать хозяйское добро, живо собрались на «кичку»—нос судна и ждут там, пока казаки хозяйничают на судах, переправляя на свои струги купецкое или царское добро. А не вытерпит сердце старика-приказчика, доверенного хозяйского человека, вздумает он «срамить» казаков, его живо заставят замолчать, бросив в спокойные Волжские воды. Обернут суда казаки и скроются в бесчисленных Волжках и протоках, а ограбленные купцы поплывут жаловаться воеводе ближайшего города; тот пошлет за казаками погоню, да найти их почти невозможно в лабиринте Волжских островов.

Такие происшествия на Волге были обычным явлением и немудрено, что на стрельцов приволжских городов была возложена тяжелая, опасная служба—охрана русской торговли на юго-востоке. Нередко суда, особенно с поклажами, конвоировались несколькими сотнями стрельцов (91), причем отряды их дорогой менялись.

Русские люди, мирные колонисты-рыболовы, жили по самым берегам Волги, ближе к редким укрепленным городкам. На юге в стенах царили кочевавшие там ногаи, калмыки, казаки,—все они не прочь были пограбить и поживиться добычей. На северо-востоке нашего края оседала все плотнее мордва. Ей тоже жилось тяжело. Русские помещики и монастыри частенько захватывали исконные мордовские земли (92), а правительство сквозь пальцы смотрело на эти захваты, ему нужны были здесь служилые люди для защиты укрепленной черты, тянувшейся по лесам мордовского края. К тому же Москва вечно нуждалась в деньгах и брала с нашей мордвы огромные подати—«носоны» и «засаки», а чиновники при сборе, пользуясь беззащитностью мордвы, занимались настоящим грабежом. Бывало, что сбором податей доводили мордву до того, что они бросали «свои деревни, несжатый хлеб и бежали, кто вниз по Волге, кто за Волгу, кто в леса Муромского уезда» (93). Солоно приходилось инородцам и от насильственного распространения среди них христианства. Слишком ревностные проповедники насаждали религию подчас с помощью военной силы и, как жаловались инородцы, сажали непокорных язычников в тюрьму, заковывали их в цепи (94).

В конце концов инородцы нашего Поволжья были очень недовольны своим положением и были всегда готовы поднять бунт, восстание, чтобы или избавиться от ненавистного владычества русских, или отомстить своим обидчикам.

На Волге к половине XVII века становится тоже беспокойнее: число казаков увеличивалось, так как на Руси жить становилось тяжелее. Крестьяне все больше теряли свою свободу, попадали все в большую зависимость от помещиков. Горожане тоже были стеснены в своих правах, платили огромные подати, а в случае недоимки жестокий правитель выколачивал деньги с неисправного плательщика. Упорные войны Москвы с поляками требовали боль-

ших средств,—налоги увеличивались, вместе с тем росло и число недоимщиков. Один исход оставался крепостному крестьянину или обедневшему горожанину—бежать в вольные степи да на широкую Волгу к казакам, где не было еще приказного с требованием денег, куда не забрался еще помещик, где не знали ни тяжелого труда, ни суровой бедности; в эти места манила вольная жизнь и легкая возможность поживиться добычей за счет зазевавшегося на Волге купца.

Бежало с Руси на Дон все больше народа, но и там в половине XVII века «учала быть скудость большая». Оказался избыток казаков, мало доставалось добычи, стало голодно. У казацкой голытьбы зародилась смелая мысль погулять по Каспийскому морю, пограбить берега Персии; нашелся и предводитель—казак Степан Разин, сильная натура с могучей волей, легко подчинявшаяся своему влиянию обружающих. Буйная голова, смелый характер, Разин, выросший в жестокую эпоху рабства и плети, не привык падать ни себя ни других. То был как раз подходящий атаман для казацкой голытьбы.

Разин со своей шайкой пробрался на Волгу, где пополнил свои ряды охотниками до легкой наживы. Прорвались дальше казаки на Каспийское море, пограбили Персию, вернулись в Астрахань. Там они погуляли вволю, соря деньгами направо и налево, поражая астраханскую голытьбу своим богатством и щедростью. Астраханские власти чувствовали свою слабость и пропустили казаков обратно на Волгу, откуда они перешли на Дон зимовать. Многих астраханских стрельцов и бедняков с посада одолел соблазн при виде удачи и безнаказанности казаков. На Русь докатились слухи о казацких подвигах, и на Дон потянулись бездомные люди в надежде весной поживиться добычей. Волновалось слегка под влиянием всех этих слухов и приволжское население, отчасти стрельцы, нисшие городские слои, крестьяне, где они были. Разин казался им народным героем, защитником бедных, удачным добрым молодцем русских песен. У всей бедноты, у крестьян, у инородцев, нисших городских слоев, у казацкой голытьбы были общие враги—помещики и чиновники, общее горе—бедность, и они ждали Разина, как избавителя и как мстителя.

При таких обстоятельствах немудрено, что казаки со Степаном Разиным во главе задумали смелый поход на Волгу и весной вышли туда.

Встретился казакам торговый караван, ярыжки наемные (рабочие) присоединились к ним, а начальных людей положили (95). Встретили стрелецкий отряд, и те к Разину примкнули, голов своих перебили (96). Правда, за казаками охотились местные стрельцы поволжских городов, московские же бились с ними уцорно, сохраняя верность правительственной власти.

Разин взял Царицын, Астрахань, двинулся к Саратову. Воевода саратовский чувствовал, что среди его войска «шатость большая», что значительная часть стрельцов и посадских сами не прочь пойти с Разиным против бояр и воевод, а за одно и на грабеж. Однако, тревожные слухи о движении среди калмыков заставили его отправить часть своего гарнизона в степь, чтобы помешать инородцам соединиться с казаками (97). Тем временем к Саратову подошел Разин, жители изменили, пустили его в город: воеводу Лутوخина убили, перебили детей боярских, вероятно, пограбили и дворы их. Но самый город остался цел, так как жители с почетом встретили Разина. Значительная часть саратовцев пошла вместе с казаками дальше, многие двинулись к Пензе и взяли ее. Казаки забирались все выше по Волге, к ним в большом числе примыкали инородцы, городская голытьба, крестьяне; они добрались до Симбирска.

Московское правительство, застигнутое врасплох этим безудержным движением, собралось тем временем с силами, и войска его под Симбирском наголову разбили полчища Разина.

Степан бросил свою армию на произвол судьбы; все к нему присоединившиеся «русские люди и мурзы и татаровья и мордва и черемиса и чуваша»... «многие тысячи» должны были после сурового наказания вернуться в свои села к прежней безрадостной жизни и присягнуть русскому правительству в том, что «веровать» они больше не будут. А сам Разин с немногими казаками спустился вниз по Волге, надеясь в одном из понизовых городов найти себе убежище. Толкнулся он в Саратов, но здесь уже укрепились верные Москве люди. Они не пустили к себе Разина: он бежал на

Дон, откуда и был выдан Московскому правительству. 6 июня 1671 года Степан Разин был казнен. Сторонники сложившихся на Руси порядков могли торжествовать победу, Разина предали анафеме, бунт затих. Но в глазах волжского населения, этого беснокойного, вечно ищущего лучшей доли люда, Разин остался родным батюшкой, защитником всех обездоленных. И до сих пор поют о нем на Волге заунывные песни, полные грусти и тоски по свободной, привольной жизни. В них русский народ тоскует о воле и счастье вместе с Разиным, не всегда сознавая причины своей грусти (98). В одной из этих песен Разин перед смертью завещает своим сотоварищам похоронить его, добра молодца:

«Промежду трех дорог, первой (Итерской),
 Другой Владимирской, третьей Киевской.
 Вов правую ручку дайте саблю вострую,
 Вов левую ручку калену стрелу,
 В головах поставьте чуден-дивен крест.
 Вов ногах поставьте ворона коня.
 Кто ни идет не едет мимо молодца,
 Мимо молодца, всяк помолится:
 Что не вор ли лежит тут, не разбойничек,
 Тут лежит то Стенька Разин сын».

И до сих пор, пожалуй, в любой приволжской деревне найдется старик, который не мало расскажет легенд о Степане Тимофеевиче. То в деревенском овраге зарыта косоушка с его богатством, то клад спрятан, вот под этим бугром, только в руки не дается. А в ином месте расскажут, что однажды заблудилась в лесу старушка-богомолка и зашла в избушку переночевать. Хозяин был старый старик с седой бородой. В самую полночь по лесу загудело, зашумело, поднялась буря, раскрылась крыша избушки и влетели два страшных крылатых змея, да прямо на печку, где лежал старик. Застонал старый, впились змеи ему в грудь и начали из него кровь пить. Лежит старуха ни жива, ни мертва. Лишь пропели петухи — все исчезло. На утро старик говорит ей: «Ну, что, Божья старушка, натерпелась страху? Смотри, не сказывай никому, что видела: это со мной каждую ночь бывает за то, что

много я душ загубил христианских. Я—Степька Разин; мучиться мне так еще долго, а когда срок кончится, я опять пойду по земле свято-русской». И во многих поволжских деревнях недавно еще говорили, что когда-нибудь заклатье со Степана снимется, он снова придет спасти народ и дать ему волю (99).

Так чтит поволжский люд своего атамана, и память о нем крепко держится в нашем краю.

После казни Разина и жестокого усмирения бунта беспокойное Поволжье как будто немного затихло. Пользуясь относительным спокойствием, пошли сюда все в вольшем количестве рыболовы, промышленники, купцы в поисках наживы; начала изредка мелькать фигура пахаря в более безопасных местах лесистого севера нашего края.

VII. ПЕРЕНЕСЕНИЕ Г. САРАТОВА НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ.

Последняя четверть XVII века в истории Саратовского края.

Вскоре после бунта Разина, город Саратов был перенесен с левого берега на правый. Здесь, среди гор давно уже раскинулся небольшой рыбацкий поселок. Место тут для поселка было очень удобное: Соколова гора и Воровской (теперь Глебучев) овраг прикрывали его с востока, с юга Волга преграждала путь степным кочевникам левого берега. В то же время в разливе она не затопляла строений на горном берегу; на левой же стороне Волга, как полагают некоторые исследователи, стала поднимать понемногу берег на месте расположения Саратова (100); появление в заволжских степях в 30-х годах XVII века новых кочевников калмыков также сильно беспокоило жителей левобережного Саратова; постоянные пожары, обычные при деревянных постройках, помогали разрушению Саратовской крепости, и в 1672 году воевода Леонтьев, опасаясь нападения донских казаков на Саратов, писал, что город худ, острог весь развалился (101).

Все эти обстоятельства, вместе взятые, повидимому, и побудили перенести город Саратов на правый берег Волги к подножью Соколовой горы, где был расположен рыбацкий поселок, хотя настоящие причины такого перенесения целой крепости с одного места на другое до сих пор не могут считаться выясненными.

Крепость хотели построить хорошую, так как место было боевое, и дело это было поручено опытному горододельцу — полковнику немцу Шелю, который не позже 1674 года и стал «Саратов город делать на горах новой». Строили город на том месте, где бы-

ли монастырские постройки: их Шель хотел снести, но после долгой переписки царь Алексей Михайлович приказал оставить их на месте и включить в крепость.

Скоро городок был готов, но обширным назвать его было нельзя. Весь он был расположен на берегу «Воровского» оврага при впадении его в Волгу: он был окружен валом и рвом, которые тянулись от Волги вдоль Воровского оврага по пынной Валовой улице, затем они поворачивали мимо церкви Вознесения (теперь тут стоит Михаило—Архангельская церковь) по Горняцкой площади на Приютскую улицу, отсюда мимо дома, принадлежавшего Пшеничным, по Князевскому переулку выходили к Волге (102). К этому «острогу» за оврагом, занятым огородами, примыкала Горная или Солдатская слободка. От Крестовоздвиженского монастыря вдоль Волги раскинулась Воздвиженская слободка (103). В посаде, еще до перенесения сюда крепости, было два монастыря — мужской Богородицкий и Крестовоздвиженский женский. После перенесения «города» на правый берег в центре его стараниями стрельцов был построен деревянный собор, который через 10 лет однако сгорел (104).

Город наш был невелик, постройки в нем были деревянные, почему и город он постоянно. Центром города была Соборная (старого собора) площадь: тут находился воеводский дом, приказная изба. От этой площади шли главные улицы — Московская, Воздвиженская (теперь Покровская) и Царицынская (теперь улица Чернышевского). В город вело трое ворот: Московские и Царицынские по большим дорогам и Кабацкие. Во многих местах, где теперь проходят улицы и стоят большие дома, в XVII веке тянулись живописные овраги, поросшие дубовым лесом.

Жителей в этом городе было немного, но все-таки больше, чем на левом берегу, потому что к Саратовскому гарнизону и прежним посадским присоединились жители нагорной слободки, промышлявшие торговлей и рыболовством.

Таков был наш Саратов в 70-х годах XVII века с населением около 700 человек (105). По-прежнему он оставался одиноким русским островком, затерянным среди враждебной степи и лесов. От Саратова по Пензе пути не встречал ни одного, ни

хижин;—ордынцы, калмыки, казаки в этих местах частенько «и роды и уезды воюют, села и деревни жгут, улусы разоряют, людей похищают и в полон емлют» (106). Эти набеги, разумеется, мешали мирным поселенцам занимать здесь земли и обрабатывать их. Но тем не менее издавна в северные леса нашего края являлись соседние крестьяне на промыслы: тут у них были бортные ухажан, лосевые и козиные станы, бобровые топи, рыбные ловли. Они являлись сюда только на время охоты или рыбного лова и по окончании их снова возвращались в свои более безопасные места. Лишь с самого конца XVII века началась заметная колонизация привольных саратовских земель.

Московские монастыри уже и раньше высылали сюда ватаги рыболовов, теперь с установлением относительной безопасности они начали выселять на Волгу целые села,—например,—Чудов монастырь перевел сюда 300 душ крестьян из своих вотчин (1699 год) и поселил их в «Сосновом Острове»—нынешнем Алатынске, возникшем, по преданию, очень давно по желанию митрополита Алексея, проезжавшего мимо в Орду. Одновременно с Чудовым и другие монастыри начали усиленно колонизировать Волгу. Новоспасский монастырь построил село Малыковку (1699 г.), которое со временем превратилось в город Волск; Воскресенский монастырь выстроил себе огромные владения в «Змеевых горах»—и перевел в ранее основанное (60—70 годы XVII века) с. Воскресенское своих крестьян. Так заселялся понемногу берег Волги мирными колонистами (107).

Одновременно началось заселение и северо-запада нашего края. В 1681—1685 годах была проведена укрепленная Сызрано—Пензенская черта (108), для защиты южных окраин государства от нападений ордынцев, казаков, талмыков. «Черта» состояла местами из сплошного вала, местами из засеки; по ней на близком расстоянии друг от друга были расставлены сторожи, реже небольшие городки. С постройкой этой черты понадобились и защитники ее, для чего правительство начало селить здесь помещиков, стрельцов, городских казаков, надевая их землями. Помещики потянули за собой на новые места своих крестьян из других областей, и северные уезды нашего края

стали наполняться понемногу жителями. Само правительство, приглашая сюда переселенцев, заботилось об их охране и строило все новые и новые городки: в 1698 году был основан Петровск, около того же времени построен был и Дмитриевск, позже переименованный в Камышин.

Кроме городков, строились сторожевые слободы, в числе их были Еткара, теперь уездный город Аткарек, и Большая Сердоба. Большая Сердоба была окружена валом для защиты от нападений кубанцев и других хищников: от них жителям приходилось отбиваться ружьями, козлами, вилами. Укреплялись и некоторые прежние селения, например, — Сосновый Остров. Жители его, только что переселенные сюда из других более мирных мест, были выведены из терпения нападениями степных хищников и бежали в прежние свои деревни: их вернули назад на Волгу. Тогда они соорудили маленькую крепость, огородились сосновыми брусками, прорубили ворота и сделали высокую сторожевую башню. Казна дала им трех солдат и пушки. С тех пор поселение это, тоже будущий город Хвалынский, окрепло (109).

Во всех этих городках и слободах селили людей из других городов и областей: так, первыми жителями Петровска были выходцы из Пензы, Исаева, Саранска, Мокшана (110). Эти пришельцы, большей частью зачислялись в пехотные солдаты и должны были совмещать военную защиту маленькой крепости с мирным занятием пахоты крестьянина. Такое совмещение было тем более трудным, что наряду с мирной колонизацией нашего края шла и другая. Произволы гор, степей Волги влекло сюда в большом количестве всех, кто находился в ссоре с Московским правительством. К прежним беглым крестьянам и холопам прибавились после переселения церковных книг патриархом Никоном «раскольник». Те, кто не сумел поладить с церковной властью, шли также на Волгу, на Дон, где встречали радужный прием со стороны вечно недовольных казаков. Раз казаки не ладили с Москвой, то среди них легко распространялось старообрядчество, оно, ведь, тоже было своеобразным протестом против Московской политики. Среди беглых старообрядцев было не мало удалых добрых молодцев, «которые» не мешало производить в широких размерах *убийства*

и грабежи по матушке Волге» (111), да и в глушь страны по Медведице и Хопру хозяйничали их разбойничьи шайки.

От таких пришельцев мирным людям житья не было в нашем краю, беспокоили они постоянно и Саратовские власти. То придет известие, что эти «воры и расколыники» устроили воровской городок при впадении Карамыша в Медведицу, обнесенный дубовой стеной с частыми бойницами, пушками и прочими вооружениями, и грабят всю округу, наводя на жителей страх (112). То прибегут в воеводскую избу с сообщением, что калмыки угнали табун у местных жителей.

Эти «воровские» люди были настолько смелы, что иной раз нападали на людей под самыми стенами города, а иной раз и на самый город: то в 2-х верстах от Саратова шайка в 60 человек убила нескольких горожан, а других взяла в плен, то другой отряд задумывал овладеть сразу несколькими городами (113). Случалось, царские войска посланные против разбойников, терпели от них жестокие поражения, как это было с сотником Тоболевским, когда он задумал овладеть «воровским» Медведицким Заволяевским городком (теперь станица на Медведице).

Старпки—нетровцы еще в начале XIX века вспоминали, как они раньше ездили в поле пахать; бывало работают они на напше, вдруг сторожевые на башнях выставляют знак на длинных шестах или бьют в набат, извещая, что едут кубанцы. Мы,—рассказывал один из таких стариков,—опрометью с поля домой: запираем ворота крепости, засыпаем их землей, стрелием с башен из пушек, ружей и луков. Враги не отваживались на штурм, поезжат вокруг крепости и удалятся (114). Нападали татары и на Дмитриевск, особенно в первые годы его существования, разоряя жителей и угоняя их в плен. Частенько бывало, что воровские казаки, захватив обманом в плен отряд войска, полковника и офицеров «посажают в воду, а солдат всех и рабочих людей распустят врознь» (115).

Дерзость «воровских» казаков превосходила подчас всякое воображение. Так, например, в 1700 году они разгромили Дмитриевск и при таких обстоятельствах:—Петр Великий приказал жителям этого города, как и всей России, обрить бороны и падеть по-

мецкое платье. Жители повиновались. Донские казаки, среди которых много было старообрядцев, за это напали на Дмитриевск и через неделю изменю его взяли. Воевода скрылся на остров, жену его посадили на три дня под караул. Целых 6 недель хозяйничали казаки в городе, отрубая бритым людям головы, расстреливая их, а других топили в Волге; они требовали выдачи воеводы. Наконец, обросший бородой воевода был выдан, но по просьбе жителей казак его помиловали, строго наказав всем: не брить бород, не носить немецкого платья, не менять старой веры и быть с казаками заодно, в чем жители им и присягнули. Петр заподозрил Дмитриев-не в измене и послал против них трехтысячный отряд с приказанием сжечь город, а имущество жителей отдать калмыкам; однако, когда недоразумение выяснилось, горожане были прощены, а самый город перенесен на правый берег Камышилки на то место, где он стоит и теперь (116).

Такова была жизнь в нашем крае в конце XVII и на рубеже XVIII веков. Как и в начале века, русских людей тут было немного; при вечно напряженном настроении в ожидании нападения жители не могли отдаться спокойному и мирному труду и жались поближе к городкам, где могли всегда найти защиту за стенами крепости. Население прибывало медленно, но все-таки чернозем Саратовского края манил к себе русского пахаря, и в конце XVIII века в более безопасных от набегов частях нашего края—Кузнецком, Хвальинском, Сердобском уездах мы уже встречаем довольно много сел с постоянным населением (117). Зато южнее в это время жители «ничего сеять на полях и степях не смели, за опасением внезапных приходов Кубанской Орды».

Обращали на наш край внимание русские люди и тянулись сюда; не могло не позаботиться о них и русское правительство.

VIII. САРАТОВСКИЙ КРАЙ В ПЕРВЫЕ 70 ЛЕТ XVIII ВЕКА.

Петр Первый не мог не обратить внимания на наш богатый природными богатствами и разбоями, зато бедный жителями край. Он всячески заботился о нем, стараясь обезопасить его от нападения степных лихих людей: с этой целью проведена была на юге укрепленная черта от Царицына к Дону; с калмыцким ханом Аюкой несколько раз заключали мирные договоры. Калмыки должны были кочевать на левом берегу Волги, обещали не грабить русских, помогать им на войне и в столкновениях с казаками. Русские тоже обязались не обижать и не теснить людей Аюки (118.) Правда, все эти заботы не обезопасили вполне нашего края; бывало и при Петре грабили кубанцы не только села и деревни нашего края, но и предместья самого Саратова. Так в 1717 году кубанские и Азовские татары вторгались в пределы Саратовской губернии, сильно пограбили ее и разорили предместья двух городов—Саратова и Петровска (119). Часто нападали кубанцы на союзных с русскими калмыков, почему на помощь к Аюке был отправлен русский военный отряд. Много страдал при Петре наш и без того малолюдный край от постоянных наборов людей на войну, на постройку Петербурга и т. п. Эти частые наборы в царствование Петра отвлекали самые лучшие силы из нашего края. То рекрутский набор лишал села нашего края самых энергичных работников, то из малочисленного гарнизона Саратова, Царицына, Камышина забирали по сотне лучших солдат и отправляли их в бесплодную экспедицию в Хиву, в которой все они погибали, ни один не возвращался домой. Даже малочисленное купечество наше должно было заплатить дань людьми при постройке Петербурга. Когда новая столица была основана, мало кто хотел переселиться из своих родных городов и сел на берега дале-

кой неприветливой Невы; тогда Петр приказал перевести туда насильно по несколько человек из городов русской земли. Из нашего Саратова к выселению был назначен купец Петр Федорович Каланиников, который торговал калмыцкими и рыбными товарами, имел харчевный и пряничный промыслы и платил «десятой деньги» и податей в год 55 рублей. Из ремесленников был избран для перевода в Петербург тележный мастер Филат Ульянов.

Деятельный и подвижной Петр, увлеченный мыслью о величии России, о развитии ее торговли, задумал завоевание Азовского и Каспийского морей; с этой целью были предприняты два похода под Азов в начале самостоятельного правления Петра и один в Персию в самом конце его царствования. Отправляясь в эти походы, Петр дважды посетил проездом наш город, и оба раза ему устраивали торжественные встречи, особенно во второй раз: он приехал ночью и его встретили роскошной иллюминацией, вдоль всего берега зеленого острова, почти от самого Пристанного горели смоляные бочки. Встреча царю очень понравилась; он награждал начальных людей города, обласкал калмыцкого хана Аюку, а царица Екатерина в это время приняла супругу хана Дармо-Балу с дочерьми и щедро одарила ее материями и вещами.

Царю очень хотелось поднять торговлю и промышленность Саратовского края. Ему казалось, что климатические условия благоприятствовали развитию здесь шелководства, поэтому он пробовал насадить и поддержать эту отрасль промышленности. Тутовые деревья, правда, росли у нас хорошо, шелк получался недурной, но охотников заниматься этим делом было мало, почему развитие его шло туго. Мечтал было Петр соединить Дон (через Иловлю) с Волгой (Камышинка) каналом; начаты были работы, затратили много денег и труда, но так и не кончили это грандиозное предприятие, как не кончили его турки почти полтора столетия до Петровского времени. Об этих предприятиях до сих пор хранят память огромные земляные сооружения, поросшие травой, недалеко от Камышина, да человеческие кости, в большом количестве встречающиеся около них (120).

Благодаря этому вниманию со стороны правительственной власти и относительно спокойствию, установившемуся в конце

первой четверти XVIII века в Приволжских местах, Саратов, несмотря на огромные подати и поборы людьми в Петровскую эпоху, рос довольно быстро и к первой ревизии (1720 г.) в нем было уже 1596 душ мужского пола (121); увеличивалось и богатство его жителей, хотя бывало, что город сгорал «весь без остатку» во время частых пожаров, как это случалось и с другими русскими городами.

Теперь в Саратове появились уже каменные здания, и первым из них был Троицкий (старый) собор, выстроенный в 1694—5 г.; он дожил до наших дней, правда, отремонтированный несколько раз после пожаров и расширенный пристройками. Собор построен в стиле московских церквей XVIII века и до сих пор является одним из красивейших саратовских зданий.

Торговля в нашем городе тоже быстро развивалась: построены были торговые ряды, рынок, на Волге появилось множество судов, груженных большей частью рыбой и солью. Для охраны этой торговли у Саратова находился целый военный флот, вооруженный пушками для борьбы с не переводившимися по Волге «удальцами».

Если росло понемногу число жителей города Саратова, то увеличивалось постепенно в XVIII веке и народонаселение края. Петр стремился закрепить за Россией окраины государства и обезопасить их от всяких нападений, а потому, по примеру своих предшественников, переводил в Саратовский край служилых людей; особенно много было их поселено в нынешнем Алатырском уезде. Но помещики шли теперь в наш край не только под давлением правительства: многие самовольно захватывали земли в разных местах и старались прочно там устроиться. В первой четверти XVIII века было основано очень много сел и деревень в северной и средней части нашего края. Но безлесная южная часть, — нынешние Камышинский и Царицынский уезды, как и в XVII веке, заселялись очень плохо. Даже построение укрепленной черты между Доном и Волгой мало успокаивало народ, а потому правительственные усилия оставались почти безрезультатными. В 1730 году, например, было разрешено селиться близ Царицынской черты всем, кто пожелает: колонистам на первое обзаведение выдавали

даже хлеб и деньги. И всетаки охотников нашлось так мало, что правительство вынуждено было поселить там Донских казаков.

На ряду с потоком мирных колонистов в наш край шел по-прежнему поток беглых, всех, кому на Руси жилось плохо: бежали сюда, как и раньше, крепостные от своих помещиков, шли сюда те, кому не удалось ужиться в мире с правосудием, кого ждали на Руси наказание и ссылка, приходили бородачи-раскольники, которым легко было спастись по темным приволжским лесам, сюда же уходили те, кому невтерпех было от сурового правящего недоимок во времена императрицы Анны и Бирона. От этих незванных «колонистов» в нашем краю «не только хлебопашцам, но и ратным людям опасно было»; недаром удалые разбойничьи песни часто с любовью говорят и про Волгу-матушку и про степь Саратовскую, где совершали свои подвиги удалые добры молодцы.

Время от времени правительство посылало в Саратовский край штаб-офицеров; они должны были ловить по Волге и в Саратове этих беглецов и захватывали их иногда массами; для борьбы с грабежами были расставлены караулы по всей Волге от Ивери до Астрахани, они должны были преследовать разбойников, но все эти меры плохо достигали цели: число скрывающихся «лихих» людей мало уменьшалось, тем более, что само волжское население не только не помогало правительству, но даже часто, при всем видимом усердии, всячески покрывало и раскольников и разбойников. Первые были борцами за старую истинную веру, за свои идеалы и убеждения. Вторые были «не воры, не разбойнички», а «удалые добры молодцы», которые своим разбоем тоже выражали своеобразный протест против правительства, чиновничества, с его притеснениями, против помещиков и крепостного права со всеми его жестокостями, и от мирного сожительства с которыми всегда можно было извлечь значительные выгоды. Случалось, целые села занимались разбоем, или служили для разбойничьих шаек пристанищем: например, в село Труеве, будущим Кузнецке, в 1719 году скопилось до 5 тысяч беглых людей, промышлявших разбоем, они поджигали села, угоняли скот, мучили и убивали мирных жителей (122). И в то время как донской атаман доносил властям о полном искоренении всех раскольниковых скитов, атаман Волж-

ского казачьего войска Макар Персидский охранял старообрядческий скит около Дубовки, помогал скитникам деньгами, хотя делал это, разумеется, тайно; в его доме скрывались выдающиеся расколоучители. Да тоже было и во всех Поволжских местах: раскол и до сих пор прочен во многих селах, например, в Ахмате, где до сих пор отколовшиеся от православия составляют $\frac{2}{3}$ всего населения (123), да и в других селах старообрядцы составляют значительный процент жителей. Недавно открыты «в Кузнецком уезде древния пещеры, высеченные в скале»..... «в них найдено множество восковых свечей и старые иконы». В народе не сохранилось об этих пещерах никаких преданий (124). А между тем давно, давно там жили, скрывались и «душу спасали» в темном сосновом лесу гонимые господствующей церковью последователи старой веры.

Правительство всячески старалось умиротворить край, заселить его мирными жителями, послушными колонистами, давало им землю; но не особенно охотно шли сюда мирные поселенцы—разбои, вечные набеги, волнения среди калмыков мешали развитию края и его колонизации в первой половине XVIII века также, как и в 17 столетии.

Эти вечные волнения тем обиднее были для мирных земледельцев и промышленников, что в нашем крае открыты были значительные природные богатства: на Увее оказалась селитра—ее стали добывать там в значительных количествах; в то же время начали разрабатывать Эльтонское озеро, богатое солью; оно давало до 10 миллионов пудов соли в год. Это дело требовало большого количества рабочих для ломки и перевозки соли, чем и занимались отчасти местные великороссы, отчасти малороссы-колонисты, в большом количестве переселившиеся в XVIII веке в наш край. Жизнь и труд ломщиков были очень тяжелы, зато и заработок по тем временам являлся очень значительным: в лето ломщик соли зарабатывал рублей 25—26—применительно к современным ценам—заработок ничтожный, но при стоимости в 60-х годах XVIII века пуда хлеба в 10 копеек, а фунта мяса в 1 копейку—заработок оказывался очень крупным (125).

Энергично взялось за наш край правительство в эпоху Екатерины II. Хотелось заселить наш богатый край, получить с

него доход, чтобы даром не пропадали его природные сокровища. С этой целью правительство вызывает из-за границы людей всех христианских наций, в том числе и русских, почему-либо сбежавших со своей родины, обещая им прощение и роскошные пустующие земли по правому и левому берегу Волги и ее притоков—Иргизу, Еруслану и т. д.

Первыми откликнулись на этот призыв старообрядцы, большое число которых во время гонения ушло в Польшу. При переходе через границу в Россию им давали особый пропускной билет, отбывали подписку в том, что они не будут распространять своего учения и направляли в Саратов.

Охотно шли старообрядцы в наш край, он издавна славился и своей оппозицией правительству и своей склонностью к старой вере. Им дали поразительную по красоте местность по берегам извилистого Иргиза, поросшую густым лесом. Там привольно было человеку, ушедшему от мира «спасать» от грехов свою душу, там легко можно было и повздорившему с правительством спасать от правяжа и кнута свое бренное тело.—И не раз под видом раскольника пробирался сюда «лихой» человек, часто просто преступник, укрывался в скитах, встречая радушный прием у старообрядцев, принимавших его за своего.

Колонисты из-за границы принесли с собой и трудолюбие и некоторые новые знания, чуждые до сих пор саратовцам, принесли с собой и знаменитую заволжскую пшеницу-белотурку (126). Часть старообрядцов поселилась в самом Саратове и занялась здесь главным образом торговлей, но большая часть расселилась по селам, где они занялись хлебопашеством.

Вслед за старообрядцами потянулись сюда из Западной Европы и немцы. Им давали в большом количестве хорошую землю, временно освобождали от податей, помогали на первых порах хлебом. Часть немцев расселилась по Заволжью и по правому берегу Волги, часть, преимущественно ремесленники, около Саратова и подгородней «Немецкой» слободы, расположившейся там, где теперь «Немецкая» улица в квартале между Никольской и Александровской. В Саратове немцев было мало, к концу XVIII века их было всего 137 человек. Большая часть из них были

лютеране: они в 1793 году построили себе церковь на том самом месте, где и теперь высится готический шпиль немецкого храма.

Правда, среди приехавших немцев было мало трудолюбивых, большей частью сюда явились «ленивые и шалуны» (127), которые предпочитали жить на счет правительства, поэтому вся затея колонизации Новолжья немцами обошлась правительству приблизительно 5 миллионов рублей (128), по тому времени цифра колоссальная. Благоприятные условия хозяйства (льготы, ссуды, хорошая земля) дали возможность более способным и работающим немцам-колонистам укрепиться на новых местах: дурные же элементы, растратив свое имущество и правительственные ссуды, рассеялись и затерялись в массе усердного населения.

Совсем особым характером отличались жители Сарепты, большой немецкой колонии к югу от Царицына. Туда переселились в 1765 году несколько членов Общества Евангелических братьев-тертиститов, за ними потянулись и другие «братья» из Саксонии. То был трудолюбивый, трезвый и религиозный народ. Им отвели около 5 тысяч десятин степной и маловодной земли, дали для поселения леса, право свободной торговли, постройки фабрик и заводов, они получили также самоуправление, вечную свободу от рекрутчины, 30-ти летнюю льготу от налогов и натуральных повинностей.

Маленький поселок этих колонистов Сарепта быстро принял, благодаря энергии и постоянной работе жителей, вид небольшого и чистого городка. Был устроен водопровод, разбиты плодовые сады, даже устроен был аптекарский сад, сплошь засеянный лечебными травами, отсюда снабжались лекарствами все ближайшие села и города, построены были заводы, лесопилки, во особенно хорошо пошло здесь табачное дело, вывозка сарпинки, а несколько позже жители колонии занялись изготовлением известной теперь по всей России сарептской горчицы. Быстрым промышленный и культурный рост Сарепты сильно тормозился постоянными набегами калмыков, татар, забаринцев, от которых не могла защитить жителей несколько солдат, давшая промышленность сама охрана. Дело кончилось тем, что колонисты ре-

свой счет укрепили поселок глубоким рвом и валом с палисадами и батареями (129).

Скоро жители немецких колоний оказались самыми зажиточными среди земледельческого населения Саратовского края, а хозяйства их стали образцовыми. Но при этом надо помнить, что русским крестьянам-переселенцам в нашем крае было гораздо труднее хозяйничать, чем немцам: многие из них были крепостными; земли у них было гораздо меньше, чем у иностранцев; льгот и ссуд им почти не давали.

В результате усиленного внимания со стороны правительства население нашего края, да и самого Саратова, начинает быстро расти. Открылись в Саратове: канатная фабрика, кожевенные заводы, шелковые и шляпные фабрики. Верстах в 5 от города был разведен тутовый сад, на том месте, где потом была так называемая «губернаторская дача» (130). Большую роль в нашем городе попрежнему играла соляная и рыбная пристани.

Торговля у нас развивалась все больше и больше, и Саратов постепенно превращался в крупный торговый центр обширного приволжского района. Число жителей его быстро возрастало и к концу 1769 года достигло цифры 5800 человек мужского пола без привилегированных сословий. Среди них было много купцов. Правда, каменных строений, и тогда было еще в городе, кроме 7 церквей и 2 монастырей, только несколько лавок, но прямые улицы, хорошие торговые ряды делали Саратов одним из лучших Волжских городов в глазах проезжавшего путешественника (Лепехина). Тогда же мост через Глебучев овраг соединил город с Горной слободкой (131). Саратов быстро рос и выходил за пределы старого города. Кроме Немецкой слободки, за валом раскинулся татарский поселок, где жили татары. И до сих пор сохранилась у нас Татарская улица: на ней стоит мечеть и живет много мусульман. Тоже за городом находилась нынешняя Цыганская улица, где раньше останавливались цыганские таборы, о них память сохранилась только в названии улицы. Однако, несмотря на рост города и тогда еще вновь построенная Ильинская церковь находилась далеко за городом на кладбище

Мирное развитие города Саратова прерывалось лишь пожарами, которые часто уничтожали весь город. Одним из самых сильных был пожар 1774 г., уничтоживший почти весь город, так что большинство жителей должны были до постройки новых домов укрываться в шалашах (132). Тогда же сгорели все присутственные места вместе с их архивами и многими документами, касающимися прошлого нашего края. То была незаменимая потеря для истории Саратовского края, до сих пор препятствующая достаточно полно осветить прошлое нашей родины. Но самым большим потрясением для всего Поволжья, в том числе и для нашего края, был вспыхнувший в 1774 году Пугачевский бунт.

IX. ПУГАЧЕВСКИЙ БУНТ.

Последняя четверть XVIII века в истории Саратовского края.

В XVIII веке русскому народу жилось очень тяжело. Крестьяне стали крепостными, рабами своих помещиков, которые вольны были делать с ними, что угодно, судить их, наказывать, продавать. Крепостной человек для помещика был рабочей силой, имуществом, из которого надо извлекать побольше дохода. Крепостной не мог жаловаться на своего помещика, а если жаловался, его наказывали власти, а потом отдавали помещику, который от себя наказывал дерзкого.

Даже добрые и гуманные помещики частенько раздавали оплеушины крепостной челяди и с полным сознанием своего права отправляли для наказания розгами на конюшню и женщин и седовласых стариков. А встречались среди помещиков и люди жестокие, готовые сечь свою крепостную кухарку ежедневно во время обеда «для хорошего аппетита», — «и потуда секут и кухарка кричит, пока не перестанет вдова щи кушать» (133). Стоит вспомнить знаменитую Салтычиху; на нее несколько раз за жестокое обращение жаловались кр-не, обратили, наконец, на нее свое внимание и власти; следствием было установлено, что она «немалое число людей своих мужского и женского пола бесчеловечно, мучительски убивала до смерти», число жертв ее достигало 38 человек (134). Такие случаи были, разумеется, редкими, но возможны они были только при крепостном праве, и понятной становится скрытая, жестокая ненависть крестьян к своим господам, их постоянные волнения, бунты, частые случаи убийств помещиков. Во всех своих заключениях крепостные видали помещиков и чиновников:

они, по мнению крепостной массы, обижали крестьян без ведома доброго и милостивого царя.

В нашем крае плохо жилось не только крестьянам: плохо жилось и казымкам; поборы чиновников довели их однажды до бегства из поволжских степей на восток, подальше от русского владычества; плохо жилось и другим инородцам. Недовольны были и казаки, которых правительство старалось подчинить своей власти и заставляло нести регулярную службу.

Как раз в это время императрица Екатерина II свергла с престола своего супруга Петра III, заключила его в темницу, где он скоро был убит одним из караульных. При Екатерине крепостное право усилилось, положение крестьян стало еще тяжелее. Раньше крестьяне работали на помещика, а тот в свою очередь нес службу государству, военную или гражданскую. При Петре III помещики получили «вольность», право служить или нет по своему усмотрению. Этим правом помещики воспользовались очень широко; многие из них, раз'ехавшись по своим поместьям, занялись сами хозяйством, встали ближе к крестьянам, от чего недоразумения между крепостными и баринами начали возникать чаще. Крестьяне после указа о вольности дворянской ждали и себе свободы. Свержение и смерть Петра объяснили тем, что он и крестьянам хотел даровать волю, да помешали помещики вместе с императрицей Екатериной. Поэтому в народе многие приписывали свои тяготы тому, что «женский пол» царством владеет, жалели Петра, обвиняли Екатерину в его смерти, а под рукой в то же время тихонько шептали, что царь Петр чудесным образом спасся и скоро придет освободить народ крещеный от дворян и несправедливо захватившей престол Екатерины. В нашем крае бунтарский дух издавна был особенно силен, много было беглых людей, которые бежали сюда из под власти помещиков, не имея сил примириться с крепостным правом, много было старообрядцев, недовольных всеми новшествами, много было и других, готовых к волнению элементов.

Благодаря такому составу населения почва здесь была особенно благоприятной для всякого народного движения, и слух о чудесно спасшемся царе быстро распространялся среди поволжского населения.

Таким настроением и воспользовался донской казак Емельян Пугачев. Это был хитрый, смысленный человек, озлобленный предшествующей жизнью и своими неудачами по службе, с которой бежал, был арестован, снова бежал, воспользовавшись помощью старообрядцев, которым выдал себя за сторонника старой веры. Нельзя сказать, чтобы он был человеком твердой воли: в последние минуты своей жизни он обнаружил полную слабость и растерянность, в этом отношении он был прямой противоположностью Степану Разину. Попав «на престол», Пугачев, пользуясь своим положением, начал предаваться грубым удовольствиям и излишествам, чем возбудил подозрение среди окружающих в своем царском происхождении. Он обнаруживал большую жестокость, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей, хотя порой мог заплакать вместе с отцом-помещиком над убитым его же отрядами молодым дворянином.

Этот то Емельян Пугачев и принял имя императора Петра III. Едва только появился Пугачев среди яицких (уральских) казаков, тотчас же слух о нем донесся до Саратовского края. Беспокойные его обитатели заволновались и с нетерпением стали ожидать «батюшку-царя».

Пугачев с Яика (Урала) пошел к Волге, дошел до Казани, овладел всем городом, за исключением Кремля, затем был выбит оттуда, перебрался на правый берег Волги, овладел Пензой и двинулся к Саратову.

Где только ни появлялся Пугачев, к нему присоединялись крестьяне, казаки, инородцы, городская гольтьба. Пугачев привлекал их своими многообещающими манифестами. Он жаловал всех крестьян «быть верноподанными рабами собственно нашей короны», и писал он: «награждаем древним крестом и молитвой, головами и бородами, вольностью и свободой, вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных налогов во владение землями, лесными, сенокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами без покупки и оброку». Тут же верные сыны Пугачева призывались всех дворян, разорителей крестьян «ловить, казнить и вешать» (135). Все такие призывы Пугачева встретили горячий отклик в сердцах Поволжско-

го люда, который шел к нему массами, и под Саратовом Пугачев оказался с отрядом в 10 тысяч человек. Кого только тут не было: казаки, главным образом яицкие, калмыки, мордва, русские крестьяне и т.д.—все приходили под знамена нового царя Петра III. Многие города сдавались ему без боя, жители встречали «царя» с колокольным звоном, хлебом и солью, как это было в Петровске (136).

Комендант только что сгоревшего Саратова, Бошняк, хотел спешно укрепить вал, чтобы защититься, но солдат у него было мало, и среди них шел ропот. Первая схватка саратовцев с отрядом Пугачева произошла за городом. Она отличалась упорством. Ночь заставила саратовцев вернуться в город, а Пугачев подступил ближе к крепости. Среди саратовцев многие склонялись к измене правительству, во главе их стал купец Кубяков, солдаты тоже готовы перейти на сторону Пугачева с майором Салмановым во главе. У Бошняка осталось всего несколько верных людей; он оставил Саратов на произвол судьбы, а сам с маленьким отрядом, захватив казну, пробился сквозь неприятельские ряды к церкви Ильи Пророка, откуда займищем добрался до Волги и, сев на суда, ушел в Царицын. Пугачев требовал, чтобы саратовское духовенство явилось к нему с образами и крестом в стан. После некоторого колебания духовенство двинулось к казакам с крестом и Евангелием. Пугачев выехал к ним верхом и приложился к кресту; духовенство вернулось в город и стало на ектениях помянуть имя государя Петра III (137). Пугачевцы вступили в город, жители встретили их с почетом. Сам «государь» в Саратов не входил, и расположился за городом недалеко от кладбища. Были выпущены из тюрьмы колодники, раскрыты были двери хлебных амбаров, кабаков; начался грабеж лавок и частных домов; попадавшихся дворян вешали в стане Пугачева. Кто мог из них—бежали и скрывались с семьями в Привольеских лесах и ущельях. Но и там многие были найдены крестьянами, казаками, многим пришлось поплатиться жизнью. Весь край бунтовал. Во всех селах и деревнях шла жестокая расправа с помещиками, которых убивали часто целыми семьями с малыми детьми. Местами крепостная прислуга проявляла редкие примеры мужества и самопожертвования, скрывая своих господ

и их детей от пугачевцев, особенно отличались старые няни. Слепая женщина, крепостная Федосья, скрыла под балконом дочь и грудного младенца-сына повешенных помещиков Ченыкаевых. Мальчика нельзя было уговорить замолчать, криком он выдал бы себя. Случай спас их: слепая Федосья, прячась, ударила ребенка головой о столб так сильно, что он пролежал в беспамятстве все время, пока хозяйничали враги (138). В другом месте няня Матрена спрятала свою барышню и барыню под кучей щеп на заднем дворе; барин ее бросил в лицо Пугачеву имя «самозванца», и его при неистовых криках и смехе толпы сожгли на медленном огне. Вместо барыни в руки пугачевцев попала Матрена, ее пытали, допрашивали, где барыня с барышней, она твердила «не знаю»; хотели рубить ей голову, да Пугачев пощадил ее. Так и удалось Матрене спасти свою барышню и ее мать (139). Три дня оставались пугачевцы в Саратове; три дня шел грабеж и разгул; наконец, Пугачев пошел к Царицыну, а начальником города был назначен Уфимцев. Однако, Саратов недолго оставался в руках восставших. Через несколько дней явились преследовавшие Пугачева сначала полковник Муффель, а за ним Михельсон с правительственными войсками, и город был очищен от сторонников Пугачева.

Немедленно начались казни участников бунта. И Муффель и Михельсон повесили несколько человек у кузниц, одного у собора; но ни тот ни другой не могли задерживаться в Саратове для наказания восставших и расследования всего дела: они спешили вниз по Волге в погоню за самозванцем.

Между тем взять Царицын Пугачеву не удалось—донские казаки ему изменили, и он бросился дальше вниз к Черному Яру; в 40 верстах от него Михельсон настиг отряд самозванца и разбил его на голову. Пугачев бежал, но скоро был выдан своими сообщниками и казнен.

Тяжелые дни настали для нашего края: запасы хлеба были уничтожены отрядами Пугачева и шедшими за ними войсками; только что налаживавшееся хозяйство разорено, и без того пострадавший от пожара город Саратов разгромлен, многие селения и города края также сильно пострадали от бунта. Камышин по-

громили, Сарепту, из которой немцы-колонисты скрылись при приближении отряда Пугачева, разграбили; помещичьи хозяйства были разрушены. Теперь по всему краю, и особенно в Саратове, начались наказания за измену и присоединение к восставшим. Забраны были под караул тысячи человек: многие были высечены плетьюми и кнутом, многие были сосланы в Сибирь на каторгу и на поселение. В Саратове простых казаков-бунтовщиков наказывали от девяти десятого плетьюми, остальных палками. Иных вешали у кузниц на Соколовой горе. Салманова разжаловали из офицерского звания, публично сломав над головой его шпагу, и также, как Уфимцева, сослали на каторгу. Кобяков был наказан кнутом. Духовенство саратовское было посажено под караул за встречу Пугачеву, впрочем оно скоро было прощено, за исключением протопопа, который был сослан на вечное поселение (140).

Весь этот бунт и расправа, за ним последовавшая, с участниками его произвели тяжелое впечатление на жителей нашего края, а тут еще за этим бедствием обрушился на Саратов голод: хлеб доходил до 12 р. серебром за четверть—цена в XVIII веке небывалая, и даже лебеду, которую подмешивали к муке, продавали по 25 $\frac{5}{7}$ копейки серебром за пуд (141). Много народа погибло от голода в наших местах: есть известия, что в одном Саратове умерло голодной смертью до 1000 человек (142).

Как ни велики были эти потрясения, наш край быстро от них оправился и начал снова развиваться: население его увеличилось, торговля усиливалась.

Благодаря своему быстрому развитию Саратов в 1780 году был объявлен губернским городом, что делало его административным центром очень значительного округа. До этого Саратовской губернии не существовало, и самый Саратов входил с 1708 по 1718 год в состав Казанской, а с 1718 года—в состав Астраханской губернии. Такое изменение в положении города должно было выгодно отразиться на его дальнейшем развитии; население Саратова было очень обрадовано этим поворотом в жизни края и торжественно отпраздновало открытие наместничества.

Для простонародия в виде угощения был поставлен «на шефоте печеный бык», бочки с вином, чихирем, пивом и медом, нищих кормили обедом в наместничьем доме и оделяли деньгами. Дворянство и духовенство после обедни и благодарственного молебна были приведены к присяге для выбора судей, а затем поехали за город к зданию присутственных мест, они были построены на нынешней Новособорной площади. Там все было убрано ельником, пирамидами с фонарями и площадками. Тут же показывали какие-то «прозрачные картины». Целый день звонили в колокола и палили из ружей. Вечером город был иллюминирован, пускали фейерверк (143). Так праздновали саратовцы открытие у себя губернии. Несколько дней шли эти торжества, наконец, все улеглось, и жизнь в городе пошла обычным порядком.

▼ Теперь с превращением Саратова в губернский город, в нашем крае появилось несколько уездных: дворцовое село Малыковка превратилась в город Вольск; дворцовое село Сосновый остров—в город Хвалынский; Труево или Нарышкино— в Кузнецк; Балашево—в Балашов; слободы пахотных солдат Большая Сердоба и Еткара тоже были сделаны уездными городами Сердобском и Аткарском. Эти новые уездные города были присоединены к трем прежним: Дмитриевску-Камышину, Петровску и Царицыну. Они являлись центрами управления каждый для своего уезда, Саратов был административным центром для всей губернии. Первым наместником у нас был генерал-майор Поливанов (144).

Казалось все было сделано для мирного развития нашего края, но не тут то было: по-прежнему водились у нас и после Пугачевского бунта грабители-разбойники, вроде атамана Заметаева, который грабил по Каспийскому морю и по Волжским берегам. С большим трудом удалось его поймать, его судили и приговорили к очень тяжелому наказанию: бить кнутом во всех городах и селах, куда заходил его шайка или долетала слава о нем, а после сослать на вечную каторгу; привозили его в Царицын и в Саратов, повезли его в Астрахань, но тут следы теряются и дальнейшая судьба его неизвестна (145). По-прежнему инородцы, теперь большей частью киргизы, частенько нападали на мирных крестьян, разрушали деревни, забирали жителей, особенно женщин

в плен и продавали их в рабство хивинским купцам. Нападали киргизы и на русские села и на немецкие, хотя теперь уже набеги их не отличались такою дерзостью, как раньше и к городам подходить они не отваживались. Понятно, что все эти разбои и набеги, как и раньше, сильно тормозили развитие края.

Надо сказать, что во второй половине XVIII века администрация в Саратовской губернии и духовенство, пользуясь отдаленностью наших мест от центральной власти, были далеко не на высоте своего положения. В присутственных местах взятки считались обычным явлением, злоупотребления бывали чрезвычайно сильные, волокита необычайная, в некоторых учреждениях нерешенных старых дел обнаруживалось «великое количество». Доносы были очень распространены, и извозчики, требуя ускорения дел, вступали в присутственных местах во время службы в перебранку с чиновниками. Желая доказать что-либо, иные саратовцы, случалось силой тащили в присутственное место свидетелей, нагоняя на проходящих и приезжающих великий страх. Злоупотребления администрации в нашем крае были так велики, что у присланного сюда правительством ревизора руки опускались, и он с отчаянием писал Екатерине, что управлять ему приходилось многими губерниями, но такого беспорядка, как в Саратовской, нигде не встречал (146).

Нравы нашего духовенства тоже не были слишком высокими: бывало, что у самого «протопопа Павла» случались драки, а в церкви иной раз не было службы по случаю ссоры священников между собой (147). Правда, не в одном Саратове нравы духовенства XVIII века поразжают нас своей грубостью, по всей России оно частенько оказывалось не на высоте своего положения. Да оно и понятно: среди нашего русского, в частности саратовского духовенства, образование в XVIII веке было мало распространено: многие священники сбивались в чтении символа веры и заповедей (148). В селах дело обстояло еще хуже: там обычно священнические места передавались по наследству «чрез приношение, кому следует, гривны или даже алтына», а чтобы исхлопотать дьяконское место племяннику и причетническое внуку достаточно было поступиться в пользу епархиальных воротил одним фунтом

изюма или чернослива (149). При таких обстоятельствах станет понятным, что на священнических местах часто оказывались люди малограмотные, о чем свидетельствуют коротенькие приходские книги, которые велись в каждой церкви, где часто встречаются в виде подписи священника или дьякона с трудом нацарапанные безграмотные каракули. Сколько ни старалось правительство насадить среди духовенства образование или хотя бы грамотность, его усилия разбивались о нежелание священнослужителей учить своих детей. Два раза учреждались в Саратове за это время духовные училища, но оба раза их переводили то в Астарахань, то в Пензу, и нашему духовенству приходилось посылать детей в Астраханскую семинарию, что исполнялось весьма неохотно: родители часто даже утаивали ребят и оставляли их дома. Бывало, что за недостатком людей и полуграмотные получали места дьяконов и священников, так стоило-ли учиться? А между тем духовенство было у нас самым образованным сословием, среди него встречались подчас люди весьма ученые, как, например, протоиерей Скопин, оставивший очень интересные записки о своем времени, но это было редкостью. Среди дворянства и купечества многие и каракулями не могли написать своего имени, о крестьянах и говорить не приходится: грамотный человек среди них был редкостью.

Успешнее дело с просвещением должно было бы пойти с открытием у нас в 1786 году главного народного училища; в него могли поступать дети всех сословий. Но и там дело было поставлено плохо: отдельного здания для училища не было, помещалось оно в разных неудобных строениях, особого помещения для сторожей не было, они сидели во время уроков между учениками. Библиотека, если можно только употребить это слово, была нищенская—в первые годы XIX века в ней было всего 20 названий книг. Учеников в этом главном училище было немного, саратовцы предпочитали отдавать детей в науку частным учителям, а некоторые посылали сыновей в школу, чтобы они выучились кое-как читать, писать и немного считать, а затем пристраивали их в лавках в качестве своих помощников.

Жизнь саратовцев в конце XVIII века была очень однообразной: единственным развлечением были случайные проходы полков через губернский город, да торжественные выборы должностных лиц, а подчас какое-нибудь неожиданное происшествие, вроде убийства девкой своей матери, или появления кометы, о которых долго потом говорили наши саратовцы.

Малое оживление в нашем губернском городе объяснялось некоторыми современниками тем, что здесь было мало дворян. Город был молодой, колонизация края только, что развивалась, и дворянство неохотно меняло свои Тульские и Рязанские усадьбы на далекие от центра Саратовские. Главная часть городского общества—купечество отличалось в те времена очень строгим суровым образом жизни, тем более, что среди саратовских купцов было много старообрядцев.

В самом конце XVIII века на наш край едва не обрушилось несчастье: император Павел I, вступивший на престол по смерти матери своей Екатерины, очень враждебно относился ко всем реформам ее царствования, внезапно приказал уничтожить Саратовскую губернию: часть ее была присоединена к Астраханской, часть к Пензенской губернии. Но уничтоженная 12 декабря 1796 года (150) Саратовская губерния была вновь восстановлена 5 марта 1797 года (151); таким образом Саратов был разжалован из звания губернского города только на три неполных месяца.

С тех пор Саратов считается и до настоящего времени административным и торговым центром огромной территории своей губернии, превосходящей по величине многие государства Европы.

Х. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Население Саратовского края и его занятия.

Уже в XVIII веке население нашего края начинает прибывать все быстрее, привлекаемое богатствами приволжского чернозема и торговыми выгодами Волги. К началу XIX века Саратовский край далеко не представлял собой той пустыни, в которой деревушка казалась путешественнику редкостью, как это было в конце XVII и в начале XVIII столетия. За XVIII век на территории нашего края выросло множество новых поселений, прежние увеличили число своих жителей. Многие пустующие земли были розданы помещикам, а те заселяли их крестьянами из своих вотчин Пензенской, Владимирской, Калужской, Тамбовской и других губерний. Просматривая материалы по истории заселения Саратовского края по уездам крестьянами (152), мы замечаем, что большая часть сел и деревень основаны и заселены в XVIII веке. При этом интересно, что чем севернее, тем раньше заселялся наш край. Кузнецкий, Хвалынский, Сердобский, отчасти Петровский и Вольский уезды начали заселяться уже в XVII веке, по Хопру и Медведице уже в то время было много беглых, которые, случаясь, основывали целые городки. В этих уездах многие из сел возникли так давно, что время их основания изгладилось из памяти старожилов. Саратовский же, большая часть Вольского, Петровского, почти весь Камышинский уезды заселялись главным образом в XVIII столетии. До 1730 года в Камышинском уезде главную массу жителей составляли беглые, а их не могло быть много; с этого года началась правительственная колонизация края: здесь поселены были казаки для сторожевой службы, малороссы сие-

циально для возки Эльтонской соли; во второй половине века появились немцы-колонисты. Помещики же со своими крепостными в Камышинском уезде начали появляться лишь в XIX веке (153). В XIX же столетии заселен был и Царицынский уезд, который к концу XVIII века носил еще в значительной степени пустынный степной характер; только кое-где мелькали в степи деревеньки русских и малороссийских поселенцев.

Быстро шло заселение нашего края в XVIII веке, несмотря на неблагоприятные условия жизни—частые мятежи, разбои, нападения степняков. К концу века эти неблагоприятные условия мало по малу начали смягчаться и в XIX веке рост населения оказывается очень большим: появляются новые села, особенно на юге, на севере новых поселений гораздо меньше, зато в старых увеличивается сильно число жителей; и за сто лет с 1797 по 1897 г. плотность населения в Саратовском крае возросла в 3 раза (154).

Идут в наш край помещики со своими крестьянами, идут купцы, развивая торговлю все больше и больше; среди них все чаще мелькает фигура немца-колониста, строятся мельницы, заводы, развивается маслосольное дело — растет торгово-промышленное значение Саратовского края; открываются учебные заведения, театры, создаются ученые общества, музеи, возникают газеты—и Саратов постепенно становится в XIX веке культурным центром своей округи.

К началу XIX века увеличилось население нашего края, вырос и самый Саратов: в 1815 году в нем считалось около 15 тысяч жителей (155) и, естественно, прежняя территория была для него мала. Город протянулся вниз по течению Волги вплоть до Белоглинского оврага. На краю его, на месте Александровской больницы была больница бурлаков и немного дальше «рабочий дом» для арестантов, от которого и самый переулочек получил название Рабочего. Следом за оврагом, около Ильинской церкви было кладбище. По этой же Бол. Сергиевской (тогда Царицынской) улице, ближе к центру, на углу Полицейской, находилась почта на том самом месте, где главный почтамт находился до самых последних лет, а теперь помещается почтовое отделение. Армянская

улица звалась Почтамтской (156). На месте нынешней мужской гимназии лес только что был вырублен (157), там губернатор Панчулидзев начал строить себе дом, который после был им продан для I-й гимназии. В этом помещении, несколько расширенном и перестроенном гимназия находилась до последнего времени. На Соборной площади (Нового Собора) раскинулись огороды и лишь после пожара 1811 года там было выстроено новое каменное здание для присутственных мест. Здесь же в те времена наказывали преступников плетями и выставляли их к позорному столбу. Никольская улица называлась тогда Губернаторской, потому что на углу ее и Театральной площади стоял деревянный губернаторский дом. На плане 1812 года показан и театр, по есть мнение, что он возник позднее. Следом за Театральной шла Хлебная площадь, где стояли хлебные амбары и шла оживленная торговля. Собственно Хлебной, Театральной и Соборной площадью город кончался. Дальше шел лесок, за которым в районе Ильинской улицы раскинулась слободка «Черный Лес», а в квартале Немецкой между Александровской и Никольской—Немецкая слобода. На Митрофаньевской площади были непролазные болота, на них водились даже дикие утки. Между Белоглинской и Константиновской улицами тянулись сады, а между Константиновской и Московской было много ветряных мельниц. После пожара 1811 года многие дорянские фамилии стали выселяться из центра на окраины, за Соборную площадь, они начали селиться на Дворянской, Немецкой, Константиновской и других улицах.

На горах тоже раскинулись деревянные домики: они тянулись от Волги и кончались немного дальше нынешней Духосмешенной площади. На Московской улице, (она сто лет тому назад называлась так же), было мало общественных зданий, по ней шел тракт на Москву. Улицы, кроме главных—Московской, Царицынской и Воздвиженской, были узкие и кривые и шли далеко не всегда по тому направлению, как теперь. Во многих местах в нынешнем центре тянулись огромные овраги, следов которых мы в настоящее время не увидим. Так овраг шел по Бабушкиному Взвозу, другой, пересекая Малую и Большую Сергиевскую, сад бывший Кокуева, впадал здесь в Волгу. Эти овраги засыпались навозом: он и теперь

в большем количестве встречается при постройке зданий. Бывало, что навоз загорался и горел целыми неделями. Один овраг так и звался «Горелый барак».

Мостовых в начале XIX века не было совсем; местами подземные воды в нашем Саратове находятся очень близко от поверхности. Весной и осенью, после сильных дождей, на таких местах грязь была невылазная, появлялись настоящие болота, как на Митрофаньевской площади; на этих болотах вырастали тростник и камыши. В таких местах проезжающим бывало плохо: частенько приходилось из трясины вытаскивать лошадей с помощью веревок (159), как это случалось еще лет 40-50 тому назад на Камышинской и Бол. Казачьей улицах. Такова была территория нашего города сто лет тому назад. Сильно изменился он по сравнению с концом XVII века, но по-прежнему был некрасив; как раньше, преобладали в нем деревянные постройки, но каменные здания возводили теперь не только для церквей, местное богатое дворянство, а за ним и купечество, стремились после пожаров построить себе каменные дома. К 1815 году у нас число каменных частных домов, не считая церквей и казенных зданий, почти достигало сотни, и среди них встречались изящно построенные. Так изменился Саратов в начале XIX века, но еще сильнее изменил он свою физиономию к 40-вым годам XIX столетия. Число жителей его в 30-х годах достигло 49 с половиною тысяч, появились новые улицы, названия им давались большей частью или по каким-либо зданиям—Провиантская—от Провиантских складов, бывших на ней, Гимназическая—от здания мужской гимназии,—или по фамилиям лиц, здесь живших: Константиновская, Угодниковская, Аничковская, или по занятиям жителей—Шелковичная, Кузнечная, Кострижная—от костриги, которую местные жители, занимаясь обработкой конопли, выбрасывали прямо на улицу, или по церквям—Сергиевская, Введенская и т. д.

Изменился не только внешний облик города, изменилось и самое общество всего нашего края. Раньше русских людей тут было мало, да и то больше военных; преобладали на севере губернии мордва, на юге — кочующие инородцы. В XVIII и XIX веке русские люди все крепче овладели краем, а русский народ начал составлять подавляющее боль-

шинство населения. Лишь кое-где остались вкрапленными мордовские, татарские и чувашские селения, только в Камышенском уезде немцы колонисты составляли очень значительную часть жителей. В самом городе сохранились следы прежнего инородческого населения лишь в названиях улиц. Сливками русского общества в нашем крае в первой половине XIX века было дворянство. Правда, оно не слишком блистало образованием, зато выделялось своим положением. В молодой Саратовской губернии дворянство было очень немногочисленным: те из наших помещиков, которые имели вотчины в других губерниях, предпочитали жить в более центральных, чем в нашем малонаселенном крае. Из местных дворян выделялись фамилии—Столыпиных, Бедняковых, Панчулидзевых, Гладковых, Чемизовых, Бахметьевых, Кропотовых и др.

Дворянство жило по своим поместьям, занималось хозяйством. Детей воспитывали дома; очень немногие попадали в «Главное училище», на него дворяне смотрели с глубоким презрением. Воспитывались дети под наблюдением крепостных нянек и дядек, учителями русского языка были сельские дьячки, да пономари, а французскому—всякие выходцы из-за границы, часто сами без всякого образования. Много учителей—французов явилось у нас после Отечественной войны 1812 года, причем в качестве учителей наши саратовцы частенько брали провинциальных крестьян, не имевших понятия о литературном французском языке (160). Помещик не любил часто бывать в губернском городе; лишь изредка на ярмарку или на дворянские выборы выезжал дворянин всем семейством, с многочисленной крепостной прислугой, со всеми приживальщиками и приживалками, главным образом с целью поразвлечься, в Саратов, а иной раз с тайной мыслью выдать замуж одну из дочерей, девицу «на возрасте». В годы выборов дворянство поголовно съезжалось в Саратов к Рождеству и жило здесь до Великого Поста, стараясь перещеголять один другого роскошью своих балов, куда, кроме дворян, приглашалось и избранное чиновничество в небольшом количестве. К этим «избранным» из чиновничьего мира принадлежала лучше воспитанная и одетая молодежь из канцелярии губернатора, ей покровительствовал сам губернатор, да и публика была почище, мастера потанцовать, сносные кавалеры для провинциальной барыш-

ни, некоторые из этих чиновников и сами были «благородного» происхождения. Поэтому наше провинциальное дворянство удостоивало допустить их в свое общество. На этих вечерах роскошное угощение изготовлялось руками крепостных поваров или под руководством самой барыни, а чаще опытной крепостной же экономки или дворецкого: сласти из всяких ягод своего изготовления, мед своих пчельников, свежие прекрасные фрукты собственных оранжев, откормленная птица, домашние наливки всех сортов давали богатый материал для многочисленных блюд дворянских обедов и ужинов. Покупали лишь чай, сахар, пряности, да дешевое цыганское вместо дорогого шампанского. Туалеты самых богатых барышень шились дома крепостными горничными, отделывались кружевами домашней работы, вышивались шелком «разными разводными узорами» санными девушками под руководством самой госпожи. И не мало страданий, слез, оплеух и брани стоило какой-нибудь крепостной Аришке модное платье своей госпожи, удовлетворяющее прихотливому вкусу провинциальной барыни. Оркестры, певчие, на этих балах большею частью были из своих же крепостных людей. Центром, объединявшим дворянское общество, был губернаторский дом, особенно во времена губернаторства Панчулидзева, который жил на широкую ногу, как и подобало тогдашнему «хозяину» губернии. У него была роскошная дача, где могли гулять все, на месте бывшего «института благородных девиц». Там приезжавшими в Саратов артистами иногда устраивались балаганы, давались представления, пускались фейерверки, привлекавшие много зрителей. Балы Панчулидзева отличались большой роскошью; да оно и немудрено—одной крепостной прислуги он держал человек сто. На свой счет держал он театр для развлечения публики на Театральной площади. Этот губернатор тщательно наблюдал за чиновниками своей канцелярии и более приличных, хорошо одетых постоянно приглашал к себе обедать и на все дворянские вечера. Тем, которые были победнее, всячески помогал. Но, кроме служивших в канцелярии губернатора, немногих из среды чиновников можно было пустить в приличное общество: малое жалованье, грубость нравов, недостаток образования принижали чиновничество, толкали его к грубым развле-

чениям, взяточничеству; пьянство было обычным явлением. Более независимые и образованные люди редко шли на гражданскую службу в провинцию, разве в канцелярию губернатора. Остальное чиновничество отличалось большой грубостью, неопрятностью, часто это были настоящие пьяницы забулдыги, которых терпели на службе только за их знание указов и умение в них разобраться. Особенной грубостью славилось губернское правление—«чугунный завод», как его звали, куда ссылались провинившиеся чиновники из других мест, и межевая контора, чиновники которой большей частью прямо со службы шли в кабак, где и сидели до поздней ночи. Иногда в присутствии можно было встретить чиновников в замазанных дырявых сюртуках с голыми локтями, часто летом являлись они на службу в валенках. В учреждениях было грязно, столы некрашенные, изрезанные, вместо стульев в губернском правлении чиновники сидели на каких-то треножных скамейках, каких теперь и не сыщешь. Старшие чиновники обращались с младшими крайне грубо, ругали их неприличными словами, а подчас даже прибегали для вразумления к трепке. Чиновники разных учреждений частенько есорились между собой, а иной раз доходило и до драки, особенно если какой-нибудь подвыпивший чертежник межевой конторы случайно забредал в кабак, где сидела компания губернского правления, или наоборот—то стычка была весьма вероятной. Частенько и со службы некоторые чиновники покушались убежать в кабак; чтобы воспрепятствовать этому с более «слабых» снимали правый сапог и запирали в шкаф на время службы. Но и это не всегда помогало. Иные удалцы, заняв у товарища второй сапог, убегая через окно за водкой, которую на службе и выпивали сообща с приятелем. Такие картины рисуют нам весьма невысокий уровень нашего саратовского чиновничества, а в уездных городах дело было еще хуже. Очень плохи чиновники были в Хвалынске. Члены присутствий там частенько раз'езжались по своим деревням на охоту, бросив все дела на секретарей и столоначальников. Поэтому все там пришло в полный беспорядок и дела лежали по несколько лет без движения. В магистрате же Хвалынском ратманы были неграмотными. Взятки брались всевозможные: например, в Царицыне городничий справ-

для торжественно именины всех своих семейных, и купцы, приходя с поздравлениями, обязаны были приносить им подарки. Оно и немудрено: секретари получали в месяц по 10—15 рублей ассигнациями (161). Понятно поэтому, что дворянство свысока поглядывало на наших чиновников, чуждалось их и избегало приглашать к себе в дом.

Наше саратовское дворянство, как и по всей России сто лет тому назад, свысока поглядывало и на купечество, избегало приглашать даже самых богатых из них на свои вечера, считая недопустимым смешение с «неблагородным» сословием. Да и само купечество, в значительной своей части старообрядческое, чуждалось дворянства с его шумными развлечениями. Правда, были и исключения: некоторые особенно богатые и уважаемые купцы, например, Образцовы, выезжали в дворянские дома, но такой случай был редкостью. В громадном большинстве купцы вели замкнутую жизнь; лишь изредка их семейные выезжали к близким знакомым в гости по большим праздникам—на Рождество, Пасху, да на именины. Любимым развлечением купеческих жен и дочек было катанье по Московской и Сергиевской улицам в хороших экипажах, запряженных лучшими лошадьми в дорогой сбруе, на Рождестве и масленице, или торжественный выезд под качели на Пасху. Купеческие дочки сидели в этих экипажах, разодетые в шелк, бархат, дорогие меха, разукрашенные жемчугом и другими драгоценными камнями; белила и румяна покрывали их лица и «они как куколки сидели, закрыв глаза, будто ни на кого не смотрят» (162).

Дочерей купцы больше выдавали замуж за своего же брата-купца, но подчас старались найти себе зятя-дворянина, чтобы на его имя купить деревеньку с крестьянами, а самим ею пользоваться. Строгие и чинные купцы безгласно поглядывали на распущенных, безалаберных чиновников нашего города и своих дочек ревниво от них оберегали. Но презирая чиновников в глубине души, купцы, особенно старообрядцы, должны были усиленно ухаживать за ними, так как любой знаток законов, облеченный некоторой властью мог всегда или оказать им услугу или сделать крупную неприятность. Поэтому купечество всегда очень ласково встречало чиновников и угощало их с великим гостеприимством.

Особенно ухаживали за чиновниками-ревизорами купцы маленьких уездных городов и посадов, откуда далеко было до высшего начальства, которого младшие служащие изрядно побаивались; в маленькой Дубовке купцы считали своим долгом каждый день напивать приезжего чиновника винами и буквально заваливали разными приношениями в виде «гостинцев». Но угощая радушно гостя, старообрядец-купец никогда не забывал дать чиновнику-никонианину отличенные чем-нибудь тарелку, стакан, чтобы после не выпить чего-нибудь из той же посуды и тем не оскверниться.

Мещанство саратовское жило еще скромнее: бывало только друг у друга, работало, занималось ремеслами и т. п. Ремесленники были у нас неумелые, работа их отличалась грубостью, почему и спрос на ремесленные товары был невелик, тем более, что дворянство и купечество старалось ничего не покупать и все, что можно, изготовлять дома руками крепостных бесплатных работников. На Пасху мещанство ходило под качели покататься на них и полюбоваться на фокусы и шутки заезжих фигляров; на Красную горку на Соколовой горе устраивались скачки, где всякий выказывал свою удаль (163). Но в общем жизнь мещанина у нас была бедной и скучно-однообразной.

Тяжело жилось у нас, как и по всей России, крепостным крестьянам. Барщина местами была очень тяжелой. Случалось, что крестьяне работали на барина 5—6 дней в неделю, подчас гнали на работу даже ребятишек 6—7 лет. В некоторых селах накладывалось на ребенка 12 лет $\frac{1}{4}$ тягла, что ему было, конечно, не под силу. Местами на барина «все работали, да еще каждадневно; для своей работы оставалась только ночка темная, да праздничек Воскресения Христова». Бывало, что барщина носила характер какого-то издевательства над крепостными. Так, в селе Голицыне, драли на барина дубовую кору; надсмотрщики наблюдали, чтобы люди не употребляли для дранья никаких орудий, кроме своих ногтей и зубов. Редкий не страдал от червей, которые показывались на зубных деснах.

Местами помещики заботились о крепостных, облегчали барщину до 2-х дней, содержали на свой счет школы для крестьян, но так было в очень немногих поместьях. Особенно плохо жилось

крестьянам там, где барин в имении не жил, а дела вел какой-нибудь управляющий из немцев или бурмистр из своих же мужиков. Им не зачем было жалеть мужиков, они часто тешились и издевались над крестьянами ради забавы. Такие бурмистры требовали от своих подданных рабской покорности и непосильной работы, добивались того и другого самыми варварскими наказаниями. Понятно, что крестьяне тяготились своим положением, подчас волновались, отдельные из них жаловались на то, что неправильно зачислены в крепостные, и жалобы эти часто оказывались справедливыми, другие бежали от своих господ и приписывались в помещане какой-нибудь Дубовки. Подчас слышался и ропот, но за всякое неповиновение люди наказывались розгами, или чем придется, а то отдавали годных в солдаты, а негодных ссылали в Сибирь. Открытый общий ропот вызвал присылку вооруженных рот и батальонов с обозами розог и палок (164).

Немудрено также, что во многих крепостных селах появляются своеобразные разбойники в роде голицынского атамана Голяева. Он был милостив к крестьянам и, говорят, награждал некоторых из них деньгами и пожитками. Зато помещикам, управляющим имениями, торгашам, приходилось от Голяева плохо: он убивал и грабил их без всякого снисхождения. Рассказывали, что одного жестокого управляющего господским имением он живо-го палил на огне, ограбил все имение и сжег господский дом. Понятно, что такие разбойники пользовались славой народных милостивцев и борьба с ними была для начальства делом нелегким (165).

Помещик или бурмистр вмешивались и в личную жизнь крестьянина. Обычно на мужика полное тягло накладывалось лишь с женитьбой, а потому помещик женил парня по исполнению ему 18 лет, часто не спрашивая его согласия, на девушке, которую барин почему-либо считал для него подходящей. Отсюда, конечно, возможность самых больших семейных трагедий у крепостного мужика. Денег у крепостных было мало; покупали они для себя еще меньше: носили домотельную обувь-лапти, серые и коричневые чапаны и зипуны да бараньи тулупы своей работы, посконные сарафаны и рубахи—все собственного изготовления. Поме-

щики частенько «штрафовали» «шалунов», рядившихся в покупные ситца, строго запрещали на такую роскошь тратить деньги, приказывая беречь их на казенные повинности и домашние случаи (166).

Большая часть крестьянского населения Саратовского края была крепостной: 50—60% крестьян уже при Екатерине были у нас крепостными (167); остальным крестьянам государственным, удельным и проч. жилось гораздо легче, чем «барским».

Земли в Саратовском крае было много, лишь была бы охота работать, и местные жители работали, не покладая рук. Здесь считали, что муж с женой могут обработать от 10 до 15 десятин,—зато и приходилось же работать. Благодаря такой работе, крестьяне жили тут зажиточно, у них в хозяйстве были обычно пара лошадей, две коровы, овцы; а в праздник они любили побеселиться: зимой катались с гор на салазках и ледянках, на скамейках, как это водится и теперь. На святках колядовали, а весной начинались «байданы»—самое название это остаток татарщины, так звалась в те времена вечерняя игра молодежи. Первый «байдан» бывал на красную горку, последний в воскресенье перед Петровским постом. На закате солнца в ясный вечер вся деревенская молодежь высыпала за околицу на зеленый луг: пастиухи с рожками, барские люди с балалайками, плясуны, песенники,—все собирались отдохнуть от тяжелой работы; приходили и старики, чинно садились в сторонке, поглядывали на молодежь, вспоминали «доброе старое время». Слышались настоящие русские песни—то протяжные, заунывные, то веселые, удалые, шел пляс, водили хороводы, играли в горелки и другие игры. Теперь уж байданы повывелись. На Троицын день в те времена девушки завивали венки и загадывали, пуская их в воду, о своей судьбе (168).

Обособленно от русских держались мордва в своих селах в Кузнецком, Петровском, Хвалынском, Вольском уездах, причем редко из них были крепостными. Обособленно жили и немногочисленные чуваш, выходцы из Пензенской губернии. Татар у нас осталось порядочно только в Хвалынском, Петровском и Кузнецком уездах, в остальных—они составляли незначительный про-

цент населения, хотя раньше они были господами края. Мещеряков и цыган тут и совсем было мало; последние имели оседлость лишь в одном Петровске.

Обособленно жили и немцы в своих «колонках». Надо сказать, что вначале они, несмотря на все льготы и ссуды, мало оправдывали доверие правительства, которое вынуждено было открыть для них 8 смиренных домов, существовавших довольно долго. Даже духовенство лютеранское не отличалось высокими нравственными качествами и вызывало на себя нарекания (169). Таков разнообразный и пестрый племенной состав нашего края, отразивший на себе вечную смену племен на юго-востоке нашей России, а отчасти явившийся результатом энергичной колонизаторской политики русского правительства.

Занятия жителей нашего богатого края были менее разнообразны. Занимались у нас жители главным образом хлебопашеством—сеяли рожь, пшеницу, ячмень, гречиху, коноплю, немного картофеля, а о подсолнухах в начале XIX века и помину не было. Урожаи бывали очень хорошими, несмотря на то, что землю почти нигде не удобряли и не было правильной плодопеременной системы. Если урожай делался плохим, землю запускали под залежь и лет 15 она «отдыхала», после чего ее снова начинали распахивать (170). На юго-западе нынешней Саратовской губернии было еще много непаханной настоящей степи; но она уменьшалась с каждым годом, а в Заволжье (Николаевский, Новоузенский и Царевский уезды), которые тогда относились к нашей губернии, была распахана едва только 1/100 часть девственной, нетронутой степи (171).

Много занимались и скотоводством, особенно на юге: разводили лошадей, овец, рогатый скот, а малороссы и немцы-колонисты были большими любителями свиней.

Жители по Волге и ее притокам и по притокам Дона—Хопру и Медведице занимались рыболовством, рыбы ловилось много в хороших сортах.

Садоводство тоже было сильно развито: сады в общей сложности давали дохода около 400 тысяч рублей, но цифра эта сильно уменьшена по мнению Леснодолова и должна быть уве-

личина до 1 миллиона (172). Особенно из яблок ценилось черное дерево, сажали и крымские яблоки, анис, мальт, белъ, вишню, сливу, бергамот, дулю, торн, крыжовник, малину, смородину, землянику и проч. (173).

Обрабатывающая промышленность, ремесла развивались туго: было довольно много водочных заводов, были канатные, табачные, суконные фабрики, поташные, клееваренные, кожевенные, салатопечные заводы, но их было немного. Хорошо развивалось в немецких колониях кустарное производство сарпинки, зато шелководство, несмотря на все поощрения правительства, не прививалось в нашем крае.

Сильно развито у нас было соляное дело. Эльтонское озеро входило тогда в состав Саратовской губернии, и добычей соли и перевозкой ее было занято довольно много народа. Целые слободы, например, Покровская, против Саратова, Николаевская, против Камышина, на левом берегу Волги, образованы малороссами, названными сюда специально для перевозки соли. Жители их так и названы были солевозами.

Но если обрабатывающая промышленность была слабо развита, то торговля уже в первые 30 лет XIX века делала большие обороты, достигавшие $10\frac{1}{2}$ миллионов рублей ежегодно внутренняя и почти 6 миллионов внешняя (174). Сюда везли шелк, посуду, хлопок, лесные продукты, железные изделия, лес, отсюда грузили сарпинку, хлеб, рыбу, сало, колокола, арбузы, яблоки и проч. К саратовским пристаням ежегодно приставало до 300 судов. Мимо вниз шло их около 150, вверх до сотни, количество ничтожное для настоящего времени.

О паровых судах тогда еще не было и помину, главной двигательной силой наших барок были бурлаки. То были частью крестьяне из разных губерний, приходившие на Волгу летом ради заработка, а зимой опять уходившие в свои деревни. Только крепкие, здоровые люди могли выдерживать каторжный труд бурлака, жизнь в самых дурных условиях, вечной грязи. Когда баржа шла вверх, на каждого бурлака полагалось 300 пудов груза, когда она шла вниз, то груз увеличивался раз в 5, дохода до 1500 п. (175). Жизнь бурлаков была непривлекательной: заработок маленький.

полная зависимость от кулака-хозяина, который частенько обчитывал при расплате своих работников на изрядные по тому времени суммы, делали жизнь бурлака очень тяжелой. Уходил бурлак из дома ранней весной и до поздней осени не знал, что делается у него дома. Благодаря дурным условиям жизни среди бурлаков легко развивались эпидемические болезни, а благодаря их странствованиям по всей Волге, они разносили по разным городам постоянно и чуму и особенно холеру.

XI. ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ САРАТОВСКОГО КРАЯ В ПЕРВЫЕ 30 ЛЕТ XIX ВЕКА.

Тихо и однообразно шла здесь жизнь сто лет тому назад, лишь изредка нарушалась она экстраординарными, из ряда вон выходящими, событиями, вроде чумы 1808 года, отечественной войны, холеры 1830 года и т. п.

Сведений о чуме 1808 года у нас мало, повидимому, она не приняла сколько-нибудь значительных размеров, а, может быть, ее и совсем не было, как намекает тонкий наблюдатель своего времени прот. Скопин. При первом же известии о подозрительном до чумы случае, дом, где умер больной, был сожжен, весь город оцеплен, никого из города не выпускали, никого не впускали с января до самого конца февраля, вернее до 12 марта. Для борьбы с чумой прислан был вместо врачей сенатор Козодавлев, который и проявил большую энергию при борьбе с эпидемией. Жители не верили в чуму, говорили, что чиновникам надо было получить награды, почему и явилась чума. Как бы то ни было, прекращение чумы было отпраздновано с большим торжеством, и, когда, 12 марта, город был, наконец, отперт, радость была всеобщая: народ опрометью бежал к заставам, иной выезжал, другой въезжал в город (176).

Гораздо более сильное влияние на наш край, отчасти даже культурное, имела отечественная война с Наполеоном, которая так или иначе затронула все слои общества.

Отечественная война у нас, как и по всей России, вызвала взрыв патриотизма с одной стороны, с другой какие-то темные, смутные слухи. Саратовское дворянство и купечество охотно откликнулось на призыв государя к пожертвованиям на войну, не-

реданный губернатором Панчулидзевым. На свой счет Саратовская губерния снарядила 11 егерский Воронежский полк; рекрут собрали из податных сословий; дворяне обмундировали их, обложили себя сбором по 50 коп. с каждой крестьянской души, находившейся в их владении; городские общества доставили обоз, лошадей и упряжь. Многие из дворян были в действующей армии офицерами (177).

Были, правда, и случаи уклонения, особенно от тыловых служб (178). Так, никто из дворян не желал вступить добровольно на службу в Пензенское и Симбирское ополчение. (Саратовское ополчение, несмотря на готовность к сбору его местного дворянства, не было созвано по распоряжению властей), но таких случаев было всетаки немного.

В малокультурной народной массе бродили подчас темные слухи о том, что война эта дело дворянское, крестьянам с ними вместе идти не рука. Так в одном селе Кузнецкого уезда некий мужичек говорил на сходе, что воюет не француз, а «великий Константин Павлович против нашего государя императора, и что будет будто бы всем помещичьим крестьянам вольность, а всех господ будут рубить и вешать (179).

Волновались подчас и отдельные части пензенского ополчения, где были офицеры саратовцы. Такие волнения спешно подавлялись, а распространителей темных слухов быстро арестовывали, наказывали на страх другим, причем часто выяснялось, что болтали такие агитаторы всякий вздор в пьяном виде. Крупных беспорядков нигде у нас не было.

Как всегда во время войны всех иностранцев заподозривали в шпионстве (180), что свидетельствует о сильном возбуждении умов нашего общества.

В это время хлынул в Саратовскую губернию поток «беженцев» из угрожаемых нашествием Наполеона губерний. В Саратовскую глушь потянулись Москвичи, Смоленяне и т. д.; они внесли большое оживление в нашу мертвую, мелкую жизнь, принесли с собой новые интересы, иные культурные запросы.

Тогда же в Саратов и его уезды прислано было множество пленных в самом жалком положении, обмороженных, больных и

голодных. Среди пленных распространилась какая-то заразная болезнь, их присылали в Аткарск, тогда скорее деревню, чем город, чтобы изолировать от скученного русского населения и там без медицинской помощи, при дурном питании они умирали массами. Русские жители жалели их и постоянно снабжали одеждой и пищей. Тем не менее их умирало очень много и от непривычной пищи (арбузы, огурцы) и от болезней. И вот аткарские жители, в целях экономии, — лишний раз подводе не ездить, — нагружали мертвых и умирающих на одну телегу, и везли их на полянку в лесу, и хоронили их там, всех вместе, живых и мертвых, в общей братской могиле (181).

Многие пленные для облегчения своей участи принимали русское подданство, причислялись в крестьянское и мещанское сословия. Случалось, что французские солдаты, видные и обходительные, женились на крестьянских вдовах, крестились, принимали фамилии Французовых, Петровых, и жили себе тихо и мирно, сливаясь с русскими людьми, а потомство их даже забывало о своем происхождении.

В деревнях пленные быстро сливались с русскими и мало оказывали на них влияния, зато в самом Саратове, где было много пленных (182), и среди них оказались хорошие ремесленники, влияние этих иностранцев на развитие у нас ремесел было очень заметным. До сих пор помещики очень неохотно давали работу городским ремесленникам, предпочитая более тонкую работу своих обученных в Москве дворовых. Теперь они охотно отдают ее пленным французской армии, зная, что заказ будет чисто и изящно выполнен. Поэтому Саратовские мастера волей-неволей должны были у них учиться, хотя те и старались скрыть свое искусство (183). Пленных же употребляли подчас для крупных общественных работ; в самом Саратове они засыпали несколько оврагов, устраивали сады (по преданию Институтский); в уездах, работая у помещиков, устраивали пруды, строили здания и т. п.

Радужно принимали крестьяне пленных французов солдат, еще гостеприимнее встречало высшее общество пленных офицеров. Воспитанные хорошие танцоры, они были желанными гостями во всяком дворянском доме. Случалось, наши помещики при-

нимали за француза-интеллигента провинциального крестьянина, который о литературном французском языке не имел понятия и был совершенно безграмотным, но смело действовал в качестве учителя подрастающего поколения уездного дворянства. Из среды пленных офицеров вышло не мало прекрасных учителей, врачей, и некоторые из них, как Савэн, до конца дней своих жили в Саратове, и умерли, оставив по себе добрую память и глубокую благодарность у своих учеников (184).

Все эти пленные врачи, учителя, ремесленники, заставляли своих русских собратьев несколько подтягиваться, учиться, чтобы не отставать от них и тем дали хотя слабый, но всетаки ощутительный толчок в культурном развитии края.

Отечественная война произвела, сильное впечатление на жителей Саратовского края: не так давно можно было подчас услышать в деревне песню, посвященную событиям 12 года (185). В память этой войны во многих селах и городах нашей губернии воздвигнуты были церкви. Из них самая выдающаяся—Новый Александро-Невский собор в Саратове, заложенный в 1815 году. Окончен был собор лишь в 1826 году и считался в те времена, да и теперь считается одним из лучших архитектурных памятников первой половины XIX века. Вольский собор построен по инициативе крупного купца Злобина, как говорят, не без влияния на него событий 12 года, а потому тоже может быть причислен к памятникам Отечественной войны (186).

Кончилась отечественная война—снова мирно потекла жизнь нашего края вплоть до 1830 года, когда над ним разразилась страшная холерная эпидемия.

В начале июля 1830 года было получено в Саратове известие о появлении в Астраханской губернии «холеры-морбуса». Хотя на многочисленных заседаниях говорилось не мало о борьбе с холерой, тем не менее предупредительных мер против нее принято не было. На весь город было всего 6 врачей, не было медикаментов, и больница была очень мала. С самого июля жара и засуха стояли невыносимые. Скоро с одной из пришедших баржей сняли двух бурлаков с несомненными признаками холеры. После этого эпидемия быстро распространилась по городу, число боль-

ных сильно увеличивалось, росло и число умирающих, достигая 200 человек в день. Умерло несколько и без того немногих врачей. Захворал губернатор Рославец, и с его болезнью все в городе пришло в расстройство. Высший по должности чиновник, отговариваясь болезнью, отказался вступить в управление губернией. Старшие чиновники, а за ними и младшие, побросав свои служебные обязанности, спешили выехать за город, кто куда мог, спасаясь от страшной болезни. Город, таким образом, в тяжелые минуты, остался без всякой власти. Понятно, поэтому, что губернатор Рославец, едва получив облегчение, вступил в управление губернией, первым делом занявшись сбором бежавших чиновников, рассылал за ними по деревням казаков. Спешно занялись выпиской врачей, медикаментов, посылая за последними за 400 верст в Сарепту (187), вырабатывали экстренные меры по борьбе с холерой. Лучшим предупредительным средством считалось вино, пахостоенное красным перцем и чистый деготь, которым натирали тело и даже белье.

В эти тяжелые дни город имел печальный вид. Лавки почти все были закрыты, торговля не производилась. Люди сидели по домам с закрытыми ставнями, а если выходили на улицу, то завязывали лица по самые глаза, натирались чистым дегтем и нефтью и бродили в глубоком унынии. Конное движение тоже почти прекратилось; по улицам можно было встретить только телеги с 3—5 гробами, которые отвозились на новое кладбище на берегу Волги; оно издали обозначалось огромным красным крестом. Этот крест дал этой местности свое имя, она и до сих пор зовется «Красный Крест». Улица, ведущая к этому кладбищу, до сих пор сохранила название «Печальной». На площадях, в целях предупреждения заразы, день и ночь горел навоз, распространяя страшное зловоние.

В самый разгар холеры случалось, что нижние чины на часах, чиновники во время канцелярских занятий, умирали от холеры.

С уменьшением жаров эпидемия стала ослабевать, а к концу ее из Москвы явилась целая комиссия в 80 врачей, под пред-

седательством знаменитого тогда врача Мудрова, с медикаментами, но для Саратова помощь была несколько запоздалой (188).

Холера 1830 года унесла в одном городе Саратове 3 тысячи человек, что, при общем количестве населения в 49 тысяч, являлось очень значительным процентом (6%). Свирепствовала холера и в губернии, вызывая среди крестьянского населения панический страх и разные суеверные толки: то где-то холера явилась в виде женщины с двумя головами, то в виде козла без бороды с глазом во лбу, фельдшерам крестьяне не верили, думая, что господа морят крестьян (189). И такие эпидемии появлялись у нас не раз в XIX веке.

За короткий срок в 36 лет с 1800 по 1836 год Саратов сильно изменил свою физиономию. Число жителей его увеличилось до 49 тысяч, больше чем в 3 раза. Открыты были Ильинское (1830 г.) и Сретенское (1831 г.) приходские училища (190), духовные уездные училища (1820 и 1834 г.) (191), была открыта в 1820 году 1 мужская гимназия, на которую много средств было пожертвовано саратовским дворянством и купечеством. Открытие ее было торжественно отпраздновано: поместилась она в том же доме, где существовала и потом, на Гимназической улице, раньше принадлежавшем губернатору Панчулидзеву. Дело в ней было поставлено довольно хорошо при третьем директоре ее Миллере, учителя, все молодые питомцы Казанского университета, не успевшие остыть к науке (192), горячо взялись за дело. В ней было до 70 учеников (193), из которых многие впоследствии сделали известные, как ученые и как писатели (194). Директор Миллер старался заинтересовать в общем гимназическом деле местное общество, для чего устраивались каждый год торжественные публичные акты, на которых учителя читали ученые речи, а ученики свои стихотворения (195). Бывали и тяжелые минуты в жизни гимназии: таким временем было директорство Ченыкаева, который на управление гимназией смотрел как на источник своего обогащения, присваивая подчас себе гимназические деньги (196), из-за чего у него постоянно бывали ссоры с учителями. Но такие периоды были сравнительно редкими в жизни гимназии, и она оставалась большею частью лучшие воспоминания у своих питомцев.

Открыта была, также, и духовная семинария (197), так что Саратовскому духовенству больше не приходилось посылать детей в Пензу и Астрахань, чем раньше оно сильно тяготилось. Семинария привлекала больше воспитанников, чем гимназия, число их доходило до 300, может быть, потому, что духовенство больше нуждалось в образовании, чем дворянство и купечество. В уездных городах появились также училища светские и духовные, причем наука в этих учебных заведениях внедрялась больше при помощи розог. Здания часто были совсем непригодные для занятий, в Петровском, например, духовном училище чернила мерзли в чернильницах, и ученики вынуждены были своим дыханием оттаивать их. В Саратове было открыто уездное училище (198), а в губернии несколько частных учебных заведений и пансионов, куда охотно отдавали своих детей и дворяне.

Правда, в массе населения образование по-прежнему стояло низко: грубость, суеверия, были отличительными чертами жителей нашего края. На всю губернию приходилось всего 18 лекарей и те невысокого достоинства, и во время холерной эпидемии 1830 года во многих селах у нас не только лекаря, но и лекарского ученика не видали (199). Но все-таки в среде нашей интеллигенции замечается повышение культурных интересов.

Панчулидзеv строит в Саратове театр, где играет труппа его дворовых. Правда, весной и осенью к театру с трудом можно было добраться, и лошади, запряженные в старинные помещичьи рыдваны, вязли по колена в грязи, но стремление развлечься многих привлекало в театр.

Открывает свой домашний театр и дворянин Гладков на Дворянской улице (теперь Б. Кострижная), где в настоящее время помещается Александровское училище (200).

Строится в Саратове богадельня, открываются новые магазины, аптеки, словом Саратов в 30-х годах начинает быстро развиваться.

Замечаются и заботы о благоустройстве города. Чтобы обезопасить город от постоянных грандиозных пожаров была устроена очень хорошая пожарная команда, которая не уступала москов-

ской. Смелые умы уже тогда мечтали о водопроводе, но мысль эта осуществлена была значительно позднее.

Тогда же была попытка сделать город удобопроходимым в грязь, для чего устроены были оригинальные улицы для конных и тротуары для пеших: вдоль домов вырывались канавы, глубиной четверти в три, земля из них сбрасывалась на середину «улицы», которая сделалась возвышенной, канавы выкладывались досками, сверху также настилались доски. Вдоль тротуара шел низенький заборчик, покрашенный «форменно», по николаевски, тремя красками—оранжевой, черной и белой в косую полоску. Однако, такое устройство наших улиц не было вполне безопасным ни для пешеходов, ни для конных. Весной и осенью по этим улицам пара лошадей не могла вытащить из грязи самого легкого экипажа с одним седоком, а пешеходы возвращались домой босиком, оставив сапоги свои в грязи. А если они шли по тротуарам, могло случиться другое несчастье: стенки, на которых лежали доски тротуара, часто подгнивали—прохожий ступит на доску—она подломится—неосторожный летит в канаву в соседстве мертвых кошек, кур (канавы никогда не прочищались) вылезая весь в грязи с ушибленной рукой или ногой (201).

Таким образом, не все попытки саратовского благоустройства достигали своей цели, хотя в общем облик нашего города становился все более и более благообразным. Даже пожары и те отчасти содействовали упорядочению городских строений: после улицы выравнивались, новые дома часто бывали лучше прежних.

Злом нашего края в 30-х и 40-х годах была Саратовская полиция, как городская, так и уездная. Злоупотребления и взятки чинов ее имели часто результатом громкие дела с печальным концом: ссылкой того или иного пристава даже на каторжные работы, в лучшем случае отставкой. Славная своими злоупотреблениями, но малочисленная полиция, была совершенно бессильна справиться с бесчисленными грабежами и разбоями.

Ночью по глухим улицам нельзя было ходить. Обыватели так боялись грабителей, что запирались накрепко с вечера, и никакие крики не могли заставить их выйти из дома на помощь случайному прохожему. По воспоминаниям стариков один из энергич-

ных полицеймейстеров так внушал обывателям необходимость помощи ближним: ночью с несколькими городскими ходил он по глухим улицам и заставлял своих спутников кричать «караул, грабят, режут»; если обыватель ближайшего дома не выбегал на улицу на помощь, полицеймейстер дознавался, слышал ли он эти крики, и в утвердительном случае нагайкой делал ему внушение о необходимости помощи ближнему. И до сих пор сохранились кое-где по Тулупной, нижней части Московской улицы, в переулках старые купеческие дома: они похожи на маленькие крепости с маленькими окнами ба улицу, с массивными железными воротами, запиравшимися на ночь огромным замком. Двор тоже был окружен высокой каменной стеной. Забраться в такое укрепление было очень трудно, но грабители подчас ухитрялись воровать и там. По бойким почтовым трактам нашей губернии грабители частенько нападали на проезжающих с величайшей дерзостью. Около Саратова разбойники ютились по оврагам, близ Красного Креста, например, и борьба с ними была почти безуспешной, потому что жители подгородних деревень сами занимались разбоем, и одна из этих деревень до сих пор сохранила название Разбойщины (202).

Таким был наш Саратовский край в радости и горе в первые 20—30 лет XIX века. Много было темных сторон, много смешного и грустного в жизни его обитателей, но уже в эти годы стали заметны очень ясно все его несметные природные богатства, которые ждали, казалось, времени, когда люди примутся за их разработку. В этом отношении была очень показательна первая выставка произведений нашего края, устроенная по случаю приезда к нам наследника престола Александра Николаевича. Тут были выставлены предметы нашей добывающей и обрабатывающей промышленности: Эльтонская соль, разных сортов хлеб, шерстяные, пеньковые и другие изделия. Эта выставка очень поправилась великому князю и показала все разнообразие и богатство края.

XII. САРАТОВСКИЙ КРАЙ В 30—80 гг. XIX ВЕКА.

Следующие годы XIX века наш край начинает развиваться еще быстрее, чему в немалой степени содействует с одной стороны улучшение путей сообщения, следовательно, усовершенствование транспорта, что являлось необходимым для дальнейшей разработки богатств нашего края; с другой стороны важным толчком в деле экономического и духовного развития саратовцев оказались великие реформы 60—70 годов, которые сразу выдвинули его на одно из первых мест среди провинциальных городов.

В начале XIX века суда, шедшие вверх по течению, приводились в движение главным образом людьми или лошадьми, вниз суда шли «сплавом» по течению, поэтому хоть перевозка товаров и была дешевой, но совершалась она чрезвычайно медленно. Зимой, когда замерзала Волга, Саратовская внешняя торговля должна была замирать, так как перевозка товаров гужевым путем была дорогой и очень медленной. Только железная дорога и пароходы могли дать возможность вывозить такие товары, как хлеб, соль и т. под., в больших количествах, а потому возникновение пароходства на Волге должно было начать новую эпоху в жизни края.

Первые известия об изобретении парохода американцем Фультоном дошли до России в конце 1813 года, а в 1823 году была учреждена первая пароходная компания для плавания по Волге, Каспийскому морю и Каме, но она существовала недолго. Распорядитель этой компании пустил по Волге 4 парохода, но они были неуклюжи, малосильны и чрезвычайно медленны. Когда они шли мимо сел, толпы народа сбегались посмотреть на диковинное судно; меж собой говорили, что это «чертова расшива», что «грешно возить людей и товар в этой посуде с печкой». В 1838 году

прошел по Волге мимо Саратова пароход астраханского купца армянина Углева (203).

Вначале пароходство развивалось у нас медленно: бурлацкая сила была слишком дешева, и до 1846 года мимо Саратова от Нижнего до Астрахани ходило всего 3 (204) весьма несовершенных парохода, но затем число их стало возрастать.

В 1853 году здесь было уже до 50 буксирных пароходов, причем многие из них имели довольно хорошо устроенные каюты I и II класса с пружинной мебелью, зеркалами, картинами. Плавание на таких пароходах не отличалось скоростью: тяжелые баржи мешали быстрому движению; задерживался пароход и благодаря погрузке дров, так как много топлива не было. Случалось, среди дороги пароход приставал к берегу днем или ночью безразлично, далеко до настоящей станции; бабы и девки прибрежного села в течении нескольких часов таскали дрова на пароход. Пассажиры выходили на берег, зажигали костры (205), что было очень красиво вечером; в ожидании дальнейшего плавания варили себе уху из знаменитой волжской стерляди.

Такие остановки, может быть, носили очень поэтический характер, но в деловом, спешившем человеке вызвали чувство досады—ведь при таких условиях путь от Саратова до Самары длился 5 дней.

Скоро (206) появились на Волге первые пассажирские пароходы и к 1860 году всех пароходов насчитывалось уже 244 (207), затем число их начало быстро увеличиваться; тогда же появляются на сцене и старейшие пароходные общества «По Волге», «Самолет», «Кавказ и Меркурий» и др. Пассажирских пароходов было еще очень немного; об удобствах публики заботились мало: самолетские пароходы, самые быстрые, ходили, например, без расписания, буфеты на них были очень плохие, каюты—расположены внизу. Случалось «Самолет» целый день стоял где-нибудь у маленького села, пока капитан охотился или ездил в гости к знакомому помещику, а пассажиры его терпеливо ждали.

Буксирных пароходов ходило больше, чем пассажирских. Они водили суда обыкновенно только вверх, вниз баржи шли сплавом, что было несколько дешевле.

Был в то время еще один вид пароходов, теперь исчезнувший, — кабестанные, они приводились в движение посредством каната с якорем, который завозился вперед на всю длину каната и бросался в воду, а другой конец его передавался на пароход и наворачивался на вал, приводимый в действие силой пара, отчего судно подавалось вперед. Пока наворачивался один канат, завозили другой якорь и т. д. Такой кабестанный пароход мог делать 30—50 верст в сутки, теперь они, за невыгодностью, совсем оставлены (208).

Начало пароходства на Волге помогло нашему краю использовать эту мощную реку, как в высшей степени дешевый и удобный путь сообщения, и сделало возможным вывоз в большом количестве продуктов земледелия и, таким образом, явилось сильным толчком в развитии нашего края.

Другой еще более сильной причиной ускорения темпа развития нашего края были реформы 60-х годов. Освобождение крестьян, земское и городское самоуправление, гласный суд вызвали большое оживление общественной жизни, коренным образом изменили положение русского народа, дали возможность дальнейшего экономического и духовного развития его. Особенно сильно эти реформы сказались в мало использованном еще, но обильном природными благами Саратовском крае, который начал привлекать теперь все больше и больше свободных, ничем не стесненных людей, для разработки его богатства.

Значительная часть населения Саратовского края до реформы 1861 года была крепостными крестьянами. В 1857 году у нас в губернии было 658.685 человек крепостных крестьян, да дворовых 25.650 человек (209), что при общем количестве населения около 1,5 миллионов (210) составляло значительный процент (около 45). Полная зависимость крепостных от своих господ, барщина, оброки, мешали им в развитии своего хозяйства, мешали свободно распоряжаться своим трудом. Получив свободу, крестьянин мог тратить больше своего труда на себя. Правда, после освобождения у крестьян осталось меньше земли, чем ими обрабатывалось во времена крепостного права, часть ее, притом лучшая, отошла к помещикам. В Саратовской губернии во време-

на крепостной неволе на крестьянскую душу приходилось в среднем 4,87 десятины земли, а после освобождения всего 2,8 (211). Такое сокращение крестьянского землевладения не могло не отразиться на хозяйстве очень тяжело, не по душе оно было и крестьянам. Не могли бывшие крепостные охотно идти к своим бывшим господам после «воли» на барщину, которую обязаны были нести вплоть до выкупа земли. На этой почве возникали постоянные недоразумения, сопровождавшиеся подчас открытыми беспорядками, вроде отказа идти на барщину, с присылкой военных команд для усмирения. И не мало хлопот и возни было у мировых посредников, на долю которых выпал нелегкий труд следить на местах за проведением реформы в жизнь и улаживать по возможности конфликты между крестьянами и помещиками. Положение мировых посредников было тем труднее, что крестьяне им не доверяли, убежденные в том, что «своему свой поневоле брат», а, поэтому, помещик-посредник всегда будет держать руку господ; в свою очередь, помещики считали мировых посредников предателями и разорителями дворянских прав и достоинств (212). Так, в одном имении помещица Иванова вооружалась образами, когда ей возвещали о прибытии мирового посредника и величала его «атаманом разбойников», чуть не антихристом (213).

Несмотря на все такие затруднения крестьянская реформа проведена была в Саратовской губернии сравнительно благополучно и дала сильный толчок развитию хозяйственной инициативы в крестьянской среде, содействовала быстрому росту торговли и промышленности. В то же время земская и городская реформы передали в руки выборных населением земских и городских гласных заботу о местном хозяйстве, просвещении, благоустройстве, что очень содействовало культурному развитию нашего края. Гласные, выборные местные люди большей частью были гораздо лучше осведомлены о нуждах своей губернии, больше любили ее, чем пришедшая чиновничья администрация, которая часто, не привыкнув к месту службы, переводилась на новое, не успевала ни сродниться с тем обществом, которым должна была управлять, ни понять его интересы. Между тем гласные были тесно связаны своими интересами с обществом, их выбравшим, жили его жизнью, его мечтами: экономическое и культурное развитие края им было дорого. В

нем они были заинтересованы, нужды его были им хорошо знакомы.

Немудрено, поэтому, что, когда собралось первое экстренное земское собрание (губернское) 25 мая 1866 года, скоро зашла речь о проведении железной дороги Козлов—Саратов, необходимой для экономического развития нашей губернии (214). Благодаря энергии Саратовского земства дело постройки новой дороги пошло быстро: в 1868 году была выдана концессия на постройку, а 3-го июня 1871 года была закончена постройка и открыта для движения вся линия Тамбов—Саратов. Открытие этой дороги было настоящим торжеством для Саратовской губернии. До сих пор главным и, можно сказать, единственным путем для торговли была Волга. Становилась зимой Волга, замирала на ней оживленная летом деятельность, прекращалась на всю зиму и Саратовская торговля: отправлять гужем, хоть и по зимнему и санному пути громоздкие товары было и дорого, и долго. Теперь открывалась широкая возможность пользоваться в зимнее время вновь открытой дорогой, и хлопоты земских деятелей имели результатом быстрый рост нашей торговли и промышленности.

Вместе с тем новое земское и городское самоуправление проявляет большую заботу о распространении просвещения, об оказании медицинской помощи населению, о благоустройстве города и уездов,—и в короткое время физиономия нашего города и всего края резко меняется. Саратов—«глушь» превращается в крупный провинциальный культурный центр с сильным общественным мнением.

Благодаря новым путям сообщения у нас сильно развивалось земледелие и обрабатывающая промышленность. Все увеличивалась пашня, уменьшались пространства нетронутой степи. Где раньше можно было встретить только диких сайгаков на необозримом просторе весной зеленых степных трав, летом колыхающегося седого ковыля, где слышалось только пение жаворонков, свист сурков и сусликов, да крики степных хищников—орлов, коршунов, там кипела теперь весной упорная работа, слышались людские голоса, а летом волновались бесконечные поля наливной

пшеницы. Исчезают прежние степные жители, их сменил человек с его неустанным упорным трудом! Все меньше остается свободной земли, она дорожает в цене: если в 1820 г. десятина земли стоила 3 руб. серебром, то в 50-х годах она дошла до 30 руб. (215). Усиленно сеяли пшеницу, сажали бахчи, появился и подсолнух. До сих пор он у нас почти не был известен, в 45 году на всю губернию подсолнухом засажено было 53 десятины, да несколько десятин около Саратова (216), а в 1880 году было высеяно уже около 10.000 четвертей (217) подсолнечных семян.

Вместе с тем развивается у нас и маслобойное производство. Первые масленки были в Саратове построены в 1850 году (218), но число их быстро увеличивается, и в 1880 году в одном Саратове было уже 36 масленок (219), а по всей губернии 540 (220).

Скоро строится и первая паровая мельница (1865 г.) Зей-фертом, после Шмидтовская (221), и мельничное дело с этих пор начинает составлять славу Саратова, к 1880 году в Саратове уже было 6 паровых мельниц (222), а по всей губернии 13 (223).

Быстро развивалось, особенно в немецких колониях, табачное дело, выработка сарпинки, зато совсем заглохло шелководство.

Но несмотря на быстрое развитие промышленности и, вместе с тем, торговли, рост цен на жизненные припасы, кажется нам, незначительным, и цены до смешного низкими, хотя для современников возвышение цен казалось «разительным» (224). По справочникам 1860 года в самом Саратове, где цены были всего выше, 1 фунт черного хлеба стоил 1 коп. серебром, а пшеничного 2 копейки, мясо было от 5 до 8 коп. (225), лучшие арбузы под Царицыном можно было купить по $\frac{1}{2}$ коп. (226), а извозчики брали в Саратове по часам копеек 25—30 (227).

Быстрое экономическое развитие края сопровождалось и быстрым ростом народонаселения: к 1881 году во всей губернии (228) было уже 2.021.838 человек (229), а в самом Саратове 114.919 человек (230), — колоссальное увеличение с 1838 года, когда жителей в нем было всего около 50.000 человек. Особенно быстро росло население в заволжских уездах Саратовской губернии, оно увеличивалось настолько быстро, что управление им становилось все более затруднительным. И, в конце концов, в

1850 году заволжские уезды были отделены от нашего края и переданы частью в ведение Самарской, частью в ведение Астраханской администрации.

Быстрый рост населения, экономическое благосостояние края не могли не сопровождаться и очень заметным развитием у нас просвещения.

В 40—50 годах глухой Саратов служил местом ссылки выдающихся, но «опасных» в политическом отношении людей; в числе других попал сюда известный историк Костомаров, и многие из его лучших монографий («Стенька Разин», «Богдан Хмельницкий») были, повидимому, написаны в Саратовской глуши (231). Такие ссылки много способствовали пробуждению дремавшего провинциального общества, влияли на умы молодежи, развивали в ней стремление к высшему образованию и к работе на пользу родного края. Из среды саратовцев начинает выделяться группа местной интеллигенции, часто с высшим образованием, но многие из них находились под надзором полиции, как, например, Чернышевский, Леопольдов и др. Среди этой интеллигенции одно из первых мест принадлежало живому, увлекающемуся первому историку Саратовского края Андрею Филипповичу Леопольдову; сыну сельского псаломщика, который тоже благодаря каким-то пустякам попал под надзор полиции. Обремененный многочисленной семьей Леопольдов должен был усиленно работать для ее пропитания: то он служит при Саратовской городской полиции, то в казенной палате, то в губернском правлении, встречается он и в Дубовке; где взял частное место на конно-железной дороге, то, наконец, оказывается чиновником особых поручений при Самарском губернаторе. Но одна служба его не удовлетворяла: он много занимался по истории Поволжья, рылся в архивах, собирал много материала и, в конце концов, выпустил ряд трудов по краеведению (232). Он боролся за открытие в Саратове университета, доказывал необходимость устройства водопровода, пропагандировал пчеловодство и т. д., словом, деятельность его была очень разнообразной.

Администрация края, испытывая большой недостаток в интеллигентных людях, охотно привлекала «неблагонадежных» на службу, пользовалась их знаниями и опытом. С их помощью и

содействием создаются в Саратове газеты, из них первая по времени «Саратовские Губернские Ведомости». Издание их было начато с 1838 года, но вначале газета влячила жалкое существование, не было у нее даже редактора: обязанности его исправлял, «кажется, один из сторожей Губернского правления, да и дело было нетрудное: он только передавал бумаги присутственных мест в типографию с приказанием: «печатать» (233).

Назначенный редактором «Саратовских Губернских Ведомостей» Леопольдов привлек к участию в этой газете многие силы из местной интеллигенции, и в них появляется ряд интересных исторических, экономических, этнографических и проч. статей, отчего местное общество начало читать их с большим интересом.

Большую роль в расцвете «Губернских Ведомостей» сыграл и Костомаров: он некоторое время был редактором их, получая за это 210 р. 70 к. в год (234), и помещая в них множество исторических и этнографических заметок.

В 60-х годах (1863 г.) появляется в Саратове маленький «Справочный Листок», из которого вырос крупный провинциальный орган печати «Саратовский Листок», существовавший до октябрьской революции 1917 года.

Вслед за ними появляются и другие газеты: «Саратовский Дневник», «Волга» с 1877 года, весьма влиятельные в местном обществе. Вместе с ними появляются у нас и библиотеки не только в самом городе, но и в селах, вырастает множество новых учебных заведений, среди них много женских. Был основан Марининский институт «благородных» девиц, открытый по инициативе саратовского дворянства. Немного раньше был открыт частный пансион-школа для девочек Ф. И. Фламм; этот пансион через 15 лет перешел к ее дочери Э. К. Ульрих: с 1879 года эта школа после долгих хлопот Э. К. Ульрих превратилась в частную женскую 7-классную гимназию. В том же 1879 году открыты были частные гимназии Гусевой и Горенбург. Раньше, в 1859 году, открыто было «женское училище 1 разряда для приходящих девиц всех сословий», превратившееся в Марининскую гимназию. Городское и земское самоуправление усиленно заботилось об открытии народных мужских и женских училищ и достигли в этой области пора-

зительных результатов: в 1870 году во всей губернии было всего 326 учебных заведений с 8143 учащимися (235), а в 1880 году 603 учебных заведения с 64869 учащимися (236). В самом Саратове очень почетное место в истории народного образования занимал член училищного совета от города, Вакуров. В эти годы наше самоуправление заботилось и о подборе хороших учителей, об образовании их и об уяснении педагогами новых методов преподавания (237). Для развлечения учащихся устраивались елки, детские праздники, а, с целью показать успехи учащихся обществу, ежегодно бывали торжественные публичные акты с выдачей наград лучшим ученикам (238).

В то же время заботы о благоустройстве губернии и самого Саратова принимают более целесообразный характер. В уездах появляются врачи, фельдшера, ветеринары, в селах они перестают быть диковинкой. Проводятся хорошие дороги, устраиваются мосты. Да и самый Саратов сильно меняется.

Параходство, железная дорога, телеграф приобщили его к другим городам, связали с ними, подняли его культурный уровень, обогатили его. Реформа городского самоуправления 70-х годов передала заботу о его благоустройстве в руки самого населения, а потому немудрено, что скоро началась серьезная борьба с Саратовской грязью.

Еще в начале 50-х годов какой-то остряк с полным правом мог сказать о нашей губернской столице, что в ней

«Уж если грязь, то уж такая,
Что люди вязнут с головой,
Но мать-природу обожая,
Знать не хотят о мостовой» (239).

Но уже в конце 50-х годов решено было замостить часть улиц и уничтожить топи (240). С постепенным проведением в жизнь этой меры Саратовские лошади могли, наконец, вздохнуть с облегчением, а обыватели ходить по улицам смело, не опасаясь загубить в грязи свои сапоги. Горько было лишь охотникам, им пришлось, с уничтожением топи на Митрофаньевской площади, искать себе новых мест для охоты. Несколько раньше мостовых.

уже в 40-х годах были устроены первые водопроводы, которые подавали воду по деревянным трубам в центр города от источника близ Лысой горы (241), а в 1876 году был открыт водопровод, построенный английским акционерным обществом (242).

На Саратовских улицах появляются полисадники, устраиваются бульвары,—знаменитые «Липки» разбиты были в 50-х годах, словом, Саратов теряет характер захудалого провинциального городка и превращается в большую и богатую столицу Поволжья к концу XIX века.

Мы начали изучение Саратовского края, когда он был в руках чужих, нам неизвестных народов, когда еще и самое имя славян и русских не было знакомо Европе. Проследили—как постепенно стали проникать сюда русские люди то в виде купцов—воинов эпохи хазарского царства, то в виде пленных в эпоху татар. Мы видели, какая упорная борьба развернулась на берегах Волги между разбойником-каззком, искавшим выхода своей буйной удали на широком Волжском просторе, и мирным русским купцом и земледельцем; как постепенно мирный труд побеждал буйную отвагу, какие результаты имела эта победа.

Теперь Саратовский край одна из богатейших местностей России с довольно густым населением, большой торговлей и развитой поромышленностью.

П Р И М Е Ч А Н И Я .

(1) Труды Саратов. Ученой Архивной Комиссии, вып. 29, статья Кроткова «О памятниках старины в Саратовской губернии». Стр. 160. Издание далее цитруется «Труды С. У. А. К.»

(2) Труды С. У. А. К., вып. 29, ст. Кроткова «Аткарский могильник». Стр. 114 и след.

(3) Труды С. У. А. К., вып. 29. Прибавление Спицына «Саратовские древности». Стр. 3.

(4) Геродот. «История», кн. IV, гл. 11, 12.

(5) Сборник статей, посвященных Платонову. Ст. Тураева «Скифы в иероглифических надписях». 356 стр.

(6) Геродот. История, IV кн., гл. 21.

(7) Середонин. Историческая география, 49 стр.

(7а) Геродот. История, кн. IV, гл. 116.

(8) Геродот. История, кн. IV, гл. 117.

(9) Середонин. Ист. геогр., 47 стр.

(10) Чекалин. Саратовское Поволжье, стр. 8, пр. 3.

(11) Труды С. У. А. К., вып. 29. Прибавление Спицына, 3—4 стр.

(12) Середонин. Ист. геогр., 47 стр.

(13) Труды С. У. А. К., вып. 29. Прибавление Спицына, 4 стр. См. вещи этой эпохи в музее Саратов. Уч. Арх. Ком.

(14) Геродот. История. IV кн., гл. 21.

(15) Геродот. История. IV кн., 108 и 109 гл.

(16) Середонин. Ист. геогр., 20 стр.

(17) Труды С. У. А. К., т. III, стр. 57. Голицын и Краснодубровский «Укек»).

(18) Середонин. Ист. геогр., 37 стр.

(19) Эйхвальд. О древнейших обиталищах племен славянских, финских, турец. и монг. в южн. России по Геродоту 68 стр.

(20) Середонин. Ист. геогр., 28 стр.

(21) Грушевский. Киевская Русь. 136 стр.

(22) Миллер. Осетинские этюды, III часть. 101 стр.

(23) Середонин. Ист. геогр., стр. 98.

(24) Хвольсон. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен-Омар Ибн-Даста, стр. 17. Далее цитуются: Хвольсон. «Известия».

(25) Эль-Балхи. Хвольсон. Известия, 62 стр.

(26) Ибн-Фодлан, Эль-Балхи. Хвольсон. Известия, 169 стр.

(27) Середонин. Историч. география, стр. 101, Голубовский. Болгары и хазары, вост. соседи Руси при Вл. Св., Киевская старина. 1888, июль, стр. 62.

(28) Середонин. Ист. геогр., стр. 104.

(29) Чекалин. Саратов. Поволжье, стр. 13.

(30) Хвольсон. Известия, стр. 79.

(31) Хвольсон. Известия, стр. 19—21.

(32) Смирнов. Мордва. Стр. 49—60.

(33) Чекалин. Сарат. Повол. с древн. вр. до к. XVII в., стр. 15—17. Кузнецов. Русская ист. геогр. Мордва. Стр. 28.

(34) Кузнецов. Русская ист. геогр. Мордва. Стр. 27, 28. Чекалин. Сар. Пов., 17 стр.

(35) Смирнов. Мордва, стр. 49—60.

(36) Чекалин. Сар. Пов., 23 стр.

(37) Френ. Ибн-Фодлан, стр. 246—7. Середонин. Ист. геогр., стр. 100. Кузнецов. Рус. ист. геогр. Мордва, стр. 29.

(38) Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. Статьи и разыскания Куника и Розена. Приложение к XXXII тому Записок Академии наук № 2, стр. 62.

(39) Хвольсон. Известия, стр. 19—21 (Ибн-Даста), стр. 73 (Эль-Балхи).

(40) Известия Ибн-Хаукаля, Масуди, Ибн-Даста у Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских; см. также Хвольсон, Известия.

(41) Середонин. Ист. геогр., стр. 102.

(42) Киев. Ст., 1888, июль. Голубовский. Болгары и хазары, восточн. соседи Руси, стр. 67.

(43) Середонин. Ист. геогр., стр. 171.

(44) Де-Рубрук. Путешествие в восточн. страны, стр. 80.

(45) Труды С. У. А. К., вып. 24. Зайковский. Каменные Забы, стр. 31.

(46) Плано-Карпини. История монголов. 16 стр. Де-Рубрук. Путешествие в восточные страны. 78 стр.

(47) Плано-Карпини. История монголов, стр. 15.

(48) Плано-Карпини. История монголов, стр. 27.

(49) Саблуков. Очерк внутр. сост. Кипч. царства. Стр. 27.

(50) Плано-Карпини. История, стр. 6—7. Де-Рубрук. Путешествие, стр. 69.

- (51) 1335 г. Тизенгаузен. Материалы по истории Золотой Орды. Известие Ибн-Батуты, стр. 292.
- (52) Плано-Карпини. История, стр. 14. Де-Рубрук. Путешествие, стр. 78.
- (53) Плано-Карпини. История, стр. 14. Де-Рубрук. Путешествие, стр. 78.
- (54) Плано-Карпини. История, стр. 16.
- (55) Григорьев. О местопол. Сарая, столицы Зол. Орды. Стр. 96 пр. Ср. его же Россия и Азия, стр. 318.
- (56) Саблуков. Очерк, стр. 25.
- (57) Саблуков. Очерк, 25 стр. Де-Рубрук. Путешествие, 95 стр.
- (58) Де-Рубрук. Путешествие, 96 стр.
- (59) Ибн-Батута. Тизенгаузен. Материалы. Стр. 302.
- (60) По докладу А. А. Кроткова, прочитанному в С. У. А. К.
- (61) Труды С. У. А. К., вып. 32. Доклад Кроткова, 127—9 стр. Увекские древности, ярко рисующие быт татар, можно видеть в музее С. У. А. К. в Увекской комнате.
- (62) Ибн-Батута. Тизенгаузен. Стр. 294.
- (63) П. Савельев. Монеты джучидов, джагатаидов, джелаиритов, и др., стр. 294.
- (64) Кузнецов. Рус. ист. геогр. Мордва, стр. 33.
- (65) Кузнецов. Рус. ист. геогр. Мордва, стр. 33.
- (66) Ключевский. Сказания иностр., стр. 234. Заимствовано у Контарини.
- (67) Леопольдов. Историч. очерк Саратов. края. Стр. 10.
- (68) Григорьев. О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды, 29—30 стр. Ср. его же Россия и Азия, стр. 276.
- (69) Соловьев. История России, книга II, т. VI, стр. 313—314.
- (70) Девичьи горы тянутся в вольском уезде, близ устья Терсы, Змиевы горы—ниже Вольска, между селами Рыбным и Бережниками.
- (71) Соловьев. История России, кн. II, т. VII, стр. 395.
- (72) Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. Стр. 241—5.
- (73) Насады—большие плоскодонные суда, при сильном ветре ходили под парусом, в тихую погоду их тащили бычевой.
- (74) Соловьев. История России, книга II, т. VI, стр. 315.
- (75) Чекалин. Саратовское Поволжье. Стр. 46—47.
- (76) Чекалин. Саратовское Поволжье. Стр. 33.
- (77) Чекалин. Сар. Пов., стр. 55. Перетяткович. Поволжье в XV и XVI в., т. I, стр. 320.
- (78) Сторонники этого последнего мнения расходятся по вопросу о том, где именно был расположен первоначально Саратов: в районе ли нынешней Казанской церкви в Саратове (Любомиров)

или где-нибудь около села Пристанного (Гераклитов). См. Труды Сар. У. А. К., вып. 31. Гераклитов. «Где был построен Саратов в 1590 году».

(79) Шахматов. Исторический очерк г. Саратова и его округи. Стр. 19.

(80) Так, одни полагают, что вторая половина названия «Саратов» происходит от «атой» или «атель» — низменная местность, и считают, что своим названием Саратов обязан низменной хорошей местности, где он был расположен. (Шахматов). Есть особняком стоящее мнение, что имя «Саратов» происходит от тюркского «сарт» — оседлый (Готовицкий). Третьи производят вторую половину слова от «атав» — остров, следовательно Саратов означает «Желтый остров».

(81) Веселовский. Памятники дипломат. и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. II, 120 стр.

(82) По сравнению с ценами 1880-х гг. 3 рубля XVII века составляют 30 рублей, что для коровы в Московской Руси было очень дорого. В рубле XVII века считалось 200 денег московских, 10 гривен, 2 полтины; 6 денег составляли 1 алтын.

(83) Олеарий. Описание путешествия в Московию. Стр. 358.

(84) Веселевский. Памятники дипломат. и торговых сношений Москов. Руси с Персией, т. II, стр. 118 и сл.

(85) Шахматов. Истор. очерк г. Саратова, стр. 44—6, и Леопольдов. Истор. очерк Саратовского края, стр. 41.

(86) Олеарий. Описание путешествия в Московию. 386 стр.

(87) Здесь не указаны женщины. Чтобы получить приблизительную цифру всего населения города, надо показанное число увеличить вдвое, так как многие военные были в Саратове на временной службе и их семейства оставались в других городах. Следовательно, население Саратова можно считать около 1000 человек.

(88) Труды Сар. Уч. Арх. Ком., вып. 33. Смирнов. Окладная роспись пятины по г. Саратову 1634 года, стр. II, V, VII, IX. Шахматов. Истор. очерк г. Саратова, 51 стр.

(89) Труды Сар. Уч. Арх. Ком., вып. 33. Смирнов. Окладная роспись пятины по г. Саратову 1634 года, стр. XVI и XVIII.

(90) Олеарий. Описание путешествия. 386 стр. Стрюйс. Путешествие по России в «Рус. Архиве» за 1880 г., т. I, стр. 79 и след.

(91) Олеарий. Описание путешествия, стр. 388.

(92) Кузнецов. Рус. ист. геогр. Мордва, 43 стр.

(93) Смирнов. Мордва. 90 стр.

(94) Смирнов. Мордва, стр. 94—6. Дополнения к актам историческим, том III, № 55.

(95) Попов. Материалы по истории бунта Стевьяки Разина. Стр. 15. 21—22.

- (96) Соловьев. История России. Кн. III, т. XI, стр. 306.
- (97) Шахматов. Истор. очерк г. Саратова. Стр. 75.
- (98) Саратовский сборник (изд. Статист. ком.), т. II, Луниц, «Из народн. преданий о Стеньке Разине» — там помещены 2 песни о Разине и его сыне; те же песни записаны Соколовым (Труды Сар. Уч. Арх. Ком., вып. 25) и Пушкиным (Полное собр. сочинений). В сборнике Худякова «Великорус. народн. песни» — помещена песня «Ах туманы», посвящ. шайке Разина. В сборнике Рыбникова есть «Стенька Разин» — прощание Разина с товарищами. В сборнике Крыловой — вариант той же песни и т. д.
- (99) Предания о Разине см. у Зайковского «Бугор Стеньки Разина»; в Саратов. сборнике (изд. стат. ком.), т. II, ст. Лунина «Из народн. преданий о Стеньке Разине»; Минха Историко-геогр. словарь Сарат. губ., т. I, вып. III «Разин».
- (100) Чекалин. Сарат. Поволжье, стр. 65.
- (101) Чекалин. Сарат. Поволжье, стр. 65.
- (102) «Саратовский край», изд. об-ва вспом. нужд. литерат., вып. I, ст. Сабликова «К истории топографии Саратова», стр. 110.
- (103) Чекалин. Сарат. Поволжье, стр. 71.
- (104) Соколов. Саратовский Троицкий собор, стр. 2—3.
- (105) Шахматов. Истор. очерк г. Саратова, стр. 96.
- (106) Чекалин. Саратов. Поволжье, стр. 68.
- (107) Соколов. Раскол в Саратовском крае, стр. 5 и след.
- (108) Сарат. край, вып. I. Духовников и Хованский. «Саратовская летопись», стр. 30.
- (109) Сарат. край, вып. I, «Летопись», стр. 36.
- (110) Сарат. сборник (изд. Статист. комит.), т. I, стр. 235.
- (111) Соколов. Раскол в Сарат. крае, стр. 17.
- (112) Минх. Истор.-геогр. словарь Сарат. губ., т. I, в. III, стр. 616—617. «Медведица».
- (113) Труды Сарат. Уч. Арх. Ком., вып. 29, ст. Гераклитова «Материалы для истории Сарат. Поволжья», стр. 81.
- (114) Сарат. сборн. (изд. Стат. Ком.), т. I, отд. I, стр. 235; Леопольдов. Истор. очерк Сарат. края, стр. 59.
- (115) Труды Сар. У. А. К., вып. 29, ст. Гераклитова, стр. 83.
- (116) Леопольдов. Истор. очерк Сарат. края, стр. 49—50.
- (117) Материалы по истории крепостного права. Сарат. губ., ст. Хованского «Помещики и крестьяне» Сарат. губ., стр. 40—2. 50—3.
- (118) Леопольдов. Историч. очерк Сарат. края, стр. 62.
- (119) Саратовский край, вып. I, «Летопись», стр. 39.
- (120) Минх. Истор.-геогр. словарь Сар. губ., т. I, в. II «Канал Петра В.»

(121) Чекалин Сарат. Поволжье, стр. 71. В чисто ревизских душ не вошло дворянство, духовенство, часть купечества, не обложенные подушной податью.

(122) Материалы по крепостному праву Сарат. губ., ст. Хованского, стр. 41.

(123) Минх. Истор.-географ. словарь Сар. губ., т. I, в. I, «Ахмат».

(124) Соколов. Раскол в Сарат. крае, стр. 23 и след.

(125) Труды С. У. А. К., вып. 26. Гераклитов. Очерки из быта Эльт. солян. ломц. и возч., стр. 81—82.

(126) Соколов. Раскол в Саратовском крае, стр. 29 и след.; Сарат. край, вып. I. «Летопись», стр. 43.

(127) Саратовский край, вып. I, ст. Духовникова. «Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове, стр. 237 и след.

(128) Минх. Истор.-геогр. словарь Сарат. губ., т. I, в. II «Камышинский уезд».

(129) Минх. Истор.-географ. словарь Сарат. губ., т. I, в. III, «Сарепта».

(130) Саратовский край, в. I, ст. Духовникова «К ист. топогр. Саратова», стр. 129.

(131) Саратовский край, в. I, «Летопись», стр. 46.

(132) Саратовский край, в. I, «Летопись», стр. 47.

(133) «Рус. Арх.», 1883, кн. 2. Данилов. Записки, стр. 22—3.

(134) Фирсов. Пугачевщина, стр. 18.

(135) Дубровин. Пугачев и его сообщники. т. I, стр. 246—7, III, стр. 53 и 112 и др. Фирсов. Пугачевщина, стр. 119—129.

(136) Леопольдов. Исторический очерк г. Саратова и пугачевщины, стр. 23.

(137) Труды С. У. А. К., вып. 30. Гераклитов. Обзор пугачевских дел из Астраханского Губернского Архива, стр. 45.

(138) Труды С. У. А. К., том IV, вып. II. Духовников. К ист. пугачевск. бунта. (Из воспоминаний Ченыкаева), стр. 53.

(139) Труды С. У. А. К., вып. 29. Хованский. Пугачев и пугачевщина в селах и деревнях Сарат. губ., стр. 154.

(140) Сарат. ист. сборник (изд. С. У. А. К.), т. I. Скопин. «Дневник происшествий», стр. 10—12. Леопольдов. Ист. очерк Саратова и пугачевщины, стр. 39.

(141) Леопольдов. Истор. очерк Сарат. края, стр. 120.

(142) Волга от Твери до Астрахани (изд. «Самолет»), стр. 330.

(143) Сарат. ист. сборник, т. I (изд. Сарат. Уч. Арх. Ком.). Скопин. «Дневник происшествий», стр. 20—21.

(144) Сарат. сборник (изд. Статист. Ком.), т. I, отд. I. Список сарат. губернаторов 6 ст. А. Н. Минха материалы для истории Сарат. губ., стр. 5.

(145) Минх. Истор.-географ. словарь Сарат. губ., т. I, вып. II, «Заметаев».

(146) Труды С. У. А. К., т. IV, вып. I. Вейнберг. Материалы по истории Саратова, стр. 68—69.

(147) Сарат. ист. сборник (изд. С. У. А. К.), вып. I стр. 3 и 135.

(148) Саратовский край, вып. I. Хованский. О развитии книжной торговли в Саратове, стр. 323.

(149) Саратовский сборник (изд. Стат. Ком.), т. I, отд. I. Надеждинский. История села Голицына, стр. 256—7.

(150) Саратовский край, вып. I. «Летопись», стр. 53.

(151) Саратовский сборник (изд. Стат. Ком.), т. I, отд. I, ст. А. Н. Минха, материалы, стр. 5.

(152) Материалы по крепостному праву, ст. Хованского «Помещики и крестьяне Саратовской губернии», стр. 21—59.

(153) Минх. Ист.-геог. словарь Сарат. губ., вып. II. «Камышинский уезд».

(154) Корнилов. Курс русск. ист. в XIX в. т. III, прил. к-26 стр.

(155) Леопольдов. Стат. опис. Сарат. губ., т. II, стр. 13.

(156) Сарат. край, вып. I. Духовников. К ист. тои. Саратова, стр. 117—118.

(157) Соколов. Сарат. Тр. Собор, стр. 118, пр. 51.

(159) Сарат. край, вып. I. Духовников. К ист. топогр. Саратова, стр. 141.

(160) Сарат. край, вып. I. Духовников. «Немцы», стр. 247.

(161) Саратов. край, вып. I. Попов. Записки, стр. 213. Рассказы старых уездных чиновников.

(162) Сарат. край, вып. I. Попов. Записки, стр. 179.

(163) Саратовский край, вып. I. Попов. Записки, стр. 170.

(164) Матер. по креп. праву Сарат. губ., ст. Хованского «Помещики и крестьяне Сарат. губ.», стр. 59 и след.

(165) Сарат. сборник (изд. Стат. Ком.). Ист. села Голицына Надеждинского. Т. I. Отд. I. Стр. 262—3.

(166) Сарат. край, вып. I. Попов. Записки, стр. 182.

(167) Хованский. Очерки по ист. г. Саратова и Сарат. г., стр. 3.

(168) Леопольдов. Ст. оп. Сар. губ., I ч., стр. 71—4.

(169) Сарат. край, вып. I. Духовников. «Немцы», стр. 241. Минх. Ист. геогр. словарь Сарат. губ., т. I, вып. II «Камышинский уезд».

(170) Леопольдов. Ст. оп. Сар. края, ч. I, ст. 118.

(171) Леопольдов. Ст. оп. Сар. края, ч. I, ст. 130.

(172) Леопольдов. Ст. оп. Сар. края, ч. I, ст. 123.

(173) Леопольдов. Ст. оп. Сар. края, ч. I, ст. 123.

(174) Леопольдов. Ст. оп. Сар. края, ч. I, стр. 135.

(175) Леопольдов. Ст. оп. Сар. края, ч. I, стр. 163.

(176) Сар. ист. сборн. (изд. Арх. Ком.). Дневник Скопина, стр. 375.

(177) В работе Хованского «Участие Сар. губ. в Отеч. войне» указывается 239 саратовцев-офицеров, участников войны.

(178) Хованский. Участие Сарат. губ. в Отеч. войне, стр. 42, 45.

(179) Хованский. Участие Сарат. губ. в Отеч. войне, стр. 271.

(180) Хованский. Участие Сарат. губ. в Отеч. войне, стр. 65.

(181) Хованский. Участие Сарат. губ. в Отеч. войне, стр. 251.

(182) Одних офицеров и врачей французской армии было в Саратове 238 чел. (Хованский). Участие Сарат. губ. в Отеч. войне, стр. 252—4).

(183) Сар. край. Духовников. «Немцы, другие иностр. и пришлые люди», стр. 250.

(184) Хованский. Участие Сар. губ. в Отеч. войне, стр. 256—61, 63—7.

(185) Труды С. У. А. К., вып. 25, стр. 247.

(186) Хованский. Участие Сар. губ. в Отеч. войне, стр. 273—5.

(187) Сар. край, вып. I. Записки Попова, стр. 196.

(188) Сар. край, вып. I. Записки Попова, стр. 196.

(189) Подобные сведения у Леопольдова. Ист. оч. Сар. края, стр. 163.

(190) Сарат. край. «Летопись», стр. 65—6.

(191) Сарат. край. «Летопись», стр. 57.

(192) Хованский. Очерки по ист. г. Сар. и Сар. губ., стр. 105.

(193) Леопольдов. Ст. оч. Сар. края, II ч., стр. 26.

(194) Труды С. У. А. К., 25 вып., Черняев. Материалы для истории Сарат. I гимн., стр. 150.

(195) Труды С. У. А. К., 25 в., ст. Черняева, стр. 146—148.

(196) Труды С. У. А. К., 25 в., ст. Черняева, стр. 124.

(197) 1830 год.

(198) 1822 год.

(199) Леопольдов. Ст. оп. Сар. края, т. I, стр. 161.

(200) Сарат. край. Попов. Записки, стр. 159.

(201) Сарат. край. Попов. Записки, стр. 163.

(202) Труды Сар. Уч. Арх. Ком., вып. 30. Жеребцов. Из прошлого Саратова, стр. 94.

(203) Минх. Истор.-геогр. словарь, т. I, вып. III «Пароходство».

(204) Краснодубровский. Рассказ про старые годы Саратова, стр. 27.

(205) Минх. Истор.-геогр. словарь Сарат. губ., т. I, вып. III «Пароходство».

(206) 1833 год.

(207) Волга от Твери до Астрахани, стр. 17.

(208) И раньше до появления паровой машины ходили по Волге кабестанные суда, но их вал для накручивания каната приводился в движение или бурлацкой силой или конской.

(209) Матер. по крепостн. праву. Хованский. Помещики и крестьяне, стр. 58.

(210) Штукенберг. Стат. труды. Ст. XVIII. Сар. губ., стр. 6—7.

(211) Матер. по крепостн. праву. Ст. Хованского, стр. 175.

(212) Матер. по креп. пр., ст. Минха. Из записок мирового посредника, стр. 18.

(213) Матер. по креп. пр., ст. Минха, стр. 18.

(214) К 50-летию земских учреждений (изд. С. У. А. К.), стр. 27.

(215) Штукенберг. Ст. труды. Ст. XVIII. Сар. губ., стр. 24.

(216) Штукенберг. Ст. труды. Ст. XVIII. Сар. губ., стр. 11.

(217) Сар. сборн., изд. Ст. ком., II т., стр. 67 (9782 четверги).

✓ (218) Сарат. край, «Летопись», стр. 75.

(219) Сарат. сборн., изд. Ст. ком., II т., стр. 90.

(220) Сар. сбодн., изд. Ст. ком., II т., 97 стр.

(221) Сар. край, «Летопись», стр. 81.

(222) Сарат. сбодн., изд. Ст. ком., II т., 91 стр.

(223) Сарат. сборн., изд. Ст. ком., II т., 97 стр.

(224) Сарат. край. Попов. Записки, стр. 182.

(225) Волга от Твери до Астрахани, стр. 342.

(226) Штукенберг. Ст. труды. Ст. XVIII. Сар. губ., стр. 20.

(227) Волга от Твери до Астрахани, стр. 341.

(228) Подразумеваются лишь 10 правобер. уездов.

(229) Сар. сборн., изд. Ст. ком., II т., стр. 2.

(230) Сар. сборн., изд. Ст. ком., II т., стр. 39.

(231) Сарат. край. Хованский. Сар. Губ. Ведом., стр. 282, пр. 1.

(232) «Стат. описание Саратов. губернии». «Историч. очерк Сар. края», «Ист. оч. Самарского края», «Ист. очерк Саратова и пугачевщины» и много друг.

(233) Хованский. Очерки по ист. г. Саратова и Сар. губ., стр. 69.

(234) Сар. край. Хованский. Сар. Губ. Вед., стр. 281.

(235) Сар. край, «Летопись», стр. 85.

(236) Сар. сборник, изд. Ст. ком., т. II, стр. 19.

(237) Сарат. край. Смиреномудренский. «Из ист. разв. нар. обр. в г. Сарат.», стр. 315.

(238) Сар. край. Смиреномудренский. Из ист. разв. нар. обр., стр. 314—315.

(239) Сар. край. Духовников. Немцы, стр. 260.

(240) Сар. край. Духовников. К ист. топогр. Сарат., стр. 142—4.

(241) Сар. край. Летопись, стр. 73.

(242) Сар. край. Летопись, стр. 90.

Упоминаемая автором «Сарат. Ученая Архивная Комиссия» — ныне «Об-во Истории, Археологии и Этнографии при Сарат. Госуд. Университете»; музей комиссии — ныне «Саратовский Областной Музей»; коллекции, о которых в книжке идет речь, входят в состав археологического отдела Областного Музея (или «Археологического Музея»).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Валентина Ипполитовна Оппокова (некролог)	3.
I. Природа Саратовского Края и его обитатели	6.
II. Скифо-Сарматская эпоха Будины и Гелоны	10.
III. Хазаро-Буртасская эпоха. Печенег и Половцы	15.
IV. Монголо-Татарская эпоха	26.
V. Саратовский Край под властью русских	37.
VI. Саратов на левом берегу Волги	47.
VII. Перенесение г. Саратова на правый берег Последняя четверть XVII в. в истории Саратовского Края	56.
VIII. Саратовский Край в первые 70 лет XVIII века	62.
IX. Пугачевский бунт	71.
X. Девятнадцатый век. Население Саратовского Края и его занятия	81.
XI. Важнейшие события в жизни Саратовского Края в пер- вые 30 лет XIX века	95.
XII. Саратовский Край в 30—80 г.г. XIX века	104.
Примечания.	

ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ, АРХИОЛОГИИ и ЭТНОГРАФИИ ПРИ САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

Склад { Саратов, ул. Республики, № 7—9, книж-
изданий: { ный магазин „Новь“.
Москва, книжный магазин Центросоюза,
Кузнецкий мост, уг. Петровки.

СЕРИЯ ИЗДАНИЙ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ.

- 1) А. А. ГЕРАКЛИТОВ.—История Саратовского края в XVI—
XVIII в.в.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I Роль Саратовского университета в изучении нашего края. Значение местных историй в уяснении общерусского исторического процесса. Необходимость изучения местной истории, в частности Саратовского края для уяснения вопросов общерусского историч. процесса. Самодавлеющее значение нашей местной истории. Единство мирового исторического процесса и связь с ним истории Саратовского края. Положение нижнего Поволжья на пути из Европы в Азию и значение этого факта.

ГЛАВА II. Три этапа в деле изучения прошлого нашего края: 1-й период—А. Ф. Леопольдов, еп. Иаков, Н. И. Костомаров и Губернские Ведомости, П. Л. Мордовцев, влияния их на общество; статистический комитет. А. И. Шахматов, А. Н. Минх; попытка основания в Саратове исторического общества, 2-й период—ученая архивная комиссия, характер ее деятельности; изменение физиономии комиссии и методов работы ее членов. 3-й период—университет. Источники для изучения истории края. Богатство его археологическими памятниками; виды их. Собирающие и собранные такие памятники. Архивные материалы. Материалы эти дают меньше, чем можно было бы ожидать: молодость местных архивов, гибель архива Приказа Казанского Дворца, неразработанность столичных центральных архивов за XVIII—XIX в.в. Местные летописи, записки и т. п. Обзор краевых архивных хранилищ.

ГЛАВА III. Определение понятия „Саратовский край“. Неприемлемость ходячих терминов для замены этого выражения; условность и недостаточность отдельных признаков для определения территории края. Рост Саратова в экономическом и административном отношениях, делающих его центром края. Определение территории края: заводская часть и правобережье;

роль рек и их бассейнов в истории заселения края. Наш край к моменту освоения его русским государством, скудость источников. Свидетельства очевидцев и источников о большом богатстве края в старину. Вопрос о возможности существования в крае русского населения до XVI века.

ГЛАВА IV Государственные организмы, возникшие в Поволжье после распада Золотой Орды. Казань и Астрахань, их население и устройство. Три фазы в борьбе Москвы с Казанью. Оценка значения завоевания Казани со стороны русских историков.

ГЛАВА V Торговое значение Волги в IX—XII вв. Монгольское завоевание открывает дорогу через наш край из Европы на Восток. Пути в Китай, Персию и Индию; засорение этих путей. Живучесть мысли о возможности вновь открыть их. Неудачи попыток открыть северо-западный проход. Герберштейн и влияние его книги на организацию английской экспедиции по открытию пути в Китай в северо-восточном направлении. Ченслер и Английская компания. Выгоды торговли с Персией; сношения с Индией. Волга—важный международный торговый путь. Промышленное значение Волги: рыба и соль.

ГЛАВА VI Положение на средней и нижней Волге в конце XVI в. как обстоятельство мешающее использованию края в торговом, промышленном и колонизационном отношениях. Ногаи и борьба Москвы с ними. Казаки на Волге; вопрос о происхождении волжского казачества. Многочисленность воровских казаков; связь с Доном.

ГЛАВА VII Мероприятия правительства в целях обезопасить юго-восточные укрепы от кочевников и обеспечить правильность сношений по Волге. Сторожи; несостоятельность господствующих мнений о времени возникновения постоянной сторожевой службы. Сторожевые линии в нашем крае. Караманская станица; разбор мнений Шахматова и Чекалина. Изменение линий разездов по Волге. Постройка по южной укрепе городов в конце XVI в. Возникновение Самары.

ГЛАВА VIII Основание Царицына и Саратова. Мнение Карамзина о времени постройки Царицына. Лугаревская летопись, характер ее. Год постройки Царицына; название этого города, место первоначальной постройки; цель постройки города на Переволоке. Обширность литературы о времени и месте построения Саратова. Перетяткович, Красnodубровский, Чекалин, его мнение о приемственности Саратова и Сарытау и об одновременном существовании двух Саратовов. Запись на Евангелии 1578—9 г. Первоначальное местоположение Саратова.

ГЛАВА IX. Интерес местных исследователей к происхождению слова „Саратов“, общепринятое производство его. Мнение Шахматова и Готовицкого. Вопрос о Саратове, как о приемнике татар.

ского Сары-Тау. Гипотеза Чекалина и разбор его положений: пути Рубрука, Карты Пицигани и Фра-Мауро, летопись Шереф-ед-дина Бунгари, память 1614 г., Олеарий и Стрюйс; Витзен.

ГЛАВА X. Саратов и Царицын в XVI в. Смутное время в низовом Поволжье. Гибель Саратова и Царицына.

ГЛАВА XI. Саратовский край после смуты; восстановление городов. Царицын и свидетельство о нем Котова; рисунок Олеария и те заключения, которые можно из него сделать. Возобновление Саратова и причины перенесения его на луговую сторону. Возникновение Камышина и связь этого факта с постройкой Царицына (служила роль Саратова и Царицына: охрана Волги от воровских казаков. Появление калмыков на Волге. Борьба с ногайцами, добывание вестей. Военное население наших городов. Рыбная промышленность на Волге. Казенные рыбные ловли. Монастырские промыслы.

ГЛАВА XII. Появление неслужилого населения в наших городах. Окладная роспись по пятины по Саратову и даваемые ею сведения. Рост Саратовского посада в последующее время. Поселение при дворцовом рыбном городке. Население Саратова и Царицына: стрельцы, дети боярские, приказные люди. Церкви и монастыри наших городов в XVII в. Исторические сведения о Богородицком монастыре в Саратове. Свидетельства путешественников XVII в., посетивших наш край.

ГЛАВА XIII. Исчезновение местного волжского казачества. Рост разбойничества на Волге. Разин в наш м крае. Участие Саратова и Царицына в разиновском движении.

ГЛАВА XIV. Наш край в конце XVII в. Перенесение Саратова на правый берег и причины этого факта. Рост города на новом месте. Монастырские поселения на Волге. Постройка Дмитриевска. Пустынность внутренней части края и попытка заселения его с юго-запада. Сторожевые черты: Тетюшская, Козлов—Ломов и Симбирская, Заселение Симбирского уезда по черту и начало испомещения за чертой.

ГЛАВА XV. Постройка Пензы и черты на Сызрань. Направление Сызранской черты и вопрос о городках в Кузнецком у. Первые поместья в нашем крае. Состав первоначников. Инородческие поселения. Заселение бассейна Терешки. Появление крупных помещиков. Петровск и значение его постройки в ходе заселения края. Петровский уезд. Население края до 1-й переписи. Рост его и происхождение.

ГЛАВА XVI. Набеги кочевников, нападение кубанцев 1717 г. Постройка черты от Волги к Дону. Попытки частной инициативы в заселении местности по черте. Образование Волжского войска. Беглые в нашем крае и их роль в его колонизации.

ГЛАВА XVII. Рост населения после устройства Царицынской черты до 2-й ревизии. Происхождение пришлого населения.

Рост помещичьего землевладения. Положение крестьян. Данные о посадском населении.

ГЛАВА XVIII. Заселение заволжской части края. Разработка эльтонской соли и поселение малороссов. Вызов старообрядцев. Иностранные колонисты в Саратовском крае. Около 400 стр. Цена 3 руб.

2) **А. А. ГЕРАКЛИТОВ.**—Саратов. Краткий исторический очерк. Цена 30 коп.

Оглавление. Предисловие ко 2-му изданию. Введение I. Основание Саратова. II. Саратов на левом берегу Волги III. Правобережный Саратов за первые 100 лет своего существования. IV. Саратов, как экономический, административный и культурный центр V. Саратовская старина. VI. Саратовские деятели.

3) **Б. В. ЗАЙКОВСКИЙ.** Особенности Саратовского края. Популярный очерк.

(Излагается культурно-историческое значение края. Богатство и разнообразие его ископаемых. Этнографические, зоологические и ботанические особенности. Участие Саратовского края в общем ходе исторического процесса) К очерку приложена таблица с рисунками кремневых орудий, найденных в Саратовском крае. Цена 20 к.

4) **С. И. ВЫСТРОВ.**—Поморское согласие в Саратовском крае. Цена 15 коп.

ТРЕБУЙТЕ ПОЛНЫЙ КАТАЛОГ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

**Саратов, ул. Республики № 7—9, книжный магазин
„НОВЬ“ В. З. Яксанова.**

